Л.Н.Митрохин

Баптизм

БИБЛИОТЕКА

·СОВРЕМЕННЫЕ

РЕЛИГИИ·

Библиотека

■ *Современные*

религии ■

«СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛИГИИ»

Это серия книг, рассказывающих о вероучении и культе основных религиозных направлений и наиболее распространенных религиозных организаций, их структуре, моральных поучениях, деятельности в наши дни. В библиотеку «Современные религии» входят книги:

- *Православие*
- *Католицизм*
- *Протестантизм*
- *Ислам*
- *Буддизм*
- *Иудаизм*
- *Баптизм*
- *Адвентизм*
- *Свидетели Иеговы*
- *Пятидесятники*
- *Меннониты*
- *Старообрядчество*
- *Духовные христиане*
- *Униаты*

Л. Н. Митрохин

Баптизм

Издание второе

Издательство
политической литературы
Москва · 1974

Митрохин Л. Н.

М67 Баптизм. Изд. 2. М., Политиздат, 1974.
263 с. (Б-ка «Соврем. религии»).

Эта книга из серии «Современные религии» рассказывает о баптизме, одном из наиболее распространенных течений протестантизма. Автор разбирает историю становления баптизма, его социальную природу, догматику, нравственные принципы и культ, выявляет роль этой церкви в истории общества. В книге дается характеристика современного состояния баптизма, особенностей деятельности баптистских проповедников. Автор использует религиозную литературу, личные наблюдения, результаты научных экспедиций.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

М $\frac{10509-113}{079(02)-74}$ БЗ—44—16—73 **293.5**

Изучение религии никогда не было сферой чисто академического, беспристрастного интереса. Это арена острой идеологической борьбы, которая давно ведется между научным и религиозным мировоззрением. Практическое значение этой борьбы особенно возросло в настоящее время. Коммунистическое воспитание трудящихся означает преодоление всякого рода ненаучных представлений и предрассудков, всех проявлений буржуазной идеологии. Одним из реальных оппонентов научного мировоззрения является религия.

Последнее положение нуждается в конкретизации. В действительной жизни нет религии «вообще», нет и «вообще» верующих. Имеются конкретные религиозные течения, последователи определенных вероисповеданий. Судьба различных религиозных течений оказалась неодинаковой в условиях социалистического общества. Многие религиозные направления и церкви за минувшие полвека порастеряли своих поклонников, заметно утратили влияние на людей. Однако некоторые (главным образом от-

ветвления протестантизма) демонстрируют свою живучесть и теперь. Среди них в первую очередь следует назвать баптизм.

Церковь баптистов, возникнув три с половиной века тому назад, в настоящее время является одной из крупнейших религиозных организаций. Особо стоит подчеркнуть тот факт, что наиболее бурный рост баптизма приходится на нынешнее столетие. Если в 1905 г. во всем мире насчитывалось 7 млн. баптистов, то в настоящее время количество их превысило 25 млн. человек. Баптистские церкви практически существуют во всех странах, а баптистское вероучение составляет существенный фрагмент современной буржуазной идеологии.

Немногим более века назад, 20 августа 1867 г., в «новую» веру был крещен русский купец Никита Исаевич Воронин. Эта дата считается официальным днем рождения баптизма в России.

Минувшее столетие российской истории было наполнено событиями всемирно-исторического значения. Оно вместило в себя три революции, охватило период, начиная от пореформенного времени и кончая вступлением страны в эпоху коммунистического строительства. История русского баптизма не могла не отразить этих событий. В ней имеются свои этапы, зигзаги, свои отливы и приливы. Но если отвлечься от всех нюансов, то прошлое баптизма предстанет как история церкви, которая, появившись сто с лишним лет тому назад, ныне превосходит по своей численности все остальные религиозные объединения, которые обычно называют «сектами», вместе взятые: общины евангельских христиан-баптистов насчитывают сейчас несколько сот тысяч человек. Следующие за баптистами по своей численности секты — адвентисты, «Свидетели Иеговы» и пятидесятники — представлены лишь несколькими десятками тысяч последователей.

Но дело не только в цифрах. Баптизм — это церковь, централизованная в масштабах страны; она имеет многочисленные кадры искусных проповедников, четко организована, у нее в деталях разработана догматика и обрядность. Баптизм, как правило, цепко берет человека в свои объятия, и верующий не просто расстается со своей верой.

Идеология баптизма не набор констатаций, бесстрастно повествующих о внешнем мире. Это религиозная интерпретация насущных проблем, программа поведения и ориентации человека в обществе, особая система моральных норм. Она выражает определенное мироотношение, так или иначе учитывая наличные социальные условия.

Научная критика не может ограничиться простым морализированием, лишь обличительством религиозной доктрины. Каждое религиозное течение нужно понять как социальное явление, последовательно провести принцип материалистического научного подхода к нему. Марксист оперирует не выдуманными, мифическими, кажущимися чертами религии. Он подходит к религии строго научно, рассматривает религиозную доктрину как целостное явление, прослеживает ее существенные свойства, ее реальное положение и место в обществе, соединяя воинствующую атеистическую страстность с точностью характеристик ее существа. В основу практики атеистического воспитания должен быть положен глубокий и строго научный анализ религии — в этом коренное отличие марксистского атеизма от всех форм домарксового подхода к религии.

В заключение следует указать еще на один аспект нашей темы. Когда речь заходит о христианской вере, то нередко у читателя возникает представление о примитивных воззрениях и странных людях, данные воззрения защищающих. В самом деле, эти люди верят: мир сотворен богом в шесть дней, первый человек — Адам — создан из «праха земного», а Ева — из ребра Адамова и т. п. Но как можно теперь, в наш век, с его изумительными достижениями в области науки и техники, увлекаться подобными сказками? И какой смысл, какой интерес тратить время на знакомство с этими примитивными идеями, со странной привязанностью ко всякого рода небылицам?

Христианство, его история и вероучение представляют интерес для каждого человека, размышляющего о закономерностях развития человеческого общества, о путях формирования культуры и искусства, о становлении духовного мира и нравственных

принципах людей. «Привидением, сидящим на гробе Римской империи» назвал его Томас Гоббс. Столетиями великие мыслители и художники отдавали церкви силу своего таланта, своим вдохновением очеловечивая христианские легенды. В то же время поколения ученых, философов со всей страстностью разоблачали библейские мифы, резко обличали церковь и ее служителей. Шли годы, менялось общество, но христианство продолжало жить. Перегруппировывая свой идеологический арсенал, оно из одной формации переходило в другую. Оно распространилось по всей планете и донесло до нас сплав ранней человеческой мысли, нравственного сознания и эмоций далекой эпохи. Это младенческая греза человечества, сохранившаяся в отрочестве.

Христианство не пришло в общество извне, его судьбы не лежат где-то рядом, сбоку от человеческой истории, его идеология закономерно возникает из реальных социальных противоречий. Без знания его невозможно понять творчество многих крупнейших представителей культуры и искусства прошлого — композиторов, художников, писателей, которые так или иначе соотносили свои работы с христианскими идеями, заимствовали библейские образы и библейские сюжеты. Невозможно понять полный глубокого драматизма путь человеческой культуры к гуманизму и свободомыслию. Напомним и о том, что многие демократические движения развивались в религиозной форме.

Христианство и сегодня продолжает оставаться существенным элементом духовной жизни общества, и миллионы наших современников воспринимают его идеи как естественное завершение собственного жизненного опыта, с волнением читают Библию как книгу, написанную специально для них.

Изучение баптизма даст возможность еще глубже понять место человека в современном обществе, приоткрыть тайну сложных путей формирования индивидуальных убеждений.

Глава I

ИЗ ИСТОРИИ БАПТИЗМА

Когда мы знакомимся с баптизмом в том виде, в котором он существует в настоящее время, он предстает перед нами как готовое, сложившееся течение, имеющее свои особенности в догматике, моральных принципах и организации. Однако возникли эти особенности постепенно, в ходе длительного исторического развития и выражают в религиозной форме социальный опыт последователей баптизма. Поэтому для понимания баптизма в его современном виде крайне важно восстановить некоторые, наиболее значительные страницы его прошлого. Это следует сделать и по другой причине. Современные баптистские богословы часто апеллируют к истории, стремясь представить свою церковь в роли давней и неутомимой поборницы свободы, социальной справедливости и демократии. «Баптисты,— пишет Вальтер В. Ботомс,— были среди пионеров религиозных и общественных свобод; они были первыми среди протестантов в распространении христианской веры, они стре-

мились к повышению образования и социальной деятельности»[1]. Подобная идея типична для буржуазных исследователей баптизма. Наиболее претенциозно она была высказана виднейшим деятелем мирового баптизма Вальтером Раушенбушем на Втором всемирном съезде баптистов (Филадельфия, 1911 г.). «Мы,— говорил он,— исторические наследники средневековых сект, которые признавали демократию и братство и были преследуемы как за свои социальные принципы, так и за свою религию. Мы наследники славного анабаптистского движения реформации, которое воплощало религиозные и социальные надежды простого народа и было подавлено за это сочетание»[2].

Подобные идеи часто высказывали идеологи баптизма и в нашей стране. Христианство, говорили они, было «могучим двигателем прогресса». Оно «уничтожило жестокие законы, смягчило ужасы войны, обуздало насилие и угнетение, вдохнуло справедливость и человечность в среду начальников и общества, отстояло права бедных и несчастных, вызвало нравственную реформу и прогресс и явилось главным инициатором и покровителем всего, что только есть хорошего, ценного и прочного в нашей современной цивилизации»[3]. В таком же духе баптисты рассуждают и в настоящее время. «История доказывает,— пишет «Братский вестник»,— что истинное христианство принесло в языческий мир культуру и облегчило тяжелые условия жизни людей, уничтожив, например, рабство, многоженство, приниженное положение женщины и т. д.»[4]. Баптисты считают, что именно их учение восстановило «истинную» суть христианства.

---

[1] *Walter W. Bottoms*. Who are the Baptists? London, 1956, p. 1.
[2] «Баптист», 1911, № 35, стр. 276.
[3] «Утренняя звезда», 1911, № 32.
[4] «Братский вестник», 1963, № 1, стр. 50.

Баптистские теоретики исходят из идеи о том, что их учение богооткровенно. Иными словами, они утверждают, что баптизм не может быть объяснен из исторически конкретных условий развития общества, что его источник носит божественный, «неземной» характер. Они отвергают какую бы то ни было классовую обусловленность вероучения христианства. «Иисус не предлагал,— говорят они,— никакой теории об обществе. Из евангелия столь же легко извлечь науку о химии, как науку о политической экономии». Суть же учения Христа, продолжают они, заключается в том, что он дал «великие принципы, которые могут действовать при всяком устройстве общества».

Таково характерное для богословов понимание человеческой истории. Первичным, определяющим в ней они считают религиозные идеи, а закономерности общественного развития, социальные отношения и институты — вторичными, зависящими от религиозных идей. Религиозная концепция общества, указывают К. Маркс и Ф. Энгельс, «предполагает религиозного человека как первичного человека, от которого исходит вся история...» [1].

Эта концепция изображает исторический процесс в искаженном, иллюзорном виде. Религия есть особое, превратное отражение реальных общественных противоречий. По самой своей природе религия отражает и закрепляет мироощущение определенных социальных слоев, а ее идеология имеет четкую классовую природу. Именно анализ действительной, земной основы формирования того или иного религиозного направления дает возможность понять специфические особенности его вероисповедной программы. Поэтому мы начинаем с истории.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 39.

Но не фактическая история, как таковая, сейчас интересует нас. Мы восстановим некоторые страницы прошлого лишь для того, чтобы лучше понять нынешний баптизм. Поэтому мы будем опускать многочисленные факты и детали, пытаясь воссоздать историческое прошлое в его «спрямленном», общем виде.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БАПТИЗМА

Христианство никогда не было однородным — в нем постоянно возникали различные соперничающие и враждебные друг другу церкви, группы, ереси, толки и т. п. Происходило это потому, что христианские идеи неодинаково усваивались различными социальными слоями, выступая как идеологическое оформление их классовых и политических позиций. Но начиная с XVI в. прежде разрозненные проявления оппозиции католической церкви слились в мощный поток, захвативший Европу и давший начало новой разновидности христианства — протестантизму, в русле которого и возник баптизм.

Истинные побудительные мотивы реформации коренились в социально-политической сфере. Догматы католической церкви, как отмечал Энгельс, приобрели характер политических аксиом. Поэтому борьба крепнущей буржуазии против средневековых порядков закономерно вела к пересмотру установившихся католических догм. Протестантизм означал реформацию на буржуазных началах католической церкви, приспособившей христианство к сословной средневековой деспотии. Именно эта социальная природа протестантизма позволяет понять особенности его догматики и культа.

Выступая против церкви как неотъемлемого института феодализма, идеологи протестантизма отвергали и богослужебную практику католической церкви, и те догматические положения, на которых она основывалась.

Обосновывая свои реформы, протестанты ссылались на адекватное прочтение «священного писания» (Библии), которое они объявили единственным авторитетом в вопросах веры, отвергая «священное предание», закрепившее социальную практику и положение католицизма в условиях феодализма. Протестанты отвергли католическую церковь и большинство церковных обрядов: поклонение иконам, святым угодникам, культ девы Марии. Они ликвидировали институт священства, монашество, пост; из семи церковных таинств сохранили лишь крещение и причащение. Существенным изменениям подверглась традиционная догматика. Отрицая католическое учение о церкви как необходимой посреднице в деле спасения людей, «добрые дела и подвиги благочестия» — как непременные ступени к загробному воздаянию, протестантские богословы противопоставили им учение о единоспасающей личной вере. С ним связано и особое понимание мифа о грехопадении, о сущности и последствиях первородного греха, о божественном предопределении, о роли святого духа и т. д. Было выдвинуто иное учение о церкви, изменениям подверглось и толкование принципов религиозной нравственности.

Мы еще остановимся на особенностях протестантского богословия, когда речь зайдет о соответствующих разделах баптистского вероучения. Сейчас же нам важно лишь подчеркнуть, что протестантское прочтение Библии было глубоко обусловлено реальными, земными интересами буржуазии и в религиозной форме отразило ту борьбу, которую она вела

против феодального строя. А поэтому степень решительности, с которой в различных странах осуществлялась реформация католической церкви, во многом зависела от остроты классовой борьбы в данной стране, от той социально-политической обстановки, в которой она происходила. В этом ключ к пониманию тех особенностей, которыми отличались различные течения реформации: лютеранство, кальвинизм, цвинглианство и т. д.

Особую форму реформация приняла в Англии, на родине баптизма. Баптизм возникает здесь в начале XVII в. как один из продуктов развития так называемого пуританизма (от лат. purus — чистый) — движения, направленного на дальнейшее очищение англиканской церкви от католицизма [1].

Англиканская церковь — пример компромиссного варианта протестантизма, варианта, достигнутого в результате длительной борьбы английской королевской власти против политических и экономических притязаний папского двора. Его наиболее решительным актом был принятый в 1534 г. «Акт о верховенстве», по которому главой англиканской церкви провозглашался английский король, упразднялись католические монастыри, монастырские земли конфисковывались в пользу короля и английского дворянства.

Окончательное утверждение англиканства произошло в 1563 г., когда королева Елизавета провозгласила так называемые «39 статей» в качестве государственной религии, непосредственно подчиненной королевской власти. В этих статьях отвергались като-

---

[1] Укажем на две фундаментальные работы, всесторонне описывающие историю баптистской церкви: *Henry C. Vedder*. A Short History of Baptists. The Hudson Press, 1967; *Robert G. Torbet*. A History of the Baptists. London, 1966.

лический догмат о чистилище и «преизбыточных заслугах святых» (а значит, и практика индульгенций), папская власть, почитание икон, мощей и святых угодников, католические святые, обет безбрачия священников (целибат), догмат о пресуществлении, лежащий в основе таинства причащения. С другой стороны, был сохранен догмат о церкви как необходимой посреднице в деле спасения людей, деление на священство и прихожан. Была также сохранена церковная иерархия, так называемое епископальное устройство, епископские суды, назначение священников через епископское рукоположение и т. д.

Развитие буржуазного уклада, укрепление английской буржуазии, требовавшей дешевой и послушной церкви, вызвало движение так называемых пуритан, которые выступали за дальнейшее очищение церкви от «папизма». Речь, в частности, шла об изменении англиканского богослужения, во многом напоминавшего римско-католическое, об отмене пышного культа и специальных священнических облачений (особенно во время причащения) и т. д. Пуритане требовали также реформ в организации церкви и замены епископальной системы так называемой пресвитерианской, при которой церковь управляется пресвитерами, избираемыми общинами.

Следует подчеркнуть, что вопрос об устройстве церкви, о ее взаимоотношении со светской (королевской) властью в условиях тогдашней Англии приобрел особую остроту. Как мы видели, именно здесь дух протестантизма меньше всего коснулся английской церкви. Между тем в своей классической форме протестантизм связан с утверждением самостоятельности церкви по отношению к светской власти. В этом направлении шли требования радикальных слоев английской буржуазии, стремившейся к независимости

от феодальной королевской власти. Поэтому споры об организации церкви могут послужить нам верным показателем расстановки социальных сил в религиозной жизни Англии той поры.

Движение пуритан было неоднородным. На правом фланге его стояли пресвитериане, отражавшие интересы крупной буржуазии. Их программа «очищения» была довольно робкой. Они признавали право светской власти надзирать за жизнью церкви, поддерживать и защищать ее путем законодательства и финансовой политики, право преследования «ересей», выступающих против официальной церкви, и т. д.

Более решительную политику защищали так называемые сепаратисты, или индепенденты, которые считали, что истинная церковь может быть создана лишь вне английской церкви, и требовали полного отделения от нее. Они требовали полной независимости и самостоятельности каждой религиозной общины. Одним из главных требований индепендентов был лозунг перестройки церкви на началах конгрегации. Сторонников этой реформы называли поэтому конгрегационалистами.

В чем суть их программы?

Пресвитериане считали, что все люди, живущие на данной территории и крещенные в младенчестве, являются членами данной приходской церкви. В противоположность этой концепции конгрегационалисты выдвинули идею церкви-общины. Истинная церковь, утверждали они, должна состоять только из «видимых святых», т. е. людей, которые могут засвидетельствовать свою верность христианству.

Конгрегационалисты сохранили крещение младенцев, предполагая, что впоследствии эти дети сознательно обратятся к Христу и будут допущены к хлебопреломлению. А поэтому, по их мнению, церковь

состоит не только из «видимых святых», но и из их детей. Отражая более радикальные требования мелкой буржуазии, баптисты выдвинули идею о том, что членом поместной церкви может быть лишь тот человек, который «сознательно» принял крещение, а поэтому бесповоротно отвергли крещение детей. Кстати сказать, именно потому, что учение о крещении обозначило отличие новой церкви от родственных ей течений, за ее последователями постепенно закрепилось название «баптисты» (от греч. baptistēs — креститель).

Как уже отмечалось, конгрегационалисты требовали отделения от официальной церкви и самостоятельности в решении религиозных вопросов. Однако речь у них конкретно шла об англиканской церкви и королевской власти. В принципе же они считали, что светская власть ответственна за состояние церкви и должна оказывать ей поддержку, и надеялись со временем такую поддержку получить. Баптисты же в принципе отвергали право светской власти вмешиваться в религиозные дела [1].

Фактическая история появления баптизма такова. В 1606—1607 гг. две группы английских сепаратистов из Линкольншира переселились в Голландию. Одна из них обосновалась в Лейдене и образовала здесь церковь во главе с Джоном Робинсоном. Другая под руководством Джона Смита нашла себе приют в Амстердаме и положила начало развитию баптизма.

Смит учил, что крестить следует лишь тех людей, которые могут представить убедительные доказательства своей преданности Христу. Поскольку все существовавшие в ту пору церкви Джон Смит рассматри-

---

[1] *Norman H. Maring, Winthrop S. Hudson.* A Baptist Manual of Polity and Practice. Chicago—Los Angeles, 1963, p. 11—12.

вал как неистинные, он сам крестил себя обливанием, а затем окрестил своих сторонников, организовав первую в истории баптистскую церковь.

В 1611 г. группа его последователей вернулась в Лондон и образовала первую баптистскую общину на английской земле. Вскоре была опубликована «Декларация веры» новой церкви. В ней нашли отражение те особенности баптизма, о которых мы говорили. Так, например, здесь говорилось: «Магистрат не имеет права вмешиваться в вопросы религии или свободы совести, заставлять или принуждать людей к исполнению той или иной формы религии или учения, но он должен предоставлять христианское вероучение свободной совести каждого» [1]. В «Декларации» было также четко сформулировано баптистское учение о церкви: «Видимая церковь состоит только из таких покаявшихся людей, которые верят в то, что Христос приносит впредь плоды, способные улучшить жизнь... Видимая церковь есть мистическая форма истинной духовной, невидимой церкви, которая образуется душами только праведных и совершенных людей» [2].

Баптистская доктрина вырастала на основе протестантской теологии и включала многие идеи Лютера и Кальвина. У нас сейчас нет возможности останавливаться на них. Кратко разберем лишь один вопрос — о различии общих и частных баптистов.

Отвергая претензии католической церкви на роль непременной посредницы в деле спасения, Лютер выдвинул учение о том, что спасает лишь личная вера человека. Но вера эта, по Лютеру, не есть результат благочестия самого человека, она возникает под воз-

---

[1] *W. W. Sweet.* Religion in Colonial America. N. Y., 1943, p. 122.

[2] *E. A. Payne.* The Fellowship of Believers. Baptist Thought and Practice Yesterday and Today. London, 1944, p. 21.

действием святого духа, который тем самым удостоверяет «избранность» данного индивида к спасению. Эти идеи нашли своеобразное отражение в учении Кальвина. Если вера имеет своим источником исключительно благодать божью, рассуждал он, то лишь от нее зависит судьба человека. Допустить же свободу воли — значит поставить промысел божий в зависимость от человека. Отсюда Кальвин формулирует свой известный догмат абсолютного предопределения, согласно которому бог «от века, еще раньше, чем они совершили что-либо, благое или дурное», одних людей избрал к вечному спасению, а других — к вечному проклятию. Тем самым искупительная жертва Христа распространялась лишь на часть людей — на тех, кто изначально записан в «книге жизни». Такой взгляд получил наименование догмата частного искупления, а баптисты, разделявшие его,— частных баптистов (particular baptists).

Но среди протестантов было распространено и другое понимание концепции избранности. Акцент делался на наличии у человека свободы воли, возможности выбора им пути праведности или пути греха. Предопределение понималось как предузнание. Христос, говорили сторонники такого взгляда, искупил грехи всех людей и дал возможность спастись каждому человеку. Но бог с самого начала знал, кто воспользуется этой возможностью, а кто останется в грехе. Таков догмат общего искупления, сторонников которого среди баптистов называли общими баптистами (general baptists). Отмеченные теологические нюансы имели, несомненно, свои социальные корни. Догмат общего искупления соответствовал мироощущению более демократических мелкобуржуазных слоев, надеявшихся со временем найти свое место под солнцем и в религиозной форме отразивших та-

кую надежду. Пресвитериане, как правило, придерживались кальвинистского понимания, а сепаратисты стояли на позиции общего искупления.

Джон Смит придерживался догмата общего искупления. Он прямо указывал, что «господь не предопределил ни одного человека к уничтожению» [1]. Первая баптистская община была, таким образом, церковью общих баптистов.

Общие баптисты в Англии росли медленно. В 1626 г. в стране было лишь пять церквей, которые объединяли около 150 последователей [2]. К 1700 г. их влияние и численность почти не выросли, и в целом общие баптисты не оказывали существенного влияния на главный поток формирования мирового баптизма.

Другая ветвь баптистов, так называемые частные баптисты, возникла независимо от группы Смита. Первая английская церковь частных баптистов ведет свое происхождение от пресвитерианской церкви, которая была образована Генри Джекобом в 1616 г. в Сосворке. В 1638 г. часть ее членов под руководством Джона Спилсбери образовала первую баптистскую церковь, исповедующую догмат «частного искупления». В 1642 г. существовало 3 таких церкви, в 1644 г. уже 7, и они приняли так называемое Лондонское исповедание веры, состоящее из 50 статей. Оно было составлено в духе кальвинистской теологии и признавало крещение путем погружения в воду. В итоге долгих споров и взаимного соперничества баптистских церквей в XVIII в. складывается система так называемого закрытого членства, которая впоследствии становится отличительной чертой частного баптизма. Именно частные баптисты оказали наи-

[1] *J. H. Schakespeare.* Baptist and Congregational Pioneers. London, 1907, p. 147.

[2] *Robert G. Torbet.* A History of the Baptists, p. 40.

большее влияние на последующее развитие баптизма в Англии, США и на европейском континенте.

Само название «баптисты» — сокращение от слова «анабаптисты» — далеко не сразу закрепилось за новой религиозной группой. После великой крестьянской войны в Германии слово «анабаптист» в глазах буржуазии приобрело одиозный смысл, а поэтому от него открещивались последователи всех новых религиозных течений. Так, например, Джон Смит говорил от имени «англичан, живущих в Амстердаме». В последующие годы неоднократно делались попытки прямо отмежеваться от революционных анабаптистов. Так, первое исповедание веры частных баптистов (1644 г.) было составлено от имени «церквей, которые обычно (хотя и ложно) называют анабаптистами». При этом здесь специально осуждалась доктрина анабаптистов и «ужасы» деятельности Томаса Мюнцера. В то же время противники новой церкви настаивали на этом наименовании, употребляя его в обличительном плане. Лишь в конце XVII в. термин «баптисты» стал появляться в работах последователей этой церкви.

Встает предельно запутанный историками вопрос о взаимосвязях анабаптистов и баптистов. Дело здесь не столько в теоретической сложности, сколько в том, что речь идет об отношении к наследию, за которым стоит призрак народной революционности. Как мы видели, первоначально баптисты всячески открещивались от такой родословной, но в последующие века позиция баптистских руководителей стала меняться. Анабаптисты — это «одно из наиболее значительных и живых религиозных движений эпохи реформации... Некоторое влияние анабаптистов, прямое или косвенное, почти определенно повлияло на образование ранних баптистских общин в Англии, и имеются все

основания гордиться этим»[1]. Подобное мнение можно оценить как типичное для буржуазных авторов.

На наш взгляд, ссылки на анабаптистов, а тем более на Томаса Мюнцера как на идейных предшественников баптизма лишены основания. В своей религиозной, а тем более социальной и политической программе баптизм решительно отличается от анабаптизма, выражающего в религиозной оболочке плебейско-крестьянский социальный протест. Баптизм воспринял лишь некоторые внешние черты анабаптизма, и прежде всего требование крещения на основе «сознательной веры», вытравив и оставив за бортом социально-политическую программу этого движения. Однако в силу общей политической ситуации, существовавшей в ту пору в Англии, даже умеренные требования вызывали резкие нападки со стороны официальной церкви и правительства. В наибольшей мере это проявилось в период реставрации, когда усилились гонения на пуритан, и баптистов в том числе. Особенного размаха они достигли при архиепископе Лодде, когда молитвенные дома баптистов были закрыты, а многие баптисты были заключены в тюрьмы. В результате десятки тысяч людей вынуждены были эмигрировать, преимущественно в Новый Свет (среди них был и Роджер Вильямс, основатель баптизма в США).

Гонения на баптистов продолжались до 1689 г., когда Вильгельм III Оранский объявил «Акт терпимости».

---

[1] *E. A. Payne.* The Fellowship of Believers, p. 15.

БАПТИЗМ В США

Наиболее значительное развитие баптизм получил в США, стране, ставшей его второй родиной. Прошлое баптизма в США — это история протестантской церкви, которая в настоящее время объединяет свыше 20 млн. человек, т. е. является в этой стране второй по численности (после католической церкви) религиозной организацией. Естественно, история эта чрезвычайно многогранна. Она связана с образованием и деятельностью многочисленных баптистских организаций. Мы остановимся лишь на некоторых эпизодах из прошлого американского баптизма — на тех, которые помогут нам лучше понять особенности современного баптизма, и прежде всего церкви евангельских христиан-баптистов. В этом отношении баптизм представляет для нас особый интерес, поскольку, как мы увидим позже, то течение, которое распространялось у нас под именем собственно баптизма (в отличие от евангельских христиан),— это баптизм в его американском виде.

История баптизма в США начинается с небольшой общины, которая была организована в Провиденсе (Род-Айленд) Рождером Вильямсом в 1639 г.

Вильямс был англиканским священником, впоследствии примкнувшим к движению индепендентов. В 1631 г. он, спасаясь от преследований архиепископа Лодда, был вынужден эмигрировать в Новый Свет и поселиться в колонии Массачусетс, основанной первыми английскими пилигримами.

Поток эмигрантов, который в те годы заселял Новый Свет и впоследствии составил ядро американской нации, был достаточно определенным по своему социальному составу. «...Соединенные Штаты современны, буржуазны уже с самого их зарождения...— отме-

чал Энгельс,— они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью учредить чисто буржуазное общество» [1]. Среди них было много лиц, которые спасались от религиозных преследований со стороны католической и англиканской церквей.

Помимо стихийной колонизации существовала и организованная колонизация, которая велась английским дворянством, доверенными людьми королевской короны. Поэтому на первых порах в колониях выделялась аристократическая верхушка, которая, защищая интересы метрополии, стремилась воплотить в жизнь идеал теократического государства. Сосредоточение власти в руках немногих «законных» землевладельцев, претендовавших на непререкаемый авторитет в толковании «священного писания», нетерпимость ко всякой форме проявления демократизма и свободомыслия — таковы были порядки в Массачусетсе.

Однако быстрое развитие заокеанской экономики на буржуазных началах, неизбежно порождавшее идеологию свободного предпринимательства, все более вступало в противоречие с теократической системой. В религиозной сфере оппозиция выражалась в требовании невмешательства светской власти в религиозные дела. Последовательным и решительным выразителем этого лозунга и стал Роджер Вильямс. Теократической системе, основанной на концепции божественного права, он противопоставил теорию «естественного права», которое уже в ту пору выступало как юридически-правовая санкция буржуазной практики. С этих позиций он выступал против правящей верхушки в Массачусетсе и оспаривал права

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 128.

английского короля на владение землями Северной Америки.

Согласно воззрениям Роджера Вильямса, государство есть «человеческий» инструмент для обслуживания общих интересов, есть род общественного договора, регулирующий отношения людей «в соответствии с природой, разумом, справедливостью». А поэтому народ имеет суверенное право «на такую *форму* правления, которая покажется ему наиболее соответствующей политическим *условиям* его жизни» [1]. Он решительно требовал невмешательства светской власти в религиозные вопросы. «Я считаю,— писал Роджер Вильямс в одном из своих памфлетов,— что ущемлять какое-либо лицо, еврея или христианина, за то, что он придерживается той или иной доктрины, или совершает богослужение по-своему, или просто молится в душе,— значит подвергать его религиозным преследованиям, и такое лицо, каковы бы ни были его вероучение и обряд, истинны ли они или ложны, является гонимым за убеждения. Божьи дети были и должны оставаться веротерпимыми, и никто не смеет ограничивать их истинной веры или принуждать к ложной» [2]. Деятельность Вильямса не прошла незамеченной, и он был вызван из Салема, где жил в то время, на генеральный суд Массачусетса. Суд постановил изгнать его из колонии и вернуть в Англию. С 20 единомышленниками он бежал в Род-Айленд.

В Род-Айленде Роджер Вильямс постарался воплотить в жизнь свои социальные идеалы: была провозглашена веротерпимость, а в 1639 г. образована первая в США баптистская община. В марте 1639 г. Вильямс был крещен в новую веру, а затем окрестил

---

[1] См. *В. Л. Паррингтон.* Основные течения американской мысли. М., 1962, т. I, стр. 117.

[2] «Америка», № 84, стр. 6.

ряд своих последователей. Община была объявлена независимой в церковных вопросах; она состояла лишь из возрожденных христиан, исповедующих личную веру в искупительную жертву Христа. Эту религиозную организацию, по мнению Вильямса имеющую божественное происхождение, он противопоставлял государственным религиям, которые представляют собой лишь «политические установления людей, цель которых — укрепление государственной власти» [1].

Роджер Вильямс недолго был баптистским пресвитером. Вскоре он пришел к выводу, что организованная им церковь не истинна, и примкнул к группе так называемых «искателей» (квакеров) с их учением о «внутреннем свете».

Первая баптистская церковь не имела строгих традиций, и уход Роджера Вильямса вызвал брожение среди ее последователей. Известно, что в 1652 г. она раскололась, и большинство ее членов примкнуло к общим баптистам [2]. В 1670 г. четыре церкви общих баптистов в Род-Айленде объединились, создав первую баптистскую ассоциацию в Америке. В 1729 г. эта ассоциация состояла уже из 13 церквей, часть которых была расположена в Массачусетсе, Коннектикуте и Нью-Йорке. Но ассоциация не оказалась жизнеспособной, и к 1955 г. от нее сохранилось лишь пять церквей с 324 верующими [3].

Центр баптистского движения за океаном постепенно перемещается к югу, в штат Пенсильвания, где религиозная нетерпимость проявлялась слабее. Здесь в 1684 г. Томасом Дангеном была основана первая

---

[1] *В. Л. Паррингтон.* Основные течения американской мысли, т. I, стр. 118.

[2] «Baptist Concepts of the Church». Chicago—Los Angeles, 1959, p. 17.

[3] Ibid., p. 18.

церковь частных баптистов. Постепенно число церквей растет, и в 1707 г. создается Филадельфийская баптистская ассоциация, которая объединила пять небольших церквей частных баптистов. Эта ассоциация развила активную миссионерскую деятельность и постепенно стала главной организацией баптистов в США. «Основной поток жизни американского баптизма имеет свои корни среди баптистов Филадельфийской ассоциации... Они определили основную начальную ориентацию течения в вероучении и в организации. Таким образом, всякая попытка понять баптизм в Соединенных Штатах должна начинаться с этой группы» [1].

Один эпизод из истории Филадельфийской ассоциации должен привлечь наше особое внимание. В 1814 г. в Филадельфии была создана баптистская Трехгодичная конвенция иностранных миссий — организация, ставившая своей целью распространение баптизма за пределами страны. В 1835 г. она назначила своим миссионером в Германии Иоганна Онкена, за год до этого крещенного американским баптистским проповедником Барнабом Сирсом. Впоследствии основанный Онкеном Германский баптистский союз сыграет решающую роль в распространении баптизма на русской почве. Поэтому следует более внимательно посмотреть на особенности американского баптизма, представленного Филадельфийской ассоциацией.

Каковы же они?

Уже в первой главе «Исповедания веры» 1742 г. сказано, что «священное писание является единственным, достаточным, надежным и неизменным прави-

---

[1] «Baptist Concepts of the Church». Chicago—Los Angeles, p. 21.

лом для всего спасающего знания, веры и повиновения», а его авторитетность зависит не от свидетельства какого-либо человека или церкви, а целиком от бога — «его автора». Американские баптисты большое значение придают церкви, различая при этом земную, «видимую» церковь и «универсальную невидимую» (нечто подобное «небесному граду» Августина Аврелия). При этом состав церкви определяется в соответствии с концепцией «избранности»[1]. В догматике особый упор делался на доктрине первородного греха. Члены церкви — это люди, которые «возрождены», «обращены». В знак «дружбы с Христом в смерти и воскресении» они должны быть крещены погружением в воду. В результате длительных дискуссий филадельфийская традиция приняла практику так называемого закрытого членства. Большая роль отводилась пресвитерам, а вся церковь призывалась оказывать им помощь. Отличительным признаком истинной церкви объявлялись ее «правильная организация и регулярное посвящение в сан пресвитеров».

Особое внимание уделялось церковной дисциплине, которая поддерживалась четкой системой принятия в члены общины и изгнания из нее, а также строгим контролем за поведением верующих. В 1724 г. ассоциация отметила, что член церкви, который сочетается браком с неверующей стороной, подлежит осуждению и исключению из общины; в 1742 г. было одобрено пение гимнов во время молитвенных собраний и признавалась необходимость возложения рук на людей, принимающих крещение; в 1787 г. было решено, что из общины исключаются люди, которые отказываются от хлебопреломления, а в следующем году это

---

[1] «Baptist Concepts of the Church», p. 35.

правило было распространено и на тех людей, которые верят в общее спасение.

Даже самое беглое знакомство с филадельфийской традицией дает основание видеть в ней прообраз церкви русского баптизма. Пройдет еще немного времени, и назначенный миссионером ассоциации в Европе Иоганн Онкен разовьет бурную деятельность на европейском континенте, одним из итогов которой и станет быстрое распространение баптизма в России.

Начиная с 20-х годов XVIII в. в США происходят так называемые «великие пробуждения», суть которых заключалась в быстром становлении буржуазного варианта христианства в противовес остаткам пуританско-кальвинистской олигархии, символом которой была колония в Массачусетсе. Мы не будем останавливаться на природе этого сложного явления. Отметим лишь, что за эти годы баптистская церковь значительно расширила свое влияние. Если в 1740 г. в стране было 60 баптистских церквей, то в 1776 г. их число возросло до 472. Укрепилась и Филадельфийская ассоциация: в 1762 г. она насчитывала 30 церквей, а спустя 50 лет — уже 63.

В XVIII в. в США появляются новые баптистские организации. В 1708 г. возникает «баптистская церковь Христа», в 1740 г.— «баптисты седьмого дня», в 1780 г.— «баптисты свободной воли», в 1723 г. оформляется Ассоциация общих баптистов, позже появляются так называемые примитивные баптисты и т. д. Впрочем, они не оказали заметного влияния на развитие баптизма в России, и мы поэтому ими заниматься не станем.

Энергичное распространение баптизма внутри страны во многом объясняется тем, что его руководители огромное внимание уделяли «миссии», объявляя распространение «света евангелия» одной из главных

задач церкви в целом и каждого ее члена. В начале XIX в. эта деятельность завершается возникновением целого ряда специальных миссионерских организаций. В 1812 г. возникает баптистское образовательное общество средних штатов, год спустя — баптистское общество по распространению евангелия в Индии и других странах. В 1814 г., как отмечалось, в Филадельфии образуется Трехгодичная конвенция. Миссионерская деятельность требует значительного расширения издательской деятельности. Возникает Американское баптистское издательское общество (1824 г.). В 1823 г. создается Американское баптистское общество внутренних миссий, в 1850 г.— баптистский Американский библейский союз, в 1888 г. было основано Американское баптистское образовательное общество. Вскоре возникают специальные молодежные и женские организации. После того как образовалась самостоятельная Южная баптистская конвенция, она стала обрастать собственными миссионерскими организациями. При ней возникают «Департамент внутренних миссий», Женский миссионерский союз (1860 г.) и Баптистский молодежный союз (1896 г.). Аналогичные организации возникают и при Северной баптистской конвенции.

БАПТИЗМ В XX ВЕКЕ

К концу XIX в. американское общество вступает в стадию государственно-монополистического капитализма. Постепенно создается надстройка, соответствующая новому экономическому базису. Монополии подчиняют себе правительственные органы, происходит централизация средств идеологического воздействия на население — издательского дела, газетных

трестов, радиокомпаний, средств так называемой «массовой культуры». Быстро идет бюрократизация общества. Все это оказывает заметное воздействие на деятельность и организацию американских церквей, в том числе и баптистской.

Уже к началу XX в. баптизм в США представлял собой разветвленное течение, охватившее миллионы верующих. Если ограничиться лишь общими и частными баптистами, то цифровые показатели примут такой вид. 1784 г.: общин — 471, пресвитеров и проповедников — 424, численность общин — 35 101 человек. Спустя 105 лет (1889 г.) мы наблюдаем фантастический рост: общин — 32 900, пресвитеров и проповедников — 21 420, членов общин — 2 997 794 человека. Наконец, в 1910 г.: общин — 49 045, пресвитеров и проповедников — 33 909, членов общин — 5 266 369 человек. Причем за один 1909 г. было крещено 321 403 человека. В 1910 г. в распоряжении баптистов имелось 33 633 школы с 2 498 354 учениками, выходило свыше 100 баптистских периодических изданий.

Баптистские миссионерские организации к тому времени выросли в разветвленные предприятия, ворочавшие сотнями тысяч долларов. Так, например, расходы одного Баптистского миссионерского союза (так стала называться прежняя Трехгодичная конвенция) в 1908 г. составили 1140 тыс. долларов.

К началу XX в. мировой — и прежде всего американский — баптизм превратился в мощную религиозную организацию, имеющую свою четкую структуру, многочисленные ведомства и агентства, завязавшую прочные связи с деловым миром. Особо следует отметить связь баптистов США с финансовой династией Рокфеллеров, которая оказывала им постоянную денежную поддержку. Сложилось такое положение, когда, как отмечал Эптон Синклер, баптистские про-

поведники были «совершенно погружены в нефть «Стандарт ойл компани»» [1].

Процесс все большей концентрации капитала и выдвижение американского империализма на роль мирового банкира, резкое обострение классовых противоречий поставили на повестку дня вопрос об объединении баптистской церкви в мировом масштабе. Эта цель была достигнута на Первом всемирном конгрессе баптистов, который состоялся в Лондоне в 1905 г. Конгресс положил начало существованию Всемирного союза баптистов.

По заявлениям организаторов конгресс объединил свыше 7 млн. баптистов, проживающих во всех странах мира. Небезынтересно напомнить, что 4,5 млн. из них составили члены церквей США. Американский баптизм выступил как наиболее мощная и богатая национальная организация, что и обусловило ее ведущую роль на конгрессе, а впоследствии и в рамках Всемирного союза баптистов.

В центре внимания участников конгресса были прежде всего две проблемы: 1) задача распространения баптизма в масштабах всей планеты и 2) решение социальных конфликтов («рабочий вопрос»).

Весьма симптоматичным был тон выступлений американских богословов. Они безоговорочно одобряли экспансионистскую политику США и призывали дополнить ее настойчивым христианским миссионерством. «Так как на долю нашей страны выпала распространительная деятельность, миссионеры американских баптистов были готовы распространять власть Иисуса Христа»,— говорил американец В. О. Карвер [2]. Процесс проникновения американского капита-

---

[1] *Эптон Синклер.* Выгоды религии. М., 1924, стр. 11.

[2] См. *В. Иванов, Д. Мазаев.* Всемирный конгресс баптистов в Лондоне в 1905 г. Ростов-на-Дону, 1907—1908, ч. II, стр. 85.

ла в другие страны они рассматривали как благодатную основу религиозной миссии. «Там, где бог открыл обширные области для материального преуспевания нашей увеличивающейся деятельности... туда устремлялись пионеры Креста» [1], — говорит тот же оратор. Окончательная цель определялась как евангелизация всего мира: «Кажется вполне благоразумным думать, что, по всей вероятности, Джон Буль и дядя Сэм, стоя плечом к плечу, будут владеть всем светом» [2].

Специфически империалистическая политика, например испано-американская война [3], выдавалась баптистскими ораторами за действия доброй воли: «Мексика, Куба и Порто-Рико благодаря американскому вмешательству в широких размерах были освобождены от иностранного империализма и властвующего, надменного выродившегося романизма, и с громким звоном двери счастья широко открылись для Евангелия» [4]. Баптистские лидеры выступили сторонниками агрессивной колониалистской политики США.

Большое место на конгрессе заняло обсуждение «рабочего вопроса». Это было не случайно. Уже с 80-х годов под влиянием обострившихся классовых противоречий в США возникла система религиозной «социальной службы», появились христианские рабочие организации (например, Христианский рабочий союз в Бостоне), стали издаваться специальные серии бро-

---

[1] См. *В. Иванов, Д. Мазаев.* Всемирный конгресс баптистов в Лондоне в 1905 г. Ростов-на-Дону, 1907 — 1908, ч. II, стр. 85.

[2] Там же, ч. IV, стр. 324.

[3] Напомним, что В. И. Ленин оценивал ее как событие, которое наметило переход от домонополистического капитализма к «реакционному, монополистическому капитализму (империализму) новейшей эпохи» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 354).

[4] *В. Иванов, Д. Мазаев.* Всемирный конгресс баптистов в Лондоне в 1905 г., ч. III, стр. 68.

шюр, посвященные изложению христианской социологии, в теологических институтах появились курсы «социальной этики» и т. д. [1].

Подобная деятельность имела свой определенный классовый смысл: речь шла о стремлении противодействовать революционным идеям, взглядам и практической деятельности «научных социалистов». «Поймем раз навсегда,— говорил один из американских баптистов,— что метод христианства не есть метод научных социалистов, которые сначала имеют в виду приобретение всей власти в государстве, а затем повсеместное преобразование общества путем прямого законодательства... Они не признают главного факта...— моральное бедствие является корнем всякой социальной несправедливости» [2].

В противовес революционному пути баптисты выдвигали свой метод реформации общества — моральное возрождение индивидов, которое, по их мнению, непременно «ведет в силу естественных процессов к созданию христианского общественного мнения, и это христианское общественное мнение будет... сначала смягчать, а в конце концов ограничивать все черты существующего порядка, не соответствующие ему» [3].

В XX веке баптистская церковь росла особенно бурно. По официальной статистике в 1962 г. во всем мире насчитывалось свыше 24,3 млн. баптистов. Из них в Америке — 21 899 тыс. (в США — 21 374 тыс.),

---

[1] Эта сторона дела подробно анализируется в книге А. А. Кисловой «Идеология и политика американской баптистской церкви». М., 1969.

[2] См. *В. Иванов, Д. Мазаев.* Всемирный конгресс баптистов в Лондоне в 1905 г., ч. IV, стр. 301.

[3] Там же, стр. 302—303.

в Европе — 1142 тыс., в Азии — 811 тыс. и в Африке — 373 тыс. [1].

В связи с характеристикой религиозной (в данном случае баптистской) идеологии следует высказать одно существенное замечание. Нередко классовую роль современной религии и церкви на Западе оценивают лишь по политическим заявлениям тех или иных церковных деятелей. Что же касается содержания собственно религиозной идеологии, она реже становится предметом научного внимания.

Это досадно, потому что наше отношение к религиозной идеологии отнюдь не исчерпывается оценкой политических позиций ее руководителей. Оно зависит прежде всего от ее специфического содержания, от той объективной классовой роли, которую христианство играет в идеологической жизни. Ведь тот факт, что в настоящее время некоторые религиозные деятели выступают с прогрессивными политическими требованиями, отнюдь не меняет нашего принципиального отношения к религии.

Анализ религиозной идеологии далеко не прост. Религиозные идеи в особой форме отражают реальные противоречия, которые возникают в обществе, фиксируют существенные черты общественной психологии и идеологии, для данного общества характерные. Лишь анализ этой объективной социальной основы религиозных концепций, рассмотрение их во всем органическом контексте господствующей идеологии дают возможность оценить реальную общественную роль современных христианских идей.

Факты показывают, что в рамках одной и той же религии имеются люди, придерживающиеся различ-

---

[1] *R. Torbet.,* op. cit., p. 515.

ных, а порой и прямо противоположных взглядов на конкретные политические проблемы. Это закономерно. Баптизм, например, не может стать «выше» острых классовых антагонизмов. Как совершенно реальный институт общества, он не свободен от законов его развития, от раздирающих его противоречий. Религия не создает социальных отношений, не диктует людям однозначные взгляды на политику. Она лишь в специфической форме отражает социальные законы и отношения, в соответствии с ними истолковывая традиционные библейские догматы. Различные общественные силы, разумеется, охотно используют религиозное сознание для оправдания своих взглядов, для навязывания их от имени «вечных» божественных предначертаний.

Для характеристики социальной природы американского баптизма целесообразно остановиться на движении «социального евангелия», наиболее известными идеологами которого были баптистские теологи Вальтер Раушенбуш и Шейлер Метьюз.

Вальтер Раушенбуш (1861—1918 гг.) был одним из виднейших баптистских проповедников США начала XX в. В своих работах он ярко показывает мучительные противоречия современного ему американского общества, страдания и горе бедняков. Он красноречиво описывает язвы общества и пытается предложить свой путь их исцеления. Социальное зло можно преодолеть, доказывает он, в результате построения на земле «царства божьего». Для этого нужно восстановить истинные социальные принципы христианства. Главная цель христианства, писал он, состоит в том, чтобы преобразовать человеческое общество в царство божье путем восстановления всех человеческих отношений и преобразования их в соответствии с волей бога. Задача церкви, по его мнению,

состоит в «перенесении гармонии небес на землю»[1], и деятельность ее «должна в конечном счете оцениваться эффективностью ее работы в создании царства божьего»[2]. Подобные рассуждения несомненно были проникнуты идеями гуманизма и желанием ликвидировать социальное зло. Однако данная концепция носит открыто ненаучный характер: социальные пороки объясняются моральным несовершенством отдельных индивидов. Пафос этой концепции направлен против революционного преобразования общества, которое только и может разрешить проблемы, которые волнуют и некоторых баптистских авторов. «Если экономические и духовные факторы не усиливаются религиозным энтузиазмом,— писал В. Раушенбуш,— то целое социальное движение может оказаться неудавшимся, и новая эра может умереть, еще не родившись»[3]. Главный лозунг «социального евангелия» — «не добиваться справедливости, а давать ее». Т. е., в сущности, он исчерпывается требованием морального усовершенствования и филантропии.

И тогда оказывается, что программа «социального евангелия» фактически защищает капитализм. Специфические для него общественные порядки, форма собственности, отношения людей, социальные институты и т. д. объявляются воплощением в жизнь христианских принципов, а царство божье мыслится как тот же капиталистический строй, только очищенный от некоторых крайностей. «Несмотря на коварные искушения, которыми так богат мир индустрии, дух и намерение

---

[1] *W. Rauschenbusch.* Christianity and the Social Crisis. N. Y., 1912, p. 65.

[2] *W. Rauschenbusch.* A Theology for the Social Gospel (In «Christian Ethics. Sources of the Living Tradition». N. Y., 1955), p. 472.

[3] *W. Rauschenbusch.* Christianity and the Social Crisis, p. XII.

жизни бизнеса имеют некоторый контакт с духом учения Христа» [1],— писал Френсис Пибоди.

Но социальные пороки, о которых писали идеологи «социального евангелия»,— не отклонения от капиталистических законов, а, напротив, закономерное следствие их действия. Они есть неизбежный продукт действия законов частнособственнической практики, и до тех пор, пока эта практика сохраняется, никакие призывы — сколь красноречивы и искренни они ни были бы — не изменят способа функционирования капиталистической экономики. Поскольку же баптистская идеология освящает эти порядки, отвергает саму мысль о переделке фундамента общества, то религиозное реформаторство фактически оборачивается оправданием социального зла.

В этой связи стоит сказать несколько слов о Билли Грейэме, самом влиятельном баптистском проповеднике современности. Считается, что он непосредственно проповедовал более чем перед 20 млн. человек, из которых 1 млн. под влиянием его проповедей обратились в веру [2]. Свыше 20 млн. человек еженедельно слушают его радиопрограмму «Час решения». Евангельская ассоциация Билли Грейэма ведет активную миссионерскую деятельность в США и ряде других стран.

Любимой темой проповедей Билли Грейэма является констатация глубокого кризиса западного общества, обличение его духовной нищеты и упадка нравственности, подчеркивание близости «конца света» и «страшного суда». «Наш мир в огне,— восклицает он,— и человек без бога никогда не сможет контролировать пламя. Демоны ада вырвались на волю.

---

[1] *Francis G. Peabody.* Jesus Christ and the Social Question. London, 1903, p. 321.

[2] *Billy Graham.* Peace with God. London, 1959, p. 209.

Огонь страсти, алчности, ненависти и вожделения опустошает мир. Кажется, что мы бешено несемся к Армагеддону»[1]. Конец света — такова судьба живущего поколения. «Это поколение пройдет сквозь огонь... Мы подобны людям, приговоренным к смерти и ждущим, когда будет установлен день исполнения приговора»[2]. В качестве неоспоримых оснований для такого приговора он указывает на рост преступности, на демографические аномалии, на обострение политических конфликтов, на опасные последствия научно-технического прогресса.

Что же произошло? Где причины всеобщего кризиса? Каков выход из пугающего движения к краху? Наука, говорит Грейэм, бессильна ответить на эти вопросы. Лишь христианство может указать выход измученному человечеству. По мнению Грейэма, «причина всех волнений, корень всех горестей, страх каждого человека лежит в этом коротком слове — грех. Он извратил природу человека, он разрушил внутреннюю гармонию человеческой жизни, он лишил его благородства. Он причина того, что человек попал в западню дьявола»[3]. За всеми несчастьями, постоянно подчеркивает Билли Грейэм, стоит сатана, он жив и активно действует в мире: «Ни на минуту не сомневайтесь в существовании дьявола! Он весьма конкретен и весьма реален! Он очень умен!»[4].

Каков же выход из этого круговращения порока и греха? Выход имеется, говорит Грейэм, многозначительно указывая на шпиль церкви как на дорожный указатель истинного пути: «Для всех вас, кто виноват,

---

[1] *Billy Graham.* World aflame. A Cedar Book, № 144, p. 17.

[2] Ibid.

[3] *Billly Craham.* Peace with God. A Cedar Book, № 15, 1954, p. 73.

[4] Ibid., p. 50.

у меня есть хорошие новости». Нужно обратиться к богу, потому что «нет возможности спастись от греха, не отождествив себя с распятым Христом»[1], принять Библию как единственный путеводитель жизни, как якорь спасения. «Будьте наедине с богом. Молитесь. Читайте Библию, чтобы напитать свою душу»[2].

Мы подошли к позитивной программе знаменитого евангелиста, где шаг за шагом обнаруживаются социальный смысл его обличительства и сокровенные мотивы официальной благосклонности, столь щедро расточаемой по его адресу.

Христианский идеал, пишет Билли Грейэм, не требует, чтобы человек отрекся от обычных земных интересов в своих делах, но скорее требует того, чтобы искать божественное руководство в своей повседневной работе и всю свою работу и цели подчинять Иисусу Христу. Одним словом, он освящает буржуазную практику и буржуазный способ общежития. Фактически «социальные обязанности христиан» в интерпретации Билли Грейэма сводятся к специфически буржуазной морали, к миропониманию, враждебному радикальным сознательным преобразованиям.

Билли Грейэм выступает против любви к деньгам, однако за «деланье денег» как долг человека. Он приветствует стремление к личному обогащению, но призывает дополнить его благотворительной деятельностью. Он зовет к гостеприимству, к законному христианскому браку, призывает решать проблемы труда на основе принципов христианской любви. «Если Христос возобладает во всех отношениях рабочих и предпринимателей,— пишет он,— у нас не будет ни одной забастовки». Он обеспокоен расовой проблемой, но

---

[1] *Billy Graham.* Peace with God, p. 84.
[2] «Decision», May 1964, p. 15.

«единственное реальное разрешение этой проблемы» предлагает искать «у основания креста, где мы соберемся в братской любви. Чем ближе люди всех рас придут к Христу и его распятию, тем ближе они придут друг к другу» [1].

Разумеется, наивно упрекать Билли Грейэма в том, что он освящает буржуазный строй и не зовет к революционному переустройству общества. Речь идет о другом. Когда Билли Грейэм патетически констатирует «кризис современного мира», он говорит о действительных проявлениях общественного зла. Эти пороки проявляются как социальные явления, а вовсе не как результат аморальности отдельных людей. Однако «ложные боги», «идолы», которых он столь красноречиво обличает, в его трактовке всегда оказываются чисто индивидуальными «идолами», а кризис современного мира — результатом проявления индивидуального идолопоклонства. Отсюда трагические и полные непримиримости к нравственным порокам проповеди Билли Грейэма оказываются способом «социальной терапии» общественного строя, который эти пороки ежечасно и неизбежно порождает.

Нельзя не отметить еще одну сторону проповеди Грейэма. Рассуждая о «пороках общества», о необходимости «борьбы с сатаной», он постоянно впадает в антикоммунистический тон, призывая христиан включиться в борьбу против коммунизма, который он именует не иначе как «религией дьявола». Обличение коммунизма и атеизма, призыв к «тотальной евангелизации» населения как средству противостоять «коммунистическому проникновению» — назойливый мотив его рассуждений [2]. Тем самым религиозный про-

---

[1] *Billy Graham.* Peace with God, p. 180.

[2] *Cornelius Loew.* Modern Rivals to Christian Faith. Philadelphia, 1954, p. 61—62.

поведник предоставляет себя в распоряжение реакционных сил и, спекулируя на религиозных чувствах людей, стремится привить им идеологию этих сил.

Билли Грейэм далеко не одинок в своих попытках использовать религиозные предрассудки людей для проповеди антикоммунизма. Можно, например, указать на баптистского проповедника Фреда Шварца, главу пресловутого «Антикоммунистического похода христиан» — весьма влиятельной организации, ставящей своей целью борьбу против «коммунистического заговора». Мы не будем характеризовать эту организацию — о ней достаточно много говорилось в нашей печати, а обратимся к взглядам самого Шварца, изложенным в его брошюре «Коммунизм — болезнь» [1].

Главный мотив его рассуждений — запугивание американцев катастрофически растущей угрозой «коммунистической опасности», клевета на суть учения коммунизма. Он объявляет коммунистов людьми абсолютно безнравственными, не признающими различения истинности и ложности.

В его проповедях коммунизм приобретает вид некой вездесущей дьявольской силы, на которую он сваливает все антиамериканские настроения в различных странах. Говоря о распространении коммунистической литературы, он, например, писал: «Если вы учтете широкое распространение этой литературы по всему миру, вы немного глубже поймете, почему американского вице-президента и его жену закидали камнями и плевали в них на Юге страны, почему персонал американского посольства в Боливии недавно вынужден был спасаться от разъяренной толпы». Он говорит об «инфильтрации коммунистов во все институты американской жизни».

---

[1] *Fred Schwarz.* Communism—A Disease. Texas, 1959.

Чем же Шварц объясняет «пороки коммунизма»? Спекулируя на религиозных чувствах своих слушателей и читателей, опытный провокатор ссылается прежде всего на «безбожие коммунистов». «Когда коммунисты отвергают основание цивилизации — наше христианское наследие, когда они отвергают бога, его созидающую и искупающую любовь, они разрушают самые основания, на которых покоится наша индивидуальная ценность. На ее месте появляется холодная моральность математической статистики».

Отрицание духовности человека, понимаемой как его религиозность, и есть, по Шварцу, основание, на котором покоятся все остальные элементы коммунистической идеологии. «Короче говоря, марксизм-ленинизм учит, что бога не существует, что мужчины и женщины — это животные, лишенные души, духа, существенной индивидуальной ценности и непрерывности жизни, что человеческие животные виды разделяются их экономической средой на враждебные классы и что основной динамикой капиталистического общества является состояние войны, которую Маркс называл «классовой войной». В своих рассуждениях он не останавливается перед самой чудовищной клеветой (например, приписывает коммунистам США стремление умертвить треть американцев), постоянно ссылается на Библию, рисуя прямо-таки апокалиптическую картину распространения «безбожного материализма», грозящего уничтожить землю и ставящего под угрозу свободу.

Таковы некоторые примеры, показывающие реакционную суть социальной концепции баптизма. Разумеется, это проявляется и в интерпретации других проблем общественной жизни и в работах других баптистских авторов. У нас нет возможности расширить круг иллюстраций. Исключение сделаем лишь для расовой

проблемы, которая ныне так остро стоит в США. Для баптистов она особо актуальна: баптизм имеет преобладающее влияние на негритянское население по сравнению со всеми другими религиозными течениями. В общем, число негров-баптистов превышает число негров, принадлежащих ко всем другим религиозным течениям. Отметим хотя бы такой факт, что в 1926 г. 61,4% всех верующих негров были баптистами; за последующие 10 лет их число выросло на 18,3% и составило (1936 г.) уже 66,8% всех верующих негров. В абсолютных цифрах рост числа верующих-баптистов выражался так: 1936 г.— 3782 тыс., а в 1944 — 6433 тыс. [1].

В прошлом отношение баптистских церквей к расовому вопросу зависело от состава данной общины. Главный водораздел здесь пролегал между северными и южными баптистами, позиции которых в религиозной форме отражали соответственно различные социальные позиции. Одним из решающих эпизодов этой борьбы стал тот факт, что в 1845 г. Отдел заграничных миссий при Трехгодичной конвенции принял решение о лишении рабовладельцев права миссионерства. Несогласные с таким решением многочисленные церкви Юга отделились от северных баптистов и образовали свою Южную баптистскую конвенцию, которая вскоре стала одной из крупнейших баптистских организаций. С 1886 г. существует и Национальная баптистская конвенция, которая объединяет исключительно негритянские церкви, в отличие от Южной баптистской конвенции, в которой негры составляют около одной пятой всех верующих. Национальная баптистская конвенция в 1916 г., например, объединяла 21 113 баптистских негритянских церквей с 2793 тыс. верующих.

[1] *Ruby F. Johnston.* The Religion of Negro Protestants. N. Y., 1956, p. 179.

В последнее время борьба негров за свои права резко активизировалась. При этом, как известно, движение за гражданские права в США развивается под сильным воздействием идей христианства. Активную роль здесь играют методистская, квакерская и особенно баптистская церковь. Какова же ее позиция?

Различные баптистские церкви неодинаково относятся к этой проблеме. Многие баптистские проповедники активно выступают за гражданские права негров. Другие, напротив, упорно поддерживают расистов. Мы не станем коллекционировать отдельные высказывания на этот счет, а попытаемся разобрать социальную концепцию одного из влиятельнейших руководителей борьбы против расизма в США, баптистского проповедника Мартина Лютера Кинга.

Кинг настойчиво выступал с призывом активной борьбы против расизма. «Мы знаем из мучительного опыта,— писал он,— что свобода никогда не дается угнетателями добровольно, угнетенные сами должны потребовать ее» [1]. Но, разумеется, сейчас нас прежде всего интересует тот вид, который в его проповедях приняла социальная программа баптизма.

Кинг считал, что пороки общественного строя США обусловлены человеческой греховностью и в нем отсутствуют строгие, устойчивые нравственные критерии. Поэтому для своей программы он стремился найти такое моральное основание, которое было бы независимо от наличной социальной практики. Как баптистский проповедник, он естественно находил его в христианской «божественной» морали, данной «от века» и не подверженной коррозии времени. Отсюда способность противостоять порочным традициям общества расценивалась Кингом как проявление внеоб-

---

[1] *Martin Luther King.* Letter from Birmingham City Iail, AFSC, 1963, p. 5.

щественной религиозной сущности человека. «Наш отказ остановиться, наша «смелость быть», наша решимость продолжать «несмотря на» обнаруживают божественный образ внутри нас» [1]. Неотъемлемой чертой социального идеала христианства, по Кингу, является расовое равенство, потому что «расовая сегрегация и дискриминация — это крикливое отрицание того единства, которое мы имеем в Христе» [2].

Сам по себе факт, когда прогрессивные социальные лозунги выступают в религиозной оболочке, не является новым — подобные ситуации неоднократно встречались в истории. Очевидно также, что для самого Кинга мотивы его действий против расизма выступали как требования истинной христианской веры, как «естественное» требование Библии. Однако социальная теория Кинга, поскольку она воспроизводит христианское мировоззрение, неизбежно искажает сущность расизма, что ведет к иллюзорности и противоречивости практических мер, предлагаемых для его ликвидации.

Укажем прежде всего на мысль Кинга о том, что люди сами по себе не способны решить острые социальные проблемы — без помощи бога «наши усилия превратятся в золу и наши закаты сменятся непроглядной ночью» [3]. Таков, по Кингу, главный урок истории.

Правда, Кинг понимал, что «борьба не может быть выиграна молитвой», и обличал тех христиан, которые ждут, когда бог сам произведет в мире нужные социальные изменения: «Потенциальные силы к созиданию лежат внутри нас, и наш долг заключается в том, что·

---

[1] *Martin Luther King.* Strength to Love. N. Y., 1964, p. 103.

[2] *Martin Luther King.* Stride Toward Freedom. N. Y., 1964, p. 182.

[3] *Martin Luther King.* Strength to Love, p. 68.

бы раскрыть эти силы» [1]. Однако эти силы, по его мнению, имеют божественное происхождение, и человек сам по себе раскрыть их не в состоянии. Сделать это может лишь вера, которая и дает толчок к активной преобразовательной деятельности человека, «открывает дверь для работы бога».

Наиболее очевидно христианская подкладка взглядов Кинга проявляется в его проповеди всеобщей христианской любви как «ключа к решению проблем нашего мира». Он писал: «Мы скажем своим противникам: мы будем встречать вашу физическую силу силой души... Мы не можем подчиняться вашим несправедливым законам, потому что неучастие во зле является такой же моральной обязанностью, как участие в добре. Бросайте нас в тюрьмы, и мы будем любить вас. Взрывайте наши дома, и мы все же будем любить вас... И однажды мы добьемся свободы, но не только для себя» [2]. Трудно, конечно, безучастно читать призывы любить расистов. Они могут показаться совершенно неожиданными в устах такого последовательного противника дискриминации, как Кинг. Однако это не оговорка для баптистского проповедника.

Действительная природа расовой проблемы может быть понята лишь в том случае, если мы будем ясно видеть ее социально-политическую, классовую сущность. Расизм — сложное явление. Исторически он возник как отражение классовой позиции рабовладельцев. И в настоящее время расовая дискриминация имеет свои глубокие политические и экономические корни (например, дискриминация в оплате труда). Но на поверхности расизм выглядит как противопоставление рас, как антитеза «белые — черные». Именно в

---

[1] *Martin Luther King.* Strength to Love, p. 85.
[2] Ibid., p. 48—49.

этой форме он усваивается обыденным сознанием и довольно широко распространен среди американцев, воспринимающих его как «извечное» чувство белого человека. К тому же и в среде негров и в среде белых постоянно происходит классовое размежевание, расовые идеи претерпевают сложные метаморфозы, затеняющие их строго земные корни. В результате они получают вид произвольных взглядов отдельных индивидов. В рамках религиозной концепции они воспринимаются как проявление изначальной человеческой греховности, независимой от социальной основы. В таком случае причина расизма усматривается в страхе, подозрениях, заблуждениях, обычно не имеющих оснований, и делается вывод иллюзорный, что «в конечном счете расовая проблема является не политической, а моральной проблемой» [1].

На основе сказанного можно понять и лозунг Кинга о «любви к врагам». Кинг отдавал себе отчет в том, что без изменения общественной психологии, без устранения чувства враждебности и ненависти к неграм покончить с расизмом невозможно. При этом Кинг рассматривал идеологию расизма как сферу существования неких самодовлеющих идей и взглядов (проявление греховности), которые не только не зависят от социальной среды, но, напротив, ее порождают. Поэтому задача изменения этой идеологии предстает перед ним не как требование реконструкции общественных отношений, данную идеологию порождающих, а всецело замыкается надстроечными явлениями. И в этих условиях единственной альтернативой идеям расовой ненависти (т. е. греховной морали) Кинг выдвигал лозунг христианской любви.

---

[1] *Martin Luther King*. Stride Toward Freedom, p. 182.

Провозглашение его в качестве ключа к решению расовой проблемы несомненно сеет иллюзии, что можно добиться успеха без решительной борьбы за изменение социальных условий.

Но Кинг был мужественным борцом, он умел учиться у жизни. Постепенно он все более точно видел социальную природу расизма, решающую роль активных выступлений против расизма самих трудящихся. Он резко выступил против войны во Вьетнаме, подчеркивал необходимость радикальных общественных реформ. «Начинаешь сомневаться в капиталистической системе»,— говорил Кинг в 1967 г. Он стремился укрепить связи с демократически настроенными белыми американцами, и прежде всего с трудящимися. Но этому закономерному процессу отхода от иллюзорных религиозных концепций завершиться было не суждено. 4 апреля 1968 г. Мартин Л. Кинг был убит.

Такова реальная сложность положения религии в условиях современного капиталистического общества. Она постоянно воспроизводится объективными условиями жизни людей, имеет глубокие социальные корни. При этом христианская концепция часто служит формой выражения противоборствующих политических взглядов, в том числе и несомненно прогрессивных общественных движений. Но поскольку по содержанию и механизму своего формирования христианство противоположно науке, то религиозная оболочка неизбежно искажает суть встающих проблем, душит социальный протест, толкает людей к иллюзорной программе действий.

В течение долгого времени баптизм развивался преимущественно в англосаксонском мире. Начало распространению баптизма на европейском континенте было положено в апреле 1834 г., когда Иоганн Герхард Онкен вместе с шестью другими последователями был крещен американцем Б. Сирсом. Вскоре вокруг Онкена образовалась группа баптистских проповедников (Юлиус Кебнер, Г. Леман и др.), которые развили активную миссионерскую деятельность в Германии и соседних странах. К 1851 г. в Германии уже существовала 41 баптистская община с 3746 членами, а к 1905 г. это число возросло до 33 790 человек [1].

Юлиус Кебнер активно проповедовал в Дании и в октябре 1839 г. вместе с Онкеном в Копенгагене крестил 11 человек, которые и образовали ядро будущей церкви датских баптистов. К 1929 г. их число выросло до 6 тыс. В 1847 г. Онкен окрестил первого шведского баптиста. В Швеции баптизм развивался относительно быстрее, чем в других европейских странах. В 1866 г. в Стокгольме была открыта баптистская семинария — первая семинария баптистов на континенте. К 1905 г. шведские баптисты имели 578 церквей, в которых насчитывалось около 44 тыс. человек, 1000 воскресных школ с 54 345 учащимися и 377 молодежными обществами. К 1929 г. в Швеции было уже 62 тыс. баптистов.

С 1857 г. баптизм появляется в Норвегии; в 1910 г. недалеко от Осло открывается баптистская семинария.

---

[1] Эти данные, как и последующие статистические показатели, характеризующие появление и развитие баптизма в странах Европы, взяты нами преимущественно из книги Джеймса Рушбрука. (*James H. Rooshbrooke.* Some Chapters of European Baptist History. London, 1929).

К 1929 г. в стране было свыше 5 тыс. баптистов. В 1858 г. первые баптисты появляются в Польше, в 1873 г.— в Венгрии, где к 1905 г. насчитывалось уже свыше 10 тыс. баптистов. Большую роль в распространении баптизма в европейских странах (особенно в Швеции, Болгарии, Греции, Франции) сыграли американские миссионерские общества. Именно они организовали Союз баптистов и в Италии (1884 г.). К 1905 г. там имелось 54 церкви с 1456 верующими. В 1867 г. баптисты появились в Чехословакии. На Первом всемирном конгрессе баптистов (1905 г.) демонстрировалась карта Европы — баптистские церкви были отмечены на ней белыми звездочками. Один делегат так сформулировал свое впечатление от этой карты: «Мы, с одной стороны, радовались за Швецию, Финляндию, Англию с Шотландией... и некоторые другие страны, густо усеянные белыми знаками, а с другой стороны, скорбели, видя в некоторых европейских странах почти полное отсутствие белых точек, а один только густой и мрачный черный фон — признак духовной смерти. Особенно резко бросались в глаза католические страны — Италия, Испания и вымирающая Франция» [1].

Баптизм постепенно приближался к границам Российской империи. В 1855 г. швед С. Маллерсвард становится первым проповедником баптистов среди шведов, живших в Финляндии. Вскоре баптизм стал распространяться и среди финнов: в 1905 г. была создана Финская баптистская национальная конференция. Первая баптистская церковь на территории Российской империи возникла немного раньше в Латвии.

---

[1] См. *В. Иванов, Д. Мазаев.* Всемирный конгресс баптистов в Лондоне в 1905 г., ч. I, стр. 14—15.

В августе 1860 г. восемь латышей пересекли границу и в соседнем немецком городе Мемеле приняли крещение.

11 февраля 1884 г. немецкий пастор А. Р. Шиве крестил девять эстонцев в Балтийском море, в 1896 г. была создана Эстонская баптистская ассоциация, которая в 1929 г. объединяла свыше 6 тыс. местных баптистов.

Массовое распространение баптизма среди русского и украинского населения падает в основном на 60—70-е годы минувшего века. Можно выделить три географических района, где развитие баптизма шло наиболее бурно: это юг Украины и Поволжье, Кавказ и, наконец, Петербург. При этом наиболее массовый характер движение баптистов приняло на юге Украины и в Поволжье. В общем это закономерно.

Именно здесь с особой силой сказались противоречия пореформенного периода и быстрее всего шел процесс развития капитализма в сельском хозяйстве. В этом районе создалось специфическое положение, когда, с одной стороны, имелись огромные земельные владения, а с другой — дешевая рабочая сила, что, естественно, вело к широкому распространению системы аренды, применению наемного труда, к развитию товарно-денежных отношений, которые неизбежно вызывали классовое расслоение и обострение социальных противоречий.

Здесь наиболее остро стоял вопрос о земельной реформе. Ей предшествовали сильные брожения крестьян, которые приняли массовый характер. Условия реформы не удовлетворили крестьян, не разрешили острых противоречий. Печать того времени отмечала: «Всеми, ездившими с объявлением манифеста, замечено было, что вообще крестьяне остались неудовлетворенными: у всех осталась смутная надежда, что будет

что-нибудь другое, для них приятное» [1]. Порой возмущения крестьян выливались в открытые волнения. Примером может служить село Любомирки Херсонской губернии, где крестьяне «подняли бунт, для усмирения которого потребовалась военная сила» [2].

Однако, какой куцей ни была бы реформа, она дала толчок для ускоренного развития в городе и деревне капиталистических отношений с неотъемлемо присущим им обострением классовых противоречий, тем более мучительных, что сохранялись остатки крепостничества. Сложные социально-экономические отношения нашли свое отражение и в религиозной жизни Юга, обусловив одновременное сосуществование весьма разнородных христианских течений и групп. Поскольку эта религиозная чересполосица составила ту среду, в которой совершалось развитие раннего баптизма, следует остановиться на ней более подробно.

Прежде всего имелись довольно многочисленные общины старых русских сект дореформенного периода (хлысты, духоборы, молокане, субботники). В свое время они возникли, отразив кризис крепостнической системы. Воплощая в религиозной форме мироощущение мелкого производителя, начинающего приобретать некоторую хозяйственную независимость, дореформенное сектантство по-своему выражало протест против крепостнических порядков. Социальный идеал, например, молокан предполагал создание общества мелких производителей, общества, изнутри регулируемого «справедливыми» моральными принципами, почерпнутыми из учения Христа. Этой программе соответствовало представление о «нравственном человеке», в са-

---

[1] «Исторический вестник», 1887, № 11, стр. 384 (см. *А. Рождественский.* Южнорусский штундизм. Спб., 1889, стр. 37).

[2] Там же.

мом себе таящем полноту духовных сил и ценностей, способного спастись собственными силами.

Таким образом, дореформенное сектантство было весьма противоречивым явлением. С одной стороны, его социальный идеал соответствовал ходу объективного развития общества, расшатывал крепостническую систему. Это был демократический во многих проявлениях протест, отразивший период, когда еще не выявились внутренние антагонизмы буржуазного развития. С другой стороны, этот протест оформлялся в религиозной форме, приводил к организации колоний и коммун, пытавшихся воплотить в жизнь свой ненаучный идеал. Однако объективные законы частнособственнического развития ломали и разрушали «нравственное» согласие в сектантских общинах, неудержимо вовлекали их на путь расслоения и противоречий. Имущественное неравенство, выделение зажиточной верхушки, нещадно эксплуатировавшей своих же «братьев во Христе», неизбежно отражались и в религиозной жизни, вызывали внутренние трения, расколы, выделение новых групп.

Религиозным явлением иного плана был так называемый штундизм, возникший в тот период. Вопрос о природе штундизма основательно и не без умысла запутан церковными авторами. Они всеми правдами и неправдами стремились доказать «иноземный», прежде всего «немецкий», характер штундизма. Народ не создал бы штунды, говорили они, «если бы немецкие проповедники не преподали ему этих чуждых мировоззрению русского человека доктрин» [1]. Миссионеры целиком выводили это движение из ненавистной им «Лютеровой ереси» и, в частности, усматривали

[1] См. *Д. И. Скворцов.* Современное русское сектантство (Очерки, статьи и исследования). М., 1905, стр. 21—22.

его источник в Stunde Andachts — обычае чтения и толкования Библии в немецких семьях.

Несомненно, знакомство крестьян с «готовыми» протестантскими идеями, как и присутствие на библейских чтениях, оказало определенное влияние на форму этого движения. Однако его возникновение было обусловлено российской действительностью. Штундизм был «новой» сектой, он отразил противоречия именно капиталистического развития, и прежде всего процесс разорения и обезземеливания крестьян. Данная социально-экономическая подкладка штундизма явственно проступает в воззрениях его последователей. Это прежде всего надежда на получение земли.

В недалеком будущем, говорили штундисты, «начальство всю землю от православных помещиков поотбирает и нас всех понаделяет землею. И тогда уже нам, всему простонародью, которое только поступит в святые штунды и анабаптисты, будет великое добро, свобода на все и роскошь» [1].

Для воззрений штундистов характерными были и эсхатологические настроения. При этом в качестве признаков грядущего второго пришествия указывается на новые черты быта, вызванные развитием буржуазного уклада, и различные технические новшества, принесенные в деревню: «Железные дороги, пароходы, машины и телеграфы — все это, по мнению сектантов, признаки царства сатаны и конца этого царства, которое вообще штундисты называют царством египтян» [2].

В собственно вероисповедной области штундизм не имел четко оформленной догматики и разработанного культа. В значительной мере он остался «самодеятельным» народным движением, исповедовавшим общие

---

[1] См. *А. Рождественский.* Южнорусский штундизм, стр. 207.

[2] «Неделя», 1887, № 2, стр. 55 (см. *А. Рождественский.* Южнорусский штундизм, стр. 189—190).

протестантские догмы, направленные против церковного православия. Это — отрицание «священного предания», отрицание церкви и церковнослужителей как необходимых посредников в деле спасения человека, особый упор на личность Христа как единственного спасителя, отрицание церковных обрядов и таинств, святых угодников, крещения младенцев и т. п.

Официальная церковь организовала подлинный крестовый поход против штундистов, искусственно включая в это понятие различные секты, в которых она усматривала угрозу православию. Подталкивая власти к расправе над сектантами, церковники всячески доказывали их антиправительственный и «коммунистический» характер. По этим мотивам они в число штундистов зачисляли и первых баптистов. Этот взгляд был официально закреплен в антисектантском законодательстве 4 июля 1894 г.: баптизм (штунда) был признан «сектой особенно вредной в церковном и общественно-государственном отношениях»[1]. Тем самым была официально узаконена практика полицейских преследований сектантов, в том числе и баптистов. Между тем и по своей социальной сути и по вероисповедной программе баптизм был явлением иного порядка, чем штундизм.

Баптизм отразил новые противоречия российской действительности — противоречия капиталистического развития. В этом он отличался от «старого» русского сектантства. Но в отличие от штундизма он отразил их не в рамках и категориях самодеятельного народного движения, демократического во многих своих

---

[1] Весьма колоритное описание процедуры принятия данного постановления см. в кн. «Религиозно-рационалистическое движение на юге России во второй половине XIX столетия. Исследование епископа Алексея, ректора Казанской духовной академии». Казань, 1909, стр. 508—510.

проявлениях, а средствами давно сформировавшейся протестантской церкви, освятившей буржуазные порядки как извечные и незыблемые. Баптизм возвел в ранг «естественного» мироощущение людей, «уже потерявших себя» под натиском анонимных социальных сил капиталистического развития. Вместо «нравственного человека» он выдвинул концепцию человека — слепого орудия неотвратимой провиденциальной силы, которая по своей прихоти распоряжается судьбами людей, независимо от их личных добродетелей «призывая», «избирая» их к успехам или неудачам. Баптизм освятил социальный опыт людей, отчаявшихся в возможности поставить под свой контроль стихию частнособственнического развития. Таким образом, баптизм решительно порывал с демократическими традициями старого русского сектантства, узаконивая и освящая порядки капиталистического общества. Именно в силу этой своей сути руководящее положение в русском баптизме с самого начала заняли представители крупного капитала, зажиточных слоев города и деревни.

Описанные нами религиозные группы не существовали изолированно. Они находились в едином потоке исторического развития, определенным образом воздействовали друг на друга в связи с изменением общественно-экономических отношений в России. Различная социальная природа этих течений обусловливала и их различную судьбу.

По мере развития буржуазных отношений, по мере процессов расслоения и классовой дифференциации, баптизм быстро распространялся. В докладе II съезду РСДРП «Раскол и сектантство в России» В. Д. Бонч-Бруевич отмечал, что баптисты вербуют своих последователей по большей части из рядов мелкой буржуазии городов, пригородов, местечек, посадов, сел и де-

ревень, из всей этой мещанской и более или менее обеспеченной крестьянской среды[1], т. е. среди социальных слоев, связанных с развитием капиталистических отношений в городе и деревне. Одним словом, «баптизм в своем социальном составе запечатлел конечные продукты буржуазного разложения деревни»[2].

При этом рост баптизма шел в значительной мере за счет бывших последователей старых русских сект (главным образом молоканства) и штундизма. В области вероисповедной это означало принятие четкой, в деталях разработанной догматики, в сфере моральной — отказ от концепции «самоспасаемости» человека, в сфере культа и организации — принятие строгой обрядности и жесткой организации церковного типа. Поскольку в ту пору демократический протест нередко принимал форму борьбы против официальной церкви, то вероучение баптизма, отвергавшее православные догматы, в глазах крестьян могло принимать вид движения, оппозиционного самодержавию. Это вело к тому, что баптизм мог первоначально привлекать демократические элементы. Но постепенно все более ясным становилось, что в лице баптизма выдвигалось течение, во многих отношениях носящее церковный характер[3]. Это обстоятельство проницательно было

---

[1] См. *В. Д. Бонч-Бруевич.* Избр. соч., т. I. М., 1959, стр. 169.

[2] *А. И. Клибанов.* История религиозного сектантства в России. М., 1965, стр. 199.

[3] Приведем характерный отрывок из письма одного штундиста: «Уведомляю вас, братья, о делах старшего брата: он взял деньги из кассы для нуждающихся и купил на них чашу да покрывало на стол. Этот обычай украден из православной церкви, а нам говорят, чтобы мы вменяли его за святость. Но это идол, и да не будет так... То же самое скажу о водном крещении. Все это одна петля, и старший брат хочет затянуть нас в нее» (см. *А. Рождественский.* Южнорусский штундизм, стр. 175).

подмечено С. П. Мельгуновым, который подчеркивал, что баптизм принял «характер стереотипной церковной организации», а его последователи «живут по «букве», которая убивает животворящий дух». «Баптистские общины или собрания христиан евангельского вероисповедания,— писал он,— потеряли всякий общественный интерес. Падает вместе с тем и значение их в народной жизни. В настоящее время это нечто вроде знаменитой Армии спасения, где в значительной степени господствует религиозное ханжество» [1].

В 60—70-е годы баптистские общины возникают в Херсонской, Киевской, а несколько позже в Таврической, Екатеринославской, Полтавской губерниях. Новая церковь росла весьма энергично. К сожалению, мы можем воспользоваться лишь данными православных авторов, которые не всегда отличали баптизм от штундизма. В 1875 г. в Херсонской губернии официально числилось 1546 баптистов, а в 1881 г.— 3363, в 1871 г. в Елизаветградском уезде Херсонской губернии было 224 баптиста, а спустя 10 лет — уже 998; в 1873 г. в Таращанском уезде Киевской губернии было 112 человек, а в 1881 г. — уже 693 [2].

Первые деятели русского баптизма были учениками немецких миссионеров, но постепенно баптистская церковь в России приобрела независимость от немецких наставников. Если на Первом съезде русских баптистов (1884 г., село Ново-Васильевка Таврической гу-

---

[1] *С. П. Мельгунов.* Из истории религиозно-общественных движений в России в XIX веке. Старообрядчество, религиозные гонения, сектантство. «Задруга», М., 1919, стр. 236.

[2] См. Епископ *Алексей.* Материалы по истории религиозно-рационалистического движения на юге России во второй половине XIX столетия. Казань, 1908, стр. 276, 165—166; *А. Рождественский.* Южнорусский баптизм, стр. 135.

бернии), объявившем о создании Русского баптистского союза, во главе комитета союза был поставлен немецкий миссионер Г. Виллер, то уже в 1885 г. руководителем союза становится Дий Мазаев, преуспевающий миллионер-овцевод приазовских степей.

В то время как на юге России, по выражению преосвященного Амвросия, «нравственно-политическим пожаром в нашем отечестве» вспыхнул штундизм, на севере, в Петербурге, постепенно распространяется близкое к баптизму течение — евангелизм [1]. Толчком к этому послужил приезд лорда Гренвиля Редстока — участника Крымской войны, а потом известного проповедника протестантизма.

Проповеди Редстока привлекли большое внимание петербургской знати, и вскоре в числе ревностных «редстокистов» мы видим графа А. П. Бобринского, вдову генерал-адъютанта Е. И. Черткову, княгиню В. Ф. Гагарину, сановника Н. Ф. фон Краузе и др. Но особенно активными проповедниками евангелизма стали граф М. М. Корф и отставной полковник, богач и филантроп, В. А. Пашков. Последний стал устраивать регулярные молитвенные собрания в своем петербургском особняке [2].

Пашков не удовлетворился благосклонностью лишь столичной публики и в 1876 г. организовал Общество поощрения духовно-нравственного чтения, которое развило бурную миссионерскую деятельность. Примечательно, что евангельские христиане уделили особое внимание проповеди своего учения среди рабочих и в 1875—1886 гг. выпускали иллюстрированный журнал

---

[1] Впрочем, отметим, что в 70-х годах здесь возникла баптистская община, во главе которой стоял И. В. Каргель.

[2] Колоритное описание собраний Пашкова дано А. С. Пругавиным (см. *А. С. Пругавин.* Раскол вверху. Спб., 1909, стр. 201—214).

«Русский рабочий». Впрочем, особого успеха эта деятельность не имела.

Общество вскоре наладило издание многочисленных дешевых брошюр, направляя книгонош в разные губернии. Всего они выпустили более 200 брошюр, причем каждое издание в среднем имело тираж 10 тыс. экземпляров [1]. Среди них было немало переводных («Маленькая Мэг», «Первая молитва Джемса» и др.). Постепенно евангелизм стал распространяться в соседних губерниях, и прежде всего в Московской, Тверской, Тульской, Нижегородской, Псковской и др. Правда, в 1884 г. последовало высочайшее повеление: «Закрыть Общество поощрения духовно-нравственного чтения и принять меры к прекращению дальнейшего распространения учения Пашкова на всем пространстве Империи». Пашков эмигрировал, но проповедь евангелизма продолжалась. По официальным данным, в 1905 г. в России было 20 804 евангельских христианина, а в начале 1912 г.— 30 716 человек [2].

Вероучение евангельских христиан почти повторяет баптистское. В нем можно выделить три основных момента: 1) спасение совершилось, и все уверовавшие во Христа спасены; 2) спасение дается человеку даром, без всякого содействия с его стороны; 3) человек спасается при помощи одной лишь веры в искупительную жертву Христа. Для спасения от человека требуется одно: осознать себя грешником, не способным собственными усилиями умилостивить бога, и все надежды возложить на Христа. Совершенно отчетливо у евангельских христиан выступает и знакомая нам идея ничтожества человека и его неспособности заслу-

[1] Перечень основных изданий пашковцев дан в упоминавшейся книге Д. И. Скворцова (стр. 134—140).

[2] См. «Статистические сведения о сектантах». Спб., 1912.

жить спасение собственными силами. Например, в брошюре «Выгоды от потери» на этот счет говорится: «Все мы пред Богом не более, как развращенные грешники, и вся наша праведность — ненужный хлам. Мы не можем рассчитывать на нее, а должны прийти ко Христу, как нищие, нагие грешники, и оправдание не в делах наших, а в нашей вере...» [1].

Мы не будем более подробно разбирать вероучение евангельских христиан. Остановимся лишь на одном вопросе, который имеет существенное значение для понимания дальнейших судеб баптизма,— о взаимоотношении баптистов и евангельских христиан. Обычно в нашей печати подчеркивается, что различия между этими течениями незначительны и касаются лишь некоторых мелочей в обрядности. Но дело обстоит сложнее. Начиная с 1884 г. лидеры баптизма и евангелизма предпринимали неоднократные попытки договориться между собой об объединении в одну церковь. Временами, казалось, они были близки к достижению этой цели, но каждый раз соглашение срывалось. В чем же причина? Одна из них несомненно коренилась в соперничестве руководителей этих течений. Однако имелись и более глубокие корни. Баптизм и евангелизм довольно существенно различаются в догматике, обрядности и организации, и традиционный спор между ними по поводу крещения и некоторых обрядов был внешним выражением этих различий.

Исторические судьбы баптистов и евангельских христиан восходят к периоду соперничества общих и частных баптистов. Собственно, баптисты — это, как мы отмечали, преемники Филадельфийской ассоциации, имевшие строго кальвинистскую ориентацию. Что же касается евангельских христиан, они ведут свое

[1] «Выгоды от потери». Изд. Н. Р. Спб., 1880, стр. 6.

происхождение от ревивалистских английских протестантов и стоят на позиции общих баптистов [1].

Догматические разногласия сопровождались и неодинаковым пониманием церкви, и неодинаковой обрядностью, организацией общин, ролью пресвитера и т. д.

Частные баптисты, проводящие резкое различение между людьми избранными и неизбранными, придают особое значение составу церкви, как «сообществу видимых святых». Они придерживаются практики «закрытого причащения», т. е. допускают к нему лишь людей «духовно возрожденных» и крещенных по вере. Напротив, общие баптисты придерживаются практики «свободного причащения», допуская к нему и христиан, не крещенных по своему обряду.

С этим связаны и некоторые другие различия. Баптисты стоят за строгую церковную организацию и дисциплину, ответственность за поддержание которой они возлагают на пресвитеров. Они четко различают рукоположенных пресвитеров и остальных верующих. Лишь первые могут совершать крещение, хлебопреломление и бракосочетание, тогда как у евангелистов это может делать любой верующий по поручению общины. При совершении баптистского крещения пресвитер возлагает руки на крещаемых, а у евангелистов этого нет. Определенные различия имелись и в социально-политической ориентации этих церквей в условиях России.

---

[1] Кстати сказать, данное обстоятельство отмечено уже в дореволюционной литературе. «Теперешние пашковцы почти все усердием И. С. Проханова сдвинуты в разряд общих, генеральных, или «свободных» баптистов, а ученики Фетлера...— партикулярные баптисты» (*Д. И. Боголюбов.* Кто это пашковцы, баптисты и адвентисты? Спб., 1912, стр. 33—34). Об этом писал и С. Бондарь (см. *С. Бондарь.* Современное состояние русского баптизма. Спб., 1911, стр. 4).

Какими численными показателями характеризовалось распространение баптизма в России?

Принявшие участие в Первом всемирном съезде баптистов (1905 г.) Искуль и Мазаев заявили [1], что в России имеется 23 тыс. баптистов среди немцев, латышей и эстонцев и 20 тыс. — среди верующих русской национальности.

По неполным данным В. А. Фетлера, в стране к концу 1909 г. имелось 149 русских общин, 10 935 баптистов (с детьми — 19 507), 240 проповедников и пресвитеров. Среди немецкого, латышского и эстонского населения было 26 126 баптистов (всего «число душ, числящихся за баптистами»,— отмечает автор, — 49 690), 147 общин, 122 пресвитера и проповедника, около 15 тыс. учеников воскресных школ [2].

Видный баптистский авторитет В. В. Степанов заявил, что в 1910 г. в России имелось около 100 тыс. баптистов [3].

Эти цифры в общем согласуются с официальными данными на 1 января 1912 года [4].

Секты	Число на 1 января 1912 г.	Изменилось (прибавилось или убыло) по ср. с 1905 г.
Баптисты	114 652	+ 28 114
Евангелисты . . .	30 716	+ 9 818

В последующие годы данные о численности баптистов и евангельских христиан не публиковались. Но по

[1] См. *В. Иванов, Д. Мазаев.* Всемирный конгресс баптистов в Лондоне в 1905 г., ч. III, стр. 119.

[2] См. *В. А. Фетлер.* Статистика русских баптистов за 1909 год. Спб., 1910.

[3] См. «Баптист», 1911, № 9, стр. 69.

[4] См. «Статистические сведения о сектантах». Спб., 1912.

косвенным источникам можно сделать вывод, что рост баптизма в последующие годы продолжался, хотя и более замедленными темпами (немаловажная причина лежала в гонениях на баптистов, начавшихся в 1914 г.). Так что в целом к 1917 г. в России наиболее вероятное число баптистов и евангельских христиан можно оценить в 150—200 тыс.

Современные баптистские проповедники уверяют, будто в обстановке царской России баптисты выступили как активные борцы за свободу, что и послужило причиной репрессий против них. Это довольно принципиальный момент в характеристике дореволюционного баптизма.

Баптисты действительно требовали невмешательства светской власти в религиозную жизнь и свободы проповеди своей веры. Это было, таким образом, требование буржуазной свободы совести, протест против государственной, официальной религии и церкви. Такое требование было несомненно прогрессивным, и оно поддерживалось демократическими силами. Однако этим лозунгом оппозиция баптистов, собственно говоря, и исчерпывалась.

В обстановке резкого классового размежевания, борьбы двух общественных течений — революционно-демократического и либерально-буржуазного — баптистские лидеры выступали как последовательные идеологи второго. Они резко выступали против революционных народных движений, склонялись к требованию конституционной монархии [1]. «Революционеры... — писал в 1903 г. один из видных русских баптистов, Ф. П. Балихин,— это, по словам апостола Иуды,

---

[1] См. *Г. С. Лялина.* Либерально-буржуазное течение в баптизме (1905—1917 гг.). «Вопросы научного атеизма», вып. I. М., 1966.

люди, отделяющие себя от единства веры, душевные, не имеющие духа... Так точно будет и с сими мечтателями, которые отвергают начальство и злословят высокие власти. Мы знаем и верим, что сердце царей в руке господней, он направляет их, куда хочет» [1]. В те же годы В. Г. Павлов писал: «Что касается моих воззрений, то я, как христианин, против всяких насильственных революций и стою за мирное развитие нашего отечества и всего человечества» [2].

Аналогичную линию баптистские руководители навязывали и баптистской церкви в целом. Например, на съезде представителей баптистских общин, который состоялся в Царицыне в июне 1903 г., было принято такое решение: «Имея в виду усилившееся за последнее время опасное брожение умов, выражающееся в распространении брошюр противогосударственного направления... собрание нашло необходимым нашим возлюбленным во господе братьям — представителям церквей вменить в обязанность в случае пользования упомянутых вредных изданий среди наших братьев всемерно противодействовать их обращению в братстве и виновных в этом отношении подвергать немедленному исключению» [3].

Манифест 17 октября 1905 г., отменивший ограничения деятельности баптистов — главный пункт их разногласий с властями,— ярко выявил один парадоксальный факт: чем больше баптистская идеология теряла свое социальное звучание, тем более настойчиво ее лидеры стремились к самостоятельной политической деятельности.

---

[1] См. *Ф. М. Путинцев.* Политическая роль и тактика сект. М., 1935, стр. 27.

[2] См. там же.

[3] Там же, стр. 28.

На Европейском конгрессе баптистов 18 августа 1908 г. Джон Клиффорд, председатель Европейского конгресса и Всемирного союза баптистов, восклицал: «О, если бы мы, баптисты, были бы не только евангелистами, но и государственными мужами, тогда мы увидели бы, что настал наш час действовать» [1]. Но еще раньше действовать решили русские сектанты. В октябре 1905 г. руководители баптистов, евангельских христиан и меннонитов выпустили брошюру «Политическая платформа Союза свободы, правды и миролюбия». Они выступили как сторонники конституционной монархии. «Мы не желаем Учредительного собрания,— говорилось в ней,— ибо вопрос о форме Верховной Государственной власти решен для нас бесповоротно Всероссийским Великим Земским Собором 13 февраля 1613 года и поправлен Носителем власти нашей страны».

Социальная программа баптистов красноречиво была выражена председателем Латышского баптистского союза молодежи Я. Курцитом. «Раньше,— говорил он,— лютеране и православные обвиняли штундистов, указывая на них как на опасных революционеров и сажали их в тюрьмы, высылали в Сибирь и Закавказье, но оказалось как раз противное. Что же делали баптисты и их молодежь во время революции? Верующие люди собирались, молили бога за государство, за царя, за народ, чтобы всемилостивейший управлял сердцами земных владык и успокаивал сердца разъяренной толпы и восстановил бы в государстве мир и благополучие. Наша латышская баптистская молодежь была готова идти под выстрелы, но не захотела

---

[1] См. «Баптисты, их учение и задачи». Ростов-на-Дону, 1909, стр. 63.

присоединиться к революционерам. То же самое делала русская и немецкая верующая молодежь...»[1].

В период Февральской революции 1917 г. лидеры евангелистов и баптистов развили активную деятельность. Так, евангельские христиане образовали свою христианско-демократическую партию «Воскресенье». В числе ее лозунгов было требование вознаграждения за «отчуждение в пользу народа удельных, монастырских и майоратных земель». Частная собственность на фабрики, заводы и помещичьи земли, судя по программе, должна была остаться. Партия была рассчитана на «всех свободно верующих людей в России». На Государственном совещании, созванном Временным правительством в августе 1917 г., выступил И. С. Проханов, который потребовал «твердой и сильной власти» и призывал к «согласию, сотрудничеству и спайке всех классов» для продолжения войны и противодействия пролетарской революции.

Со своей политической и социальной платформой в эти годы выступили и баптисты. «Мы живем не в пустыне, мы вращаемся среди этого мира и имеем свою политическую физиономию. У нас есть и лозунги, провозглашенные самим господом» — так писал видный баптистский деятель С. В. Белоусов в № 9-12 журнала «Слово истины» за 1918 г. Баптистские лидеры горячо приветствовали Временное правительство и резко осуждали выступления народа против него: «Все эти удары — удары по власти, по свободе, по русской республике,— больно отзываются в сердце нашем... Хотелось бы верить, что действительно, как сказал на последнем совещании Керенский, «в момент

---

[1] «Первый всероссийский съезд кружков баптистской молодежи, юношей и девиц в Ростове-на-Дону 1909 года». Ростов-на-Дону, 1909, стр. 70—70а.

опасности все придут и спасут страну, спасут жизнь народа, достойного светлого, лучшего будущего»» [1].

Особенно настойчиво баптистские лидеры выступали против революционных настроений в России и роста влияния партии большевиков. «За последнее время,— писал в 1917 г. В. Г. Павлов,— наши идейные вожди, а за ними рабочие, солдаты и крестьяне составили себе ложное представление о свободе, и под флагом ее мы испытали ужасы разорения Москвы и братоубийственную междоусобную войну. Хотели свободы, а одна партия (большевиков), склонив на свою сторону штыки, продолжает творить насилия и ужасы... Словом, пока повторяется Парижская коммуна, ведущая к погибели России» [2].

Подобная позиция вытекала из всего прошлого баптизма, его социальной роли, находила полное оправдание в коренных принципах баптистской идеологии, и в первую очередь в его учении о революции духа, прямо противостоящем революционности масс. Исходя из него, баптисты доказывали обреченность Советской власти, пророчили гибель революционным народным преобразованиям. «Человечеству, — пишет баптист Григорьев,— производящему сейчас опыты социального реформирования, переустройства государственного общежития и международных отношений (коммуна Советской России, Лига наций на Западе и т. п.), необходимо прежде всего очиститься от всех накопившихся в нем ядовитых и нездоровых наслоений. Лишь только по очищении и исцелении от духовной проказы и настанут условия возможности устроения царства божьего на земле. Если же очищения и освобождения от своего «ветхого» человека не после-

---

1 «Слово истины», 1917, № 8, август, стр. 105.

2 «Слово истины», 1917, № 13-14, стр. 179—180.

дует, то как бы хороши ни были все человеческие программы, как бы ни были заманчивы провозглашаемые лозунги, осуществить их не будет дано. Мало того, всех реформаторов указанного направления ожидает участь вавилонских строителей» [1].

Круг завершился: баптистские лидеры выступили как защитники эксплуататорского строя. И это был закономерный итог развития баптизма, идеологии, по существу своему буржуазной.

БАПТИЗМ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Великая Октябрьская революция отделила церковь от государства и школу от церкви. Тем самым было ликвидировано господствующее положение православной церкви и все религиозные течения были уравнены в своем государственно-правовом положении. Баптизм перестал быть гонимой религией. Начался новый период в его истории, период, когда стали действовать новые факторы, влиявшие на положение церквей баптистов и евангельских христиан [2]. Ряд обстоятельств способствовал расширению влияния баптистской церкви. Отметим прежде всего, что люди, и раньше сочувствовавшие баптизму, но боявшиеся примкнуть к нему по тем или иным соображениям, теперь получили возможность сделать это. С другой стороны, баптистские

---

[1] «Источник из камня» (Петроград), 1920, № 11-14, июнь — июль, стр. 2.

[2] За последние годы вышел ряд работ, существенно расширяющих наши знания об этом периоде в развитии баптизма. Прежде всего укажем на книги А. И. Клибанова («Религиозное сектантство и современность», М., 1969) и З. В. Калиничевой («Социальная сущность баптизма. 1917—1929 гг.». Л., 1972).

лидеры получили возможность резко активизировать свою проповедническую деятельность.

Известно, что русская православная церковь в первые годы существования Советской власти заняла открыто контрреволюционную позицию. В этих условиях немалая часть верующих отошла от церкви по политическим мотивам. Это, однако, не был отход от религии, и многие из бывших верующих православной церкви подпадали под влияние более изощренной и тонкой проповеди баптистских лидеров.

В первые годы Советской власти сохранилась и социальная база распространения баптизма. Для буржуазной идеологии, какой является баптизм, она нашлась среди частнособственнических элементов в торговле, ремесленничестве, в многочисленном классе мелких буржуа, не говоря уже о кулаках,— т. е. среди тех социальных укладов, которые сохранялись в первый период новой экономической политики.

Лидеры баптизма и евангелизма стремились до конца использовать предоставившиеся возможности. Вновь встал вопрос об объединении двух церквей. В октябре 1919 г. был образован Временный всероссийский общий совет евангельских христиан и баптистов, который спустя несколько месяцев принял решение: «...призвать всех верующих, как евангельских христиан, так и баптистов в нашей стране, напрячь... усилия... чтобы достигнуть в будущем слияния двух течений в одно, и двух союзов в один союз» [1]. Такое постановление об объединении было принято на объединенном съезде евангельских христиан и баптистов. Прежние препятствия к соединению двух церквей,

[1] «Братский Союз» (Всероссийский общий совет евангельских христиан и баптистов), март 1920, стр. 3.

однако, сохранились, и вскоре отношения между двумя церквами стали открыто враждебными [1].

В эти годы проповедь баптистов носила характер более или менее открытой оппозиции к совершающимся в стране социальным преобразованиям.

Прежде всего это выразилось в отказе многих баптистов брать в руки оружие. При этом они ссылались на традиции своей веры. Однако таких традиций нет. Русские баптисты раньше признавали необходимость службы в царской армии. В своем «Вероучении» они заявляли: считаем себя обязанными, когда потребует нас к этому начальство, нести повинность воинской службы [2].

Напомним, что органы Советской власти внимательно прислушивались к нуждам сектантов. 4 января 1919 г. был издан декрет об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям. Решающую роль при решении каждого конкретного случая играл Объединенный совет религиозных обществ и групп, который выдавал удостоверения о принадлежности к секте на предмет освобождения от службы в Красной Армии. «Я должен откровенно признать,— говорил на 26-м съезде баптистов (1926 г.) П. В. Иванов-Клышников,— что Советская власть проявила довольно много терпения и снисходительности, наблюдая, как почти в каждом полку Красной Армии происходит брожение при появлении среди красноармейцев призывников-баптистов, которые открыто говорят о своем непризнании военной службы. По справедливости мы должны признать, что никакая государственная власть

---

[1] См., например, «Пленум совета Союза баптистов СССР», 1925, стр. 21.

[2] См. «Вероучение русских евангельских христиан-баптистов», Ростов-на-Дону, член XIII, стр. 15.

с таким положением мириться не может» [1]. Этот съезд баптистов принял решение восстановить в своих правах соответствующее положение «Вероучения», изданного в 1906 г. В нем, в частности, говорилось: «...мы считаем себя обязанными нести, когда потребует от нас этого правительство, военную службу... Мы не видим себе препятствий со стороны нашей веры принимать на себя правительственные должности» [2].

В те годы баптистские руководители свое главное внимание сосредоточили на расширении миссионерской деятельности. Председатель Союза баптистов СССР И. А. Голяев говорил в конце 1925 г.: «Религиозные затруднения к проповедованию Евангелия Христова и упрочению царства божия в нашем отечестве, бывшие в царское время и ныне Советской властью упраздненные, в минувшем 1925 году еще более устранены, и мы имели широко раскрытую нам дверь к благовестию Христову» [3]. «Однако,— продолжает он,— пока сделано очень мало» [4]. Исходя из такой оценки, пленум принимает решение «направить свою деятельность к дальнейшему расширению поля миссионерской деятельности» [5]. При этом особое внимание обращается на то, чтобы «усилить работу среди инородцев, как-то: среди армян, грузин, татар и среди языческих народов, живущих на территории СССР» [6].

Какова была численность баптистов и евангельских христиан в ту пору?

---

[1] «26-й Всесоюзный съезд баптистов СССР (Протоколы и материалы)». М., 1927, стр. 107.

[2] Там же, стр. 14—15.

[3] «Записи заседаний пленума совета Союза баптистов СССР, состоявшегося в Москве 5—12 декабря 1925 г.», стр. 6.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 16.

[6] Там же, стр. 53.

Точно ответить на этот вопрос сложно, поскольку официальный учет числа верующих отсутствовал. В декабре 1925 г. пленум баптистов отметил, что в Союзе баптистов СССР имеется «приблизительно 3200 общин, 3700 мест проповеди, 1100 молитвенных домов, 600 пресвитеров и 1400 прочих служителей церквей» [1].

Относительно общей численности баптистов в те годы Б. Тихомиров пишет: «...баптист Гордон Бекер говорит в своей проповеди, что до войны в России насчитывалось около 100 тыс. баптистов, теперь же более 2 млн. человек. Это, конечно, явное преувеличение... Общую численность баптистов можно определить без преувеличения в 400 тыс. человек. По данным Федеративного совета баптистов, в 1927 г. в 6500 общинах насчитывалось 500 тыс. членов» [2].

Таким образом, за годы нэпа баптизм заметно вырос и превратился в крупную религиозную организацию.

Интересны данные о социальном составе баптистских общин. По свидетельству Б. Тихомирова [3], основу баптистских общин в деревне составляли середняки и значительный процент бедноты. В Воронежской губернии в 1926—1927 гг. социальный состав общин баптистов и евангелистов определялся так: «бедняков — 43—44%, середняков — 55—56%, кулаков и зажиточных — 1—2%. В Полтавском округе по двум общинам батраки составляли 2,8%, беднота — 20%, середняки — 77,1%. Во Владивостокском округе, в селах Екатеринославке, Георгиевке, Васильевке и Орловке, об-

[1] «Записи заседаний пленума совета Союза баптистов СССР, состоявшегося в Москве 5—12 декабря 1925 г.», стр. 15.

[2] *Б. Тихомиров.* Баптизм и его политическая роль. ГАИЗ, 1929, стр. 17—18.

[3] См. там же, стр. 20—22.

щина баптистов целиком состоит из крестьян и казаков. Среди них значителен процент бедноты... В шести селениях этого округа, занятых рыбной ловлей, 25% баптистских семей не имели лодок, а в 11 селениях 46% баптистских семей не имели своих сетей. Однако, как правило, во главе баптистских общин стоят выходцы из торговцев, кулаков, купцов. Одним словом, среди баптистов в те годы значительную долю составляли трудящиеся.

Большинство в баптистских общинах составляли женщины. На Дальнем Востоке они составляли 66% общего числа членов, в Воронежской губернии — до 75%, в других местах процент колеблется от 50 до 70. Среди вступавших в ту пору женщин особенно велик был процент вдов и девушек [1].

Рост баптистской церкви продолжался до начала 30-х годов. Успехи социалистического строительства, победа социалистической формы хозяйствования в сельском хозяйстве подорвали социальную почву для распространения баптистских взглядов. В 1929—1930 гг. численность баптистских общин стала уменьшаться, и с годами этот процесс становился все более заметным. В книге Ф. Путинцева приводятся следующие данные: в Дальневосточном крае число общин баптистов и евангелистов менялось так: 1926 г.— 160; 1929 г.— 311; 1932 г.— 86 [2].

Закономерный для социалистического общества отход широких масс от религии и церкви был нарушен последствиями немецко-фашистского вторжения.

---

[1] См. *Б. Тихомиров.* Баптизм и его политическая роль, стр. 52.

[2] См. *Ф. М. Путинцев.* Политическая роль и тактика сект. М., 1935, стр. 405. Впрочем, мы никак не исключаем возможность того, что эти и аналогичные им данные преувеличивают темпы уменьшения численности баптистской церкви.

В первые послевоенные годы кривая численности баптистов быстро пошла вверх. Этому было немало причин. Война принесла горе миллионам семей, миллионы людей потеряли своих родных, вынуждены были покинуть родные села и города, были выбиты из привычной жизненной колеи, оказались оторванными от родных и близких. Данное обстоятельство само по себе вызывало оживление религиозных настроений. Но особенно увеличилась баптистская церковь, и это объясняется некоторыми особенностями баптистской проповеди и организации. Мы еще будем подробно останавливаться на вопросе о причинах влияния баптизма в наши дни. Пока отметим лишь некоторые моменты.

Во-первых, особенностью баптистского вероучения является проповедь предопределения и фатализма. В обстановке первых послевоенных лет эти идеи оказывались наиболее созвучными настроениям людей, испытавших суровые превратности жизни. Во-вторых,— и это чрезвычайно существенное обстоятельство — баптизм не ограничивался лишь проповедями. В лице баптистской общины он предлагал определенный коллектив, который оказывал человеку моральную, а нередко и материальную поддержку. Нельзя сбрасывать со счетов и активную миссионерскую деятельность, которую баптистская церковь развила в эти годы.

В 40-е годы существенно изменилась и организация баптизма в нашей стране. В середине 30-х годов Союз баптистов прекратил свое существование. В мае 1942 г. руководители баптистской церкви обратились к Совету евангельских христиан с предложением принять на себя заботу о баптистских общинах. В октябре 1944 г. на совещании представителей обеих церквей было принято решение об их объединении.

Это слияние в значительной мере носило искусственный характер, поскольку объединились весьма разнородные течения. Баптисты пошли на него, желая приобрести централизованную организацию, евангельские христиане — поскольку оно значительно укрепляло их позиции, тем более что по своей численности они всегда заметно уступали баптистам.

Слияние двух течений в единую церковь евангельских христиан и баптистов (впоследствии это название было заменено на Церковь евангельских христиан-баптистов — ЦЕХБ) означало создание централизованной в масштабах всей страны религиозной организации. Во главе ее стал Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов, со штатом старших пресвитеров (вначале они назывались уполномоченными ВСЕХБ), пресвитерами, управляющими общинами на местах. С 1945 г. стал издаваться журнал «Братский вестник». В августе 1945 г. к ЦЕХБ примкнули христиане веры евангельской, или пятидесятники. Лидеры этих церквей публично объявили, что объединение вызвано взаимной христианской любовью. На самом деле это был брак не по божественной любви, а по вполне земному расчету.

До 1945 г. христиане веры евангельской (пятидесятники) не регистрировались органами власти, поскольку их обрядность расценивалась как вредная для здоровья людей. С целью легализовать свои общины пятидесятнические лидеры пошли на объединение. Условием объединения был отказ пятидесятников от говорения на незнакомых языках (глоссолалия) и обычая омовения ног. Всего в ЦЕХБ вошло около 300 общин пятидесятников. Однако немало общин с самого начала не признали объединения и продолжали существовать самостоятельно. Из числа присоединившихся

многие пятидесятнические общины впоследствии также стали проводить самостоятельные молитвенные собрания и фактически вышли из данного союза.

В 1946 г. к ЦЕХБ присоединилось 170 общин так называемых свободных христиан Закарпатья. Это разновидность протестантизма, завезенная в Закарпатье Петром Семенóвичем, приехавшим из США в 1920 г. Последователи этого течения, разделяя общие догмы протестантизма, выступали против почти всех обрядов. Они не признавали водного крещения, хлебопреломления, не имели специальных молитвенных домов и профессиональных пресвитеров. У них не было принято отмечать пасху, рождество, троицу и иные праздники и т. д.

В октябре 1963 г. состоялся Всесоюзный съезд евангельских христиан-баптистов, который постановил принять в Союз евангельских христиан-баптистов меннонитские общины [1]. В уставе, принятом съездом, меннониты названы в числе членов Союза евангельских христиан-баптистов [2]. Обращение, принятое съездом с призывом к объединению, адресовано и «ко всем братьям и сестрам меннонитам, давно подвизающимся за веру евангельскую» [3].

В итоге образовался весьма сложный симбиоз друг другу родственных, но во многом и различающихся между собой религиозных течений. И здесь мы сталкиваемся с противоположной — «разъединительной» тенденцией внутри церкви ЕХБ. Наиболее значительным эпизодом ее стало появление так называемой «инициа-

---

[1] См. «Братский вестник», 1963, № 6, стр. 40.

[2] См. там же, стр. 43.

[3] Там же, стр. 52. Меннониты в нашей стране делятся на «церковных» и «братских». В церковь ЕХБ вошли лишь последние.

тивной группы»[1], или, как стали называть себя ее сторонники, Совета церквей ЕХБ (СЦЕХБ)[2].

Излагая мотивы своего отхода от ВСЕХБ, руководители «инициативной группы» обвиняли его в извращении коренных вероисповедных принципов баптистской церкви и отходе от ее основных традиций.

Порой встречаются попытки объяснить данный раскол отдельными фактами: появлением «Инструктивного письма старшим пресвитерам» ВСЕХБ и Положения о ВСЕХБ (1960 г.), случаями администрирования, неблаговидными действиями тех или иных руководителей «инициативной группы» и т. д. Все эти факты имели место и в известной мере повлияли на возникновение раскола и форму его проявления. Однако причину его мы должны искать глубже — в общем положении баптистской церкви в условиях социалистического общества, в специфических чертах, характеризующих ее современную идеологию, организацию и практическую деятельность.

«Инициативная группа» появилась летом 1961 г. Внешним поводом к ее возникновению послужило следующее событие. В 1960 г. ВСЕХБ разослал по общинам новое Положение о ЕХБ и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам». Главный смысл этих документов был в том, чтобы привести деятельность баптистских общин в соответствие с существующим советским законодательством. В заключительной части письма,

---

[1] Пока не установилось общепризнанного термина для обозначения сторонников «инициативной группы». Чаще всего их называют «баптистами-раскольниками». Это обличительное наименование, вполне объяснимое в устах деятелей ВСЕХБ, разумеется, неуместно в научной литературе. Мы будем называть их сторонниками СЦЕХБ, или прокофьевцами.

[2] Подробнее об этом см. *А. И. Клибанов, Л. Н. Митрохин.* Кризисные явления в современном баптизме. М., 1967.

например, говорилось: «В прошлом при недостаточном учете советского законодательства о культах в некоторых наших общинах происходило нарушение его, бывали случаи крещения лиц моложе 18 лет, оказывалась материальная поддержка из средств общины, устраивались библейские и другие специального характера собрания, допускались декламации стихотворений, бывали экскурсии верующей молодежи, создавались кассы взаимопомощи, устраивались собрания для проповедников и обучение регентов хора... Все это необходимо теперь изжить в наших общинах, а деятельность нашу привести в согласие с действующим законодательством».

Некоторые баптистские деятели на местах неприязненно встретили эти документы, усмотрев в них посягательство на права общин и объявив их несовместимыми с баптистским вероучением и церковной практикой. В феврале 1962 г. был создан Оргкомитет по созыву внеочередного съезда ЕХБ. Затем была создана собственная организация этой группы, стал выпускаться печатавшийся на гектографе «Вестник спасения. Духовно-назидательный журнал евангельских христиан-баптистов». Тем же способом начал издаваться информационный «Братский листок», усиленно распространялись разного рода послания, листовки, заявления, часто фигурировали коллективные письма, которые должны были создать впечатление, будто за группой идет значительная часть баптистов и «стремление к созыву съезда превратилось в широкое и серьезное движение за восстановление божественных принципов жизни». Это, разумеется, преувеличение. По-видимому, влияние СЦЕХБ распространяется на десять — пятнадцать тыс. верующих. По сравнению с общей численностью церкви ЕХБ эта цифра может показаться не столь уж значительной. Но и сбрасы-

вать со счетов ее никак нельзя, тем более, что речь, как правило, идет об активно действующих верующих, о баптистах, фанатически преданных своей вере. Отметим также, что в последнее время среди сторонников этой группы все явственнее проявляется недовольство во многом провокационной политикой лидеров, целый ряд общин высказался за воссоединение с ВСЕХБ. Этому несомненно способствовал и тот факт, что на своих съездах (1963 и 1966 гг.) ВСЕХБ принял новый устав и Положение о баптистской церкви.

Какова же программа Совета церквей ЕХБ? В качестве «основных евангельских принципов» ее идеологи выдвигают следующие: «1. Слово божие является единственным вполне достаточным и абсолютно авторитетным руководством для церкви; 2. Проповедь евангелия или свидетельство о Христе является главной задачей и основным призванием церкви; 3. Независимость (автономия) местной церкви; 4. Крещение по вере; 5. Духовное возрождение членов; 6. Отделение церкви от государства; 7. Всеобщее священство верующих (членов церкви)» [1].

Уже из этих пунктов видно, что главный упор делается на те моменты баптистской веры, которые касаются положения и роли церкви в нашем обществе.

---

[1] «Вестник спасения», 1964, № 2(6), стр. 2. Для сравнения приведем семь «основных принципов евангельских христиан-баптистов», сформулированных в одном из последних номеров «Братского вестника»: 1. Священное писание — книги Ветхого и Нового заветов (канонические) являются основой вероучения евангельских христиан-баптистов; 2. Церковь должна состоять исключительно из возрожденных людей; 3. Заповедь крещения и вечеря господня принадлежат исключительно возрожденным людям; 4. Независимость каждой отдельной поместной церкви; 5. Равноправие всех членов каждой поместной церкви; 6. Свобода совести для всех; 7. Отделение церкви от государства (см. «Братский вестник», 1966, № 1, стр. 44—55).

Именно по этой линии прежде всего и идет критика официального баптистского руководства. В резолюции совещания Оргкомитета, направленной в адрес ВСЕХБ, например, говорилось: «...вы пошли на подделку семи евангельско-баптистских принципов... три принципа удалили совсем, причем удалили как раз те, которые препятствуют вам грешить» [1] (имеются в виду пункты 2, 3 и 6).

Руководители «инициативной группы» требуют перестроить руководство церковью и сместить ВСЕХБ, который, по их мнению, руководствуется не «божественным принципом», а своими «человеческими постановлениями». Поэтому, говорят они, нужно выбрать новых руководителей и с этой целью провести съезд. Кстати сказать, в июне 1962 г. Оргкомитет объявил весь состав ВСЕХБ «отлученными от церкви».

Во второй половине 60-х годов руководители «инициативной группы» активизировали свою деятельность, стремясь объединить идущие за ними группы в единую организацию, централизованную в масштабе всей страны. 30 ноября 1965 г. был опубликован «Устав Союза Церквей Евангельских — христиан-баптистов в СССР» [2], провозгласивший формальное образование единого союза церквей евангельских христиан-баптистов (СЦЕХБ). Мы не будем подробно разбирать принятый устав: он развивает семь принципов, которые мы указали. Отметим лишь некоторые положения. Прежде всего подчеркивается, что баптистские церкви «в своей духовной и внутрицерковной деятельности являются совершенно свободными, независимыми от государства». Главная цель организации усматривается прежде всего в том, чтобы «проповедо-

---

[1] «Братский листок», 1965, № 2-3, стр. 7.

[2] См. «Братский листок», 1965, № 11.

вать евангелие Иисуса Христа всем людям». Подчеркивается, что свободное присутствие на богослужебных собраниях обеспечивается «всем гражданам, в том числе и детям», и т. д.

Не следует думать, будто «инициативная группа» возникла неожиданно после 15 лет безмятежного мира, воцарившегося в объединенной баптистской церкви. В действительности же с самого начала в церкви ЕХБ происходила глухая борьба, сопровождавшаяся образованием различных групп верующих в общинах, а порой и расколом местных церквей. В середине 50-х годов, например, возникли так называемые чистые баптисты, выступившие за восстановление баптизма в его традиционной форме. Мы уже не говорим о постоянных трениях и расколах, связанных с присоединениями к ЕХБ пятидесятников. Лишь с учетом этих процессов можно понять характер и причины влияния «инициативной группы».

Разумеется, сама форма, которую принял новый раскол, внешние обстоятельства, которые его вызвали, равно как и конкретные действия руководителей «инициативной группы», во многом случайны. Однако вполне объясним как сам факт раскола, так и содержание программы, которую сторонники СЦЕХБ предлагают в качестве средства ликвидации кризисного положения церкви и «возрождения» баптизма.

Конечная причина этого явления лежит в весьма простом обстоятельстве. Баптистская церковь сформировалась в условиях капиталистического общества, как надстроечное явление буржуазного строя. Ее идеология улавливала настроения и чувства людей, «отчужденных» от общества, питалась и росла за счет этих настроений, неизбежно порождавшихся практикой частнособственнического развития. Традиции бап-

тистской церкви, ее идеология и практика приспособлены именно к этим условиям.

Так было и в обстановке царской России, когда в баптистской идеологии оформлялся социальный опыт людей, ставших жертвами буржуазного развития, их настроения воплощались в категориях и идеях религиозного фатализма, в вере в божественное предопределение человеческой судьбы. В условиях новой экономической политики, как уже отмечалось, баптистская церковь росла на основе частнокапиталистических элементов, сохранявшихся в экономике и торговле. И хотя баптистские руководители в ту пору не формулировали прямо своих политических и социально-экономических симпатий, они ни для кого не составляли секрета — это была идеологическая оппозиция крепнущему социализму и материалистическому мировоззрению. Однако в последующие годы церковь ЕХБ приняла несколько иной облик.

Процесс быстрых социалистических преобразований в промышленности и экономике, перестройка быта, культурная революция, формирование новых социалистических отношений, все большее распространение материалистического мировоззрения, отражавшего грандиозные социальные завоевания,— все эти факторы шаг за шагом, неуклонно и неумолимо сужали сферу распространения и влияния баптистских идей, все более выявляли их исторически преходящий характер.

Как известно, процесс изживания религиозных пережитков был замедлен последствиями немецко-фашистского вторжения. За первые послевоенные годы многие баптистские общины заметно выросли. Но эта вспышка не только не означала восстановления баптистской церкви в ее исторических традициях, но, напротив, еще четче выявила ее нисходящую кривую.

Пополнение баптистской церкви тех лет преимущественно составилось из людей, переживших большое личное горе в ходе войны, гибель родных и близких, тревогу за их судьбы и т. д. Баптистская проповедь нашла отзвук в сердцах многих исстрадавшихся людей, разбудила не до конца выветрившиеся у них религиозные настроения. Они шли в баптизм, как шли и в православные церкви. Но их привлекала не социальная философия баптизма, не формулируемая им программа христианского миссионерства, а прежде всего его умение успокаивать, его способность давать людям утешение. Именно пополнение тех лет в основном и придало церкви баптистов тот филантропически-попечительский вид, который она приобрела в последние десятилетия.

Данные процессы находят свое осязательное выражение в социально-демографических показателях, характеризующих тенденции изменения состава баптистских общин: постоянно возрастает средний возраст членов церкви, людей, непосредственно не связанных с социалистическим производством, сохраняется (а иногда и растет) высокий процент женщин, людей малограмотных и неграмотных. Нетрудно установить принципиальное сходство между этими данными и теми чертами, которыми характеризовались формы так называемого старого русского сектантства в период его бурного разложения.

Но история показывает, что такие процессы, как правило, порождают отчаянные попытки со стороны отдельных лидеров реставрировать прежнее влияние, найти пути к молодому поколению, воспрепятствовать нисходящей линии развития. Примером может служить хотя бы секта молокан, руководители которой в свое время даже стремились создать специальную организацию «молодых молокан».

В этой обстановке закономерным было появление группы религиозных проповедников (преимущественно связанных с наследием баптистской церкви), которые объявили себя защитниками ее давних социально-идеологических и организационных традиций, взвалили всю вину за ее настоящее положение на «отступническую» политику ВСЕХБ и выступили с программой возрождения церкви.

В своих многочисленных проповедях идеологи СЦЕХБ постоянно указывают на сокращение числа общин и верующих, на «охлаждение» религиозного благочестия, на незначительный процент христианской молодежи и растущее влияние «безбожного» мира. По их мнению, речь должна идти не просто о перестановках в церковной иерархии, а об изменении социального облика самой церкви, о пересмотре содержания и методов ее деятельности. Главными моментами их программы являются следующие:

1. Требование интенсивной религиозной пропаганды среди всех слоев населения, пропаганды, не ограничиваемой стенами молитвенных домов.

2. Особое внимание к миссионерской деятельности среди молодежи и детей, что должно привести к омоложению церкви.

3. Воспитание в каждом верующем воинствующего религиозного фанатика, готового на любые «подвиги» ради Христа, способного без колебаний идти в «мир», распространять в нем «слово божье», не считаясь ни с какими трудностями и лишениями.

4. Подчеркивание противоположности «божественного» и «человеческого» начал, религиозной общины и «мира», воспитание враждебного отношения к безбожному обществу, его законам, культуре, науке. Жизнь вне общины рассматривается как средоточие греха, порока, аморализма.

5. Проповедь неизбежности столкновения между людьми «внутренними» (верующими) и людьми «внешними» (атеистами). Особый акцент на требовании «исполнения святым духом» и проповеди святости страданий как благословенного удела истинного верующего.

В связи с характеристикой вероучения СЦЕХБ нередко возникает вопрос о мере его отличия от взглядов, проповедуемых «официальным» руководством баптистской церкви. На этот счет высказываются самые различные мнения — от признания тождественности данных вероучений до приписывания идеологам СЦЕХБ серьезных теологических новаций. На наш взгляд, такая постановка вопроса надумана.

Разумеется, баптизм — это особая, буржуазная разновидность христианства, и можно выделить необходимо присущие ему черты. Однако баптизм не существует в чистом виде. Баптистские вероисповедные принципы в зависимости от реального конкретно-исторического контекста могут допускать различные интерпретации и все же оставаться «баптистскими». Так, собственно говоря, всегда было в истории. Одним словом, дело не в том, какой баптизм является «настоящим», а в социально-классовой природе идей, которые в каждом конкретном случае выносятся на первый план.

Идеология приверженцев СЦЕХБ развертывается в русле баптистских догматов и положений. Но она, конечно, имеет ряд особенностей. Речь идет о стремлении утвердить баптизм как последовательно буржуазную идеологию с характерными для нее толкованиями общества, человека, моральных ценностей и т. д. В условиях социализма это неизбежно означает проповедь антиобщественных идей, воспитание неприязни, а то и враждебности к господствующей идеологии и образу жизни.

Поэтому, осуждая противозаконные действия последователей СЦЕХБ и их социально-политическую философию, было бы неверным в идеологическом плане противопоставлять их последователям ВСЕХБ — по своим коренным мировоззренческим принципам и по исходной социальной природе они родственны.

Остается рассмотреть еще один вопрос. Как известно, руководителям СЦЕХБ удалось увлечь за собой немалое число рядовых верующих. Возникает вопрос о причинах этого явления.

Вопрос этот не простой, в нем много различных сторон. Мы отметим одну, впрочем, весьма существенную.

Следует всегда иметь в виду, что отношение человека к обществу и его духовным ценностям зависит прежде всего от его собственного жизненного опыта, от того, как складываются его судьба, взаимоотношения с людьми и т. д. Религия спекулирует на слабости человека, она «восполняет» разорванные связи с обществом, предлагает человеку мир иллюзорных ценностей. Она, однако, не способна целиком определить мировоззрение индивида, если ему не кажется, что в жизни, в личном опыте, он находит подтверждение религиозным идеям. Среди сторонников «инициативной группы» оказалось немало людей, личные горести и разочарования которых баптистским идеологам удалось переложить на язык антиобщественных религиозных лозунгов.

Отсюда следует важный вывод для атеистического воспитания.

Оно должно быть направлено на то, чтобы ликвидировать в сознании верующего пропасть между религиозной общиной и обществом, на деле доказать гуманизм и человеколюбие наших социалистических отношений. Именно так учит партия, осуждая админи-

стрирование и ущемление законных прав верующих. На практике, однако, встречались отдельные факты, когда идейная борьба с религией подменялась грубостью, административным нажимом на верующих. Сторонники «инициативной группы» умело пользуются такими случаями. Показательно, например, что влияние «инициативной группы» сильнее всего ощущается там, где имели место администрирование, отдельные ошибки судебных органов и местной администрации, где чуткая и квалифицированная атеистическая работа подменялась пустозвонством и кампанейщиной.

Следует отметить и другое обстоятельство. Как известно, Церковь евангельских христиан-баптистов является зарегистрированной организацией. Это значит, что она имеет свои молитвенные дома и открыто ведет там свою деятельность. Однако наряду с зарегистрированными общинами реально действовали общины, которые не были зарегистрированы. Среди верующих на этой почве, естественно, росло недовольство, в их сознании углублялась пропасть между религиозной общиной и обществом. Руководители «инициативной группы» использовали подобные факты, объявляя себя защитниками таких групп и нередко именно среди них находя своих наиболее убежденных сторонников. Такое положение благоприятствовало влиянию антиобщественной проповеди на определенную часть верующих.

Руководители «инициативной группы» неоднократно пытались обострить отношения между религиозными общинами и местными органами власти, а в ряде случаев шли на прямые скандалы, чтобы парализовать симпатии верующих к жизни вне общины и подчинить их своему безраздельному влиянию. В ряде мест сторонники «инициативной группы» демонстра-

тивно распевали религиозные песни в автобусах, в местах общего пользования и т. д. Эти противозаконные действия были рассчитаны на то, чтобы спровоцировать конфликты, вызвать трения и использовать их для закрепления неприязни своих сторонников к обществу.

Но вернемся к церкви ЕХБ в целом.

Ныне баптисты представляют собой хорошо организованную в масштабах всей страны церковь, имеющую общины практически в каждой области. За последние десять лет процесс заметного роста баптистских общин прекратился, но в целом баптистским проповедникам удается поддерживать численность общин на постоянном уровне.

Возникает вопрос о специфических особенностях вероучения современного баптизма, его нравственных принципов, культа и церковной организации.

Глава II

ДОГМАТИКА

В предшествующей главе мы уже касались некоторых моментов вероучения баптизма. Теперь нам предстоит в систематической форме рассмотреть идеологию баптистской церкви. Разумеется, мы не можем воспроизвести критический разбор всего содержания христианского вероучения, разновидностью которого и является баптизм. Наша задача скромнее: выявить наиболее существенные черты, характеризующие это течение.

Встает вопрос о последовательности изложения данной темы. Обычно при систематическом разборе религиозной идеологии воспроизводится та последовательность оснований и выводов, которая в ней принята. Моральные принципы, например, рассматриваются как «конкретизация» абстрактных догм. Действительно, с точки зрения баптистского богослова, концепция бога и учение о Христе предопределяют понимание законов развития общества, характер моральных принципов баптизма, конкретное поведение его последователей и т. д. Такова специфика христианского созна-

ния — все свои конкретные идеи оно стремится представить как результат истинного прочтения «священного писания».

Мы также будем идти от абстрактных догм к их конкретным проявлениям, от теологии к религии, от «теории» к «практике», к культу. Такой путь, на наш взгляд, наиболее целесообразен: он позволяет проанализировать не только содержание отдельных баптистских идей, но и способ их обоснования.

Но тогда тем более важно подчеркнуть, что эта последовательность не отражает реальной причинно-следственной связи отдельных элементов баптистской веры. И в историческом и в теоретическом плане догматика баптизма не есть исходный, определяющий момент для его моральных принципов, а они не «конкретизируются» в определенном практическом поведении человека — вопреки обычному мнению самого верующего. В реальной жизни зависимость носит скорее обратный характер: конкретно-историческая социальная практика, реальные отношения людей, их политические взгляды предопределяют характер толкования библейских догм, тот облик, который принимает баптистская Библия данной эпохи. То же самое можно сказать и о путях влияния баптизма на отдельного человека. Сама возможность этого влияния во многом определяется собственным жизненным опытом человека, сформировавшимся помимо религиозного сознания. Освещая определенный социальный опыт, баптистские идеи выступают скорее как его результат, нежели как главная причина.

Впрочем, такова лишь общая принципиальная схема. В реальной жизни взаимоотношение «теории» и «практики» в религии сложнее. С одной стороны, социальные условия определяют содержание религиозных идей, с другой стороны, религиозные идеи, приняв

форму разработанных идеологических систем, проповедуемых церковными организациями, оказывают несомненное влияние на мировоззрение людей, санкционируют и стимулируют определенный тип их поведения.

БАПТИЗМ И БИБЛИЯ

Даже с внешней стороны процесс обоснования новых религиозных течений отличается от смены фундаментальных научных систем. Когда ученый предлагает миру теорию, он подчеркивает ее новизну, ее соответствие с последними данными и результатами наблюдений. Он предлагает ее как самое новое слово человеческого разума. Когда же человечеству сообщают об образовании новой христианской церкви, ее достоинства усматривают в другом. Она рекламируется как единственно истинная реконструкция изначального смысла «священного писания», как самое «подлинное» божье слово, очищенное от последующих человеческих заблуждений.

Ученый устремлен вперед, его пафос — в познании вечнообновляющейся жизни, он ищет свежие понятия и категории. Богослов постоянно оглядывается назад, его забота — в раскрытии «неизменной» воли бога, он стремится проблемы современной жизни облачить в традиционные доспехи христианского миросозерцания. Истолкование содержания Библии — вот то ристалище, на котором разыгрываются теологические схватки. Поэтому анализ догматики любого христианского течения целесообразно начинать с выяснения его отношения к «священному писанию». Это тем более справедливо применительно к баптизму.

Баптисты, как и все протестантские церкви, отвергли так называемое «священное предание», признавае-

мое католической церковью. Свою борьбу за истинное христианство они вели с позиций защиты «священного писания» как единственно истинного источника богопознания. Отсюда вытекают по меньшей мере два существенных следствия.

Во-первых, отрицая посредничество церкви, протестанты рассматривают Библию как главное средство, при помощи которого бог добивается спасения людей. Иными словами, Библия оценивается как главный и единственный источник истинной христианской веры.

Во-вторых, протестанты резко противопоставляют бога и человека, божественное и человеческое начала, знание, которое идет «от бога», и знание, которое своим источником имеет «падшего» человека. Единственным вместилищем божественного знания объявляются «истинно вдохновленные святым духом» книги Ветхого и Нового заветов, которые противопоставляются всему остальному, «несовершенному» человеческому знанию.

Эти особенности нашли свое ясное проявление и в баптистском вероучении. В сжатом виде оно сформулировано в «Исповедании веры евангельских христиан-баптистов». Здесь Библия расценивается как «единственный источник богопознания, а также единственное правило и мерило веры и поведения нашего» [1]. Эта оценка распространяется на так называемые канонические книги (совпадающие с православным каноном) [2]. Отмеченное отношение к Библии проявля-

---

[1] «Исповедание веры христиан-баптистов». М., 1928, стр. 6—7.

[2] Отличие баптистской (протестантской) Библии от Библии синодальной заключается в том, что все протестанты с порога отвергают апокрифические произведения и не включают их в печатный текст, тогда как православные богословы, хотя и не признают их «богодухновенности», но все же считают, что они «полезны для чтения».

ется и во внешнем оформлении баптистской догматики. К каждой характеристике, к каждому догматическому положению отыскивается соответствующая ссылка на Библию. Баптисты признают и Ветхий и Новый заветы, объявляя и тот и другой «богодухновенными». Главное внимание они, однако, уделяют Новому завету. «...Самый бедный верующий новозаветного времени,— говорится в «Братском вестнике»,— богаче, чем самый богатый духом Ветхого завета, потому что он имеет Христа, которого ветхозаветные праведники еще не имели» [1].

Знание Библии, систематическое чтение и изучение ее объявляется важнейшей обязанностью каждого баптиста. Следует отметить, что своеобразный культ Библии составляет один из главных мотивов баптистской проповеди на всех ее уровнях: официальном, печатном, рукописном, устном и т. д.

Об отношении баптистов к Библии дает представление рукопись «Две пчелки», имеющая хождение в баптистских общинах. В ней описывается следующая сценка: мастер-баптист сделал металлическую пчелку и поставил ее рядом с живой. Он предложил, чтобы гости определили, которая из них живая. Те долго не могли этого сделать. Как тут быть? Тогда один из гостей принес блюдце с медом. Настоящая пчела тут же взлетела и села на мед. И мастер сказал: «Вот она, божья пчелка, и села на мед — пищу божью».

Эта история, по мысли ее авторов, и должна показать различие между людьми живыми — к ним баптисты причисляют себя — и людьми мертвыми, лишь с виду похожими на живых,— безбожниками, атеистами. Позже мы разберем суть такого различения. Пока

---

[1] «Братский вестник», 1957, № 2, стр. 37.

же отметим, что главным основанием для него здесь объявляется отношение к Библии.

Как же осуществляется эта проверка? Да очень просто: нужно определить, какая у него «пища». Для живой пчелки — это мед, а для живого человека — Библия. О нем сказано:

> Библия — божественное слово —
> Ему слаще, чем сотовый мед,
> Ему нет питания другого,
> Ею он дышит, ею он живет.

В последнее время исследователи современной религии, ссылаясь на разного рода опросы и анкеты, порой отмечают, будто верующие теперь «далеко не те», что они, как правило, не знают тонкостей догматики и культа и в большинстве случаев верят лишь «по традиции». Данная характеристика, как правило, неприложима к баптистам. Вступление человека в баптистскую общину осуществляется добровольно, на основе «сознательной» веры. Поскольку основой ее служит Библия, то «обращение» связано с тщательным изучением Библии и «сознательным» принятием ее содержания. Экспедиции, в которых нам довелось участвовать, показали, что баптисты, как правило, имеют Библию, регулярно и внимательно ее читают, знают наизусть многие ее рассказы. Для баптиста Библия — это действительно настольная книга.

Казалось бы, можно сделать вывод о том, что изучить баптистское вероучение — значит проанализировать содержание Библии. Именно так учат баптистские богословы. По их мнению, эволюция христианства не зависит от меняющихся социально-политических условий жизни людей, а сводится ко все более истинному прочтению «от века» данного содержания Библии. Но такое представление о Библии как о неком вневременном и неизменном источнике различных

религиозных течений ненаучно. Та или иная интерпретация Библии глубоко обусловлена социальными причинами, тем, как христианские идеи преломляются и истолковываются различными социальными группами и классами. «Каждая эпоха,— проницательно писал Фейербах,— вычитывает из Библии лишь себя самое; каждая эпоха имеет свою собственную, самодельную Библию» [1].

Поэтому тему «Баптизм и Библия» можно брать в широком и узком плане. В первом случае мы должны ответить на вопрос, как баптистские богословы интерпретируют библейские идеи. Очевидно, это можно выяснить, лишь познакомившись со всеми сторонами баптистского учения. Во втором — речь идет о том, как баптистские идеологи относятся к Библии, какое место они отводят ей в системе баптистского вероучения, в чем видят ее особенности и т. д. Именно этим мы сейчас и займемся.

Как известно, в начале века среди протестантских теологов возникла длительная и шумная дискуссия по вопросу о характере «богодухновенности» Библии. Преставители так называемых модернистов доказывали, что положения Библии нужно интерпретировать с учетом современных знаний, что «богодухновенность» Библии не носит буквального характера: «богодухновенно» общее содержание ее, а не конкретные выражения и образы, в которых оно воплощено. Против них выступили фундаменталисты, которые отстаивали требование буквального толкования текстов «священного писания» и отвергали попытки приспособить их к современным представлениям. Мы не будем перено-

---

[1] *Людвиг Фейербах.* Избранные философские произведения, т. I, М., 1955, стр. 264.

ситься на заокеанскую почву и прослеживать все перипетии данного спора. Отметим лишь, что он отражал различие социально-политических позиций определенных слоев американского общества. Однако анализ существа данного спора во многом поможет нам понять особенности Библии и баптистского отношения к ней.

Прежде всего подчеркнем, что проблема «богодухновенности» Библии закономерно возникает из особенностей Библии, из специфического положения христианской идеологии в современном обществе.

Библия предлагает ненаучную концепцию развития природы и общества. Ее основные идеи и положения отразили мироощущение людей, живущих в условиях классового гнета. При этом содержание Библии, хотя и сформировалось в совершенно конкретных исторических условиях, уловило многие черты, общие для мироощущения людей, живущих в эксплуататорском обществе. Именно поэтому богословам нередко удается создать видимость независимости библейских идей от конкретных форм человеческого общежития.

Это социальное содержание выражалось в форме, языке, терминах, свойственных эпохе возникновения Библии, оно обрастало историческими сведениями, конкретными представлениями о природе, описаниями быта и т. д. Напомним и о том, что в Библии немало материала, никакого отношения к собственно религии не имеющего. Таковы и фольклорная Песнь Песней, и всякого рода регламентации относительно строительства жилищ, жертвенников, советы по гигиене и т. д.

Однако Библия объявлена «священным писанием», вместилищем неземной, божественной мудрости, в принципе противоположной человеческому знанию. В той мере, в какой содержание Библии улавливает

особенности положения людей в эксплуататорском обществе, его зависимость от преходящих земных условий замаскировать несложно. Но те положения Библии, в которых отчетливо проявляется связь с определенной стадией развития общества, не могут быть просто перенесены в другую эпоху как вечные, раз и навсегда данные истины. К тому же естественнонаучные и исторические представления Библии могут быть легко опровергнуты, как несостоятельные. Отсюда перед богословами неизбежно встает проблема разъяснения причастности бога к истинам, человеческое авторство которых скрыть невозможно. Таково реальное содержание проблемы «богодухновенности» Библии.

Каковы же перспективы ее решения?

И модернисты, и фундаменталисты стремятся укрепить авторитет христианства, утвердить его в качестве неотъемлемого элемента духовной жизни общества. Каждая группа в отдельности, действительно, какие-то стороны христианства спасает, нейтрализуя отдельные аргументы его критиков. Вместе с тем и те и другие невольно выявляют слабость общей христианской концепции, чем и дают повод к резким взаимным упрекам.

В чем причина этой своеобразной ситуации?

Логику модернистов понять несложно. Они пытаются осовременить понимание Библии, привести ее в соответствие с уровнем новейшей науки и тем самым, принеся в жертву детали, вывести из-под огня научной критики основные положения и принципы христианства. «Модернистское движение...— писал Шейлер Метьюз,— это использование методов современной науки для того, чтобы найти, установить и использовать вечные и незыблемые ценности, присущие ортодоксии, в соответствии с нуждами современного

мира»[1]. Таковы, например, попытки доказать, что библейский рассказ о сотворении мира вполне совместим с новейшими данными космологии, а миф об Адаме — с учением Дарвина и т. д.[2].

В результате утверждается, что «священное писание», так сказать, в принципе вдохновлено богом и его содержание имеет божественное происхождение. Однако, говорится далее, написано оно людьми, сохранявшими ограниченность познаний своего времени. Следовательно, нужно различать вечное, «абсолютное» божественное содержание Библии и условную «несовершенную», преходящую форму его выражения. Модернистский подход к Библии оказывается весьма опасным для христианства. Фактически он легализует следующий принцип: религиозная истина объявляется божественной в той лишь мере, в какой она «вписывается» в представления современной науки. Такой подход грозит разрушить сам фундамент христианства. «Логика модернизма, — писал Моррис Коэн,— в корне подрывает не только христианство, но и все существующие религии. На деле религиозное кредо модернистов вряд ли можно отличить от кредо людей, которых обычно считают неверующими»[3]. Последнее утверждение, разумеется, сомнительно, но в целом Коэн прав.

Логика модернизма действительно оказывается для христианства весьма коварной. Причину этого понять не трудно, если проанализировать сам механизм

[1] Shailer Mathews. The Faith of Modernism. N. Y., 1924, p. 23.

[2] Один американский делегат, например, на Первом всемирном конгрессе баптистов заявил: «Я также не боюсь учения о происхождении человека и также защищаю его потому, что когда мы его правильно понимаем, то оно только открывает нам методы Христа в сотворении мира» (*В. Иванов, Д. Мазаев.* Всемирный конгресс баптистов в Лондоне в 1905 г., ч. I, стр. 85).

[3] *М. Коэн.* Американская мысль. М., 1958, стр. 205.

формирования христианской идеологии. Христианская концепция возникла не как ответ на умозрительные проблемы, и строилась она не по законам и нормам научного знания. Она отразила стихийный социальный опыт, общественную психологию, настроения людей, в значительной мере подсознательные. Поэтому применение к христианству критерия разума, признание божественного характера христианства в зависимости от человеческой рациональности грозит опрокинуть всю систему религиозной идеологии: этим требованиям христианство никак не может удовлетворить.

Казалось бы, что фундаментализм, провозглашающий вербальную «богодухновенность», надежно ограждает христианство от покушений разума. Однако его подход также чреват большими издержками. Фундаменталисты связывают единой судьбой все положения Библии — как те, которые выражают существо религиозной веры, так и те, которые касаются различных бытовых регламентаций, дат, исторических событий и т. д. В этих условиях сомнение в истинности мельчайшей детали может поставить под удар концепцию «богодухновенности» в целом. «Ни один даже самый ярый фундаменталист, — отмечает Коэн, — не верит, что заяц может жевать жвачку (см. Лев., XI; 6). Но если Библия ошибается в этом, как она совершенно очевидно ошибается в различных геологических и астрономических вопросах, то доктрина о полном вдохновении должна быть пересмотрена» [1].

Какова же позиция идеологов ЕХБ в этой сложной и принципиально неразрешимой проблеме? В прошлом русские баптисты склонялись к фундаменталистской точке зрения. Они, например, заявляли: «Мы боремся за каждое слово Библии и боговдохновенность свя-

[1] *М. Коэн.* Американская мысль, стр. 203—204.

щенного писания по его словесному выражению, по букве, и верим, что другой какой-либо вдохновенности даже не может быть» [1].

Современные идеологи ЕХБ утратили четкость и категоричность суждений на этот счет. В этой связи показательна статья «О богодухновенности книг священного писания» [2]. Автор начинает с того, что осуждает модернистский подход к Библии. «Современный модернизм,— пишет он,— который, как ржа разъедает фундамент церкви, для нас совершенно чужд...» [3]. Казалось бы, данное высказывание дает основание полагать, будто современные баптистские идеологи защищают позиции фундаменталистов. Это, однако, не так. Термин «модернизм» толкуется авторами «Братского вестника» в весьма широком смысле. Мы, например, заявляют они, отвергаем попытки модернистов представить Христа простым человеком, великим учителем нравственности. «Такое учение о смерти господа нашего Иисуса Христа мы отвергаем решительно и категорически, как учение, противоречащее всему священному писанию» [4]. Так что критика направлена не столько против собственно модернизма (модернисты признают «богодухновенность» Библии и Христа как сына божьего), сколько против попыток такого рационалистического толкования Библии, которое, стремясь выделить в Библии историческое содержание, объявляет Христа реально действовавшим человеком.

Более хаотическим является отношение баптистских богословов к модернизму в строгом смысле этого слова. В общей форме их позиция такова: выступая

[1] «Баптист», 1925, № 2, стр. 12.
[2] «Братский вестник», 1955, № 3-4, стр. 66.
[3] Там же, стр. 67.
[4] «Братский вестник», 1962, № 5-6, стр. 51.

против крайних попыток модернизма, они вместе с тем стремятся заполучить себе все его выгоды, утвердить идеи Библии в той форме, которая наиболее созвучна представлениям современного человека. Прежде всего баптистские проповедники подчеркивают божественность происхождения Библии — «богодухновенной» книги, «автором которой является сам бог»[1]. При этом баптистские идеологи отдают дань идеям модернизма (это особенно стало заметно в последние годы), стремясь разграничить в Библии божественную и человеческую стороны и даже называя ее «богочеловеческой» книгой. «Изучая Библию, мы не должны забывать, что она имеет две стороны: божественную и человеческую. Пророки, писавшие Библию, излагали не свои человеческие мысли, а мысли божии, это и есть божественная сторона Библии; но излагали они мысли, внушенные им духом святым, языком своего времени, употребляя иногда примитивные понятия своего времени и используя скудный словесный запас своего времени. В этом и заключается человеческая сторона Библии»[2].

Концепция «богочеловеческой» Библии прямо противопоставляется фундаменталистскому пониманию. Некоторые люди, пишет «Братский вестник», понимают «вдохновение» так: будто «дух святой диктовал, а пророки, апостолы или праведные мужи писали слово в слово, буква в букву, точка в точку... Такое понятие будет неверно»[3]. Вдохновение, говорят они,— это «совокупное действие духа божьего и духа человеческого». Это довольно заметный отход от строгой традиции ортодоксального протестантского богословия.

---

[1] «Братский вестник», 1962, № 1, стр. 41.
[2] Там же, стр. 41—42.
[3] «Братский вестник», 1955, № 3-4, стр. 67.

Предложенная идеологами ЕХБ схема, в общей форме, казалось бы, вполне четкая, обнаруживает свою бессодержательность, как только мы пытаемся ее детализировать. В самом деле, каков критерий для различения этих двух сторон? Баптистский богослов пишет: «Вдохновение духа святого простирается в священном писании на все, что относится к вопросам веры, нравственности, пророчества, искупления и воскресения Иисуса Христа, и вообще всего сверхъестественного» [1]. Такой критерий, разумеется, весьма произволен: все содержание Библии так или иначе можно подвести под рубрику сверхъестественного. Например, что человеческого или что божественного в библейском рассказе об Ионе, который был проглочен китом, а через три дня живым и невредимым вышел на свет божий?

Над баптистским идеологом все время витает опасность впасть в ту или иную крайность. Отсюда постоянные недомолвки и противоречия. Примером может служить упоминавшаяся нами статья «О богодухновенности книг священного писания», где модернизм отвергается на словах, а на деле — утверждается. Автор ее, например, приводит высказывание Иоанна Златоуста: «Не должно пренебрегать самым малым словом писания, потому что все, что оно (писание) заключает, исходит от духа святого». Это вполне ординарный тезис сторонника вербальной «богодухновенности». Но далее цитируются слова Иеронима, который утверждает нечто иное: «Мы думаем, что евангелие заключается не в словах писания, но в смысле их». В заключение статьи как последний аккорд этой теологической какофонии приводится высказывание Павла о том, что «все писание богодухновенно».

---

[1] «Братский вестник», 1955, № 3-4, стр. 68.

Здесь еще раз следует указать на реальный смысл богословских усилий разделить «божественную» и «человеческую» стороны Библии. В основе своей это попытка пересмотреть Ветхий завет под углом зрения принципов христианства. Конкретно речь идет о следующем. В условиях классового гнета имеются такие стороны жизни общества, которые находят свое адекватное выражение в христианской идеологии, и появление последней отражает объективную потребность общества. Это то, что называют социальными корнями религии. Однако христианство в своем развитии воплотилось в определенные социальные институты, стало составной частью социально-политической идеологии, открыто защищающей конкретные политические интересы, выступающей против общественного прогресса, науки и т. д. Изменение политической структуры общества, рост авторитета науки и т. д. выдвигают перед богословами потребность избавить религию от этих исторически преходящих форм ее существования, найти ее специфическое место в системе общественной идеологии, нейтрализовать научную критику христианской доктрины.

Однако Ветхий завет — конкретный исторический документ, имеющий свои специфические особенности. К тому же сложилась строгая традиция в истолковании «священного писания», традиция, ставшая составным элементом самой христианской веры. Поэтому эти попытки наталкиваются на непреодолимые препятствия. Наиболее явно это проявляется, когда речь заходит о конкретных попытках разграничить в Библии «божественную» и «человеческую» стороны.

Вот, например, толкование мифа о сотворении мира. «Пророк Моисей пишет о том, что бог создал светила (планеты) и поставил их на тверди небесной. Здесь мы видим также две стороны Библии: боже-

ственную и человеческую. Божественной стороной здесь является мысль, внушенная духом святым пророку Моисею, что планеты созданы богом, а человеческой стороной — примитивное представление Моисея о «тверди небесной»; такое представление существовало во времена пророка Моисея, и, будучи сыном своего времени, Моисей излагает мысли божии примитивным языком этого времени» [1].

Приведем в полном виде соответствующий отрывок из книги Бытие: «В начале сотворил бог небо и землю... И сказал бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал бог твердь небом... И сказал бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов... И создал бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы» [2].

Этот отрывок позволяет сделать несколько выводов, показывающих искусственность рассуждений баптистских богословов.

Как видно, здесь нет речи о планетах, а поэтому баптистское толкование есть неосновательная модернизация подлинного содержания книги Бытие. Далее, понятие «твердь» выступает не просто как неудачный человеческий термин, а как понятие, без которого данное рассуждение утратит смысл. Об этом можно судить и по другим эпизодам из Библии. В Откровении Иоанна Богослова сказано: «И звезды небесные пали

[1] «Братский вестник», 1962, № 1, стр. 42.
[2] Бытие. 1; 1—18.

на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих» [1]. И далее о «драконе с семью головами и десятью рогами»: «Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю» [2].

Разумеется, эти образы отразили примитивные представления того времени, навеянные метеоритными дождями, кометами и т. д. Речь, однако, идет об определенном содержании концепции мира, и попытка в этом содержании выделить божественную суть и человеческую форму носит искусственный характер: невозможно оформить эти «откровенные» идеи в терминах, соответствующих реальной действительности.

Приведем другой, не менее известный отрывок из Бытия. Речь идет о создании Евы: «И навел господь бог на человека крепкий сон; и когда он уснул, взял одно из ребр его и закрыл то место плотию. И создал господь бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа».

Данное описание можно рассматривать как аллегорическое изображение угнетенного положения женщины в условиях рабовладельческого строя. Однако сведение этой сцены лишь к подобной общей идее, собственно, выхолащивает сам смысл отрывка. К тому же баптистские проповедники охотно используют конкретные образы этого отрывка для доказательства того, что женщина в глазах бога равноправна с мужчиной. Бог, говорят они, сделал женщину не из головы мужчины (что подчеркнуло бы ее превосходство над

---

[1] Откровение. 6; 13—14.
[2] Там же, 12, 3—4.

ним), не из ступни (что означало бы ее подчиненность), а из ребра [1]. Так что различить здесь «божественную» и «человеческую» стороны оказывается невозможным.

В последние годы баптистские богословы уделяют особое внимание «соответственному толкованию» труднодоступных мест Библии. Может быть, наиболее поразительной в этом плане является попытка духовного освоения содержания Песни Песней.

Как известно, это вдохновенный поэтический памятник восточной культуры, где описывается страстная любовь мужчины к женщине «на ложе из зелени». Чтение этой книги всегда вызывало нездоровый румянец у христианских ханжей и аскетов. Уже давно христианская традиция предложила толкование этого отрывка Библии как аллегории, на самом деле рассказывающей о любви Христа к церкви. Простое сопоставление отрывков из Песни Песней и предлагаемого толкования показывает всю неестественность такой интерпретации. В этой связи обратимся к статье «Книга «Песни Песней»», помещенной в «Братском вестнике». «Песни Песней», сказано здесь, написана «иудейским царем Соломоном... Но, конечно, действительным автором всех книг Библии является бог» [2]. Книга эта, признает автор, необычная и «вызывает недоумение у многих читателей Библии. С первого взгляда кажется, что в этой книге описывается плотская любовь мужчины и женщины» [3].

Но, говорится далее, «есть предположение, что в этой книге царь Соломон воспел любовь к своей невесте Суламите, которая стала его первой женой. Вдохновленный свыше и сам того не ведая, Соломон, воспе-

---

[1] См., например, «Братский вестник», 1947, № 1, стр. 65.
[2] «Братский вестник», 1964, № 5, стр.54.
[3] Там же.

вая свою любовь к Суламите, нарисовал яркую аллегорическую картину взаимной любви небесного Жениха Христа и его возлюбленной невесты (души, принявшей его в свое сердце). Займемся же разбором этой замечательной книги... На место Суламиты поставим себя, а на место ее возлюбленного — Жениха души нашей — Христа» [1].

Приведем выдержки из подобной баптистской подстановки.

«Стих 1. «Да лобзает Он [2] меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина».

Толкование. Господь! Небесный Жених души моей! Наполняй меня все больше и больше Духом Твоим. При излияниях Твоего духа в мое сердце я ощущаю Твои духовные лобзания, Твои ласки, которые лучше всех временных радостей земной жизни.

Стих 9. «Прекрасны ланиты твои под подвесками, шея твоя в ожерельях».

Толкование. О душа, горячо любящая Господа своего, как прекрасны щеки твои под подвесками (украшениями) покорности и послушания Ему. Вера твоя украшена прекрасными ожерельями божьих обетований...

Глава 6. Стих 8. «Есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа».

Толкование. У нашего Господа много объектов любви. Он является также царем и ангельских миров, они дороги его сердцу» и т. д. и т. п.

Мы привели далеко не самые яркие и красочные куски. Но и они показывают искусственность баптист-

---

[1] «Братский вестник», 1964, № 5, стр. 54.

[2] Подстановка началась: прописная буква в Библии употребляется лишь тогда, когда речь идет о боге. В данном случае в Библии, естественно, стоит строчная буква. Но баптистов она здесь не устраивает, и они идут фактически на искажение текста.

ских попыток подогнать текст Библии под традиционную догматическую схему.

Требуя от верующих регулярного и проникновенного чтения Библии, баптистские проповедники при этом постоянно подчеркивают, что нужно иметь веру не слепую, но «сознательную». «Как же нам питаться словом божиим? Прежде всего, нам надо научиться питаться самостоятельно» [1]. Каков смысл этих требований? Означают ли они последовательное проведение принципа различения «божественной» и «человеческой» сторон в Библии, требование понимания всех ее положений?

В протестантизме богопознание утверждается как процесс, в сущности, иррациональный и мистический. Эту позицию защищают и баптистские идеологи. «Воскресение Христа есть несомненно дело божие, событие сверхъестественное, и поэтому оно непостижимо для человеческого разума. Оно также не может быть предметом исторического описания или научного исследования. Оно есть чудо из чудес, которое совершилось по воле и силою бога...» [2]. А поэтому Библия не может быть познана разумом. Познание «слова божия должно идти путем «горячего сердца», а не путем «холодного рассудка». В противном случае «евангелие из живого тела превращается в груду мертвых костей, и холодный зритель находит в нем только обрывки речей, не связанных в одно целое... местами как будто противоречивых положений» [3]. Верующий, говорят баптистские богословы, не нуждается в доказательстве бытия бога, потому что бытие бога непосредственно дано в сознании верующего христианина.

Данные положения оттеняют одну существенную черту баптизма. Обычно баптизм рассматривается как

[1] «Братский вестник», 1962, № 1, стр. 34.
[2] «Братский вестник», 1961, № 2, стр. 14.
[3] «Братский вестник», 1954, № 5-6, стр. 33.

«рационалистическое» течение. Имеется в виду его разработанная в деталях догматика, внешне выступающая как некая «теоретическая» система. Как мы видели,— а в дальнейшем найдем этому немало дополнительных подтверждений — такое представление поверхностно. По своему изначальному содержанию баптистская вера носит мистический характер и лишь в трудах богословов принимает концептуальную, теоретическую форму.

Правда, не следует думать, что баптисты выступают против разума, как такового. Нет, они в этом вопросе предельно прагматичны и приветствуют все, что укрепляет религиозную веру. Баптисты выступают против разума лишь в том случае, если разум мешает «живой» вере. Но если он ей помогает, то в этом качестве всячески приветствуется: «В Евангелии мы видим два пути, ведущие к Иисусу Христу: один путь пастухов и другой путь волхвов. Путь пастухов есть путь откровения, чистого сердца и веры, а путь волхвов — это путь размышления, путь познания... Прославим долгий и сложный путь волхвов, а также будем чтить и путь пастухов...» [1].

В том же плане идут многочисленные рассуждения баптистов об отличии «живой» веры от «мертвой» религии, под которой они подразумевают прежде всего католицизм и православие: «Мы не должны считать за одно религию и веру. Религия может быть мертвым делом, мертвой формой, мертвым культом» [2]. Обличение «мертвой религии» — излюбленный сюжет баптистской проповеди. Вера не должна быть внешней, навязанной чужими авторитетами. Она должна проникать в сердце и душу человека, восприниматься как

---

[1] «Братский вестник», 1962, № 1, стр. 24.
[2] «Братский вестник», 1958, № 4, стр. 22.

свое, личное, наиболее дорогое. Иными словами, баптист должен быть индивидуально убежденным в истинности Библии, а его религиозное мировоззрение должно для него выступить как результат собственного опыта. Это, таким образом, «сознательное» принятие ненаучного библейского содержания и приспособление его к уровню данного человека.

БОГ И ЧЕЛОВЕК В БАПТИЗМЕ

Баптистская догматика — это сложная система, совокупность определенных идей и положений, связанных друг с другом, имеющих свою логику построения, определенную последовательность идей. Нам предстоит познакомиться с ними. В этой связи встает ряд принципиальных проблем. Прежде всего необходимо выделить такой элемент, в котором бы фокусировались существенные черты баптизма и анализ которого дал бы ключ к пониманию баптистской идеологии в целом. На наш взгляд, в этой роли должна выступить концепция бога и человека, которая определяет специфику всякого религиозного учения, в том числе и баптизма. Она раскрывается в особом толковании традиционных христианских догматов творения, грехопадения, искупления, воплощения и т. д.

Перед каждым исследователем религии встает задача объяснения механизма формирования ее идей и догм, выяснение как тех сторон жизни общества, которые находят отражение в религиозных концепциях, так и способа, при помощи которого такое отражение происходит. Иными словами, нужно понять, что религиозная вера и научное знание не просто «противоположны» в объяснении тех или иных явлений внешнего мира — они отражают различные стороны челове-

ческого общества, возникают в ответ на его различные потребности и неодинаковы в принципах построения своих систем.

Наука возникает как особое отражение законов внешнего мира, отражение, опосредованное производственной деятельностью и общественной практикой. Ее смысл, цель, общественная функция заключаются в познании именно объективных законов развития действительности. Ученый как бы становится «выше» своих субъективных вкусов, устраняет всякий элемент произвольности и случайности, отгораживается от разного рода «идолов», мешающих ему разглядеть истинные очертания внешнего мира. Личность ученого каждый раз как бы «угасает» в открытых им закономерностях, а прогресс науки совершается в обезличенной форме.

На первый взгляд религия также выступает как способ объяснения мира, как особая мировоззренческая система, дающая человеку ответ на вопрос о его месте в мире и дальнейшей судьбе. Иными словами, когда мы впервые знакомимся с баптистской догматикой, может создаться впечатление, что это, собственно, то же «теоретическое» знание, только в ложном свете решающее проблемы, которые в нем поставлены. Это, однако, иллюзия: религия несет другую социальную функцию, нежели научное знание, и ее содержание складывается по иным законам.

Христианство исторически возникает как обобщение, суммирование непосредственного, во многом подсознательного социального опыта и представлений об обществе людей, отчаявшихся спастись собственными силами. Христианство питается прежде всего стихийно складывающимися ущербными настроениями, превратным социальным опытом «отчужденных» людей, и, пока такой опыт и такие настроения существуют,

никакое просветительство не в состоянии окончательно ликвидировать существование религиозных идей.

Разумеется, в ходе своего развития христианство оформляется и закрепляется в виде определенных идеологических концепций, распространение которых становится делом особой группы профессиональных проповедников. Возникают специальные социальные институты — секты, церкви, различные религиозные организации, которые стремятся навязать людям религиозное мировоззрение, предлагая его как готовое, давно сложившееся и т. д. Но все-таки конечной и самой глубокой причиной существования религиозных взглядов остается превратный социальный опыт людей.

Отсюда научная критика принимает определенный вид. Когда мы имеем дело с теми или иными превратными, фантастическими представлениями, далеко не всегда возможно противопоставить им «иное» научное решение. Например, невозможно дать научную концепцию первородного греха. В этом случае задача состоит в том, чтобы вывести данное представление из реальных социальных условий, показать действительный способ образования искаженных представлений. Это и есть одновременно научная критика данных иллюзий.

С учетом высказанных замечаний займемся разбором баптистской догматики. Начнем с баптистского учения о боге.

«Есть один Бог и нет иного, кроме него. Бог есть дух, живой, личный, беспредельный, самобытный, неизменяющийся, совершенный, истинный, святой, вечный, необъятный, всесвободный, вездесущий, всеведущий, премудрый, всемогущий, всеблагой, верный в обетованиях, праведный и справедливый» [1]. Это бог,

---

[1] «Братский вестник», 1948, № 3, стр. 35.

стоящий над миром, живущий по своим высшим законам, непостижимым для человеческого разума. Это не антропоморфное существо: «...в боге нет ничего материального, ничего телесного; он является исключительно духовным существом. Как дух, бог невидим для человеческих глаз, неслышим для человеческих ушей и неосязаем для человеческих рук. Как дух, бог вездесущ; он не связан никаким местом, никаким пространством и никаким временем. Бог — везде!» [1].

Богу подчиняется все: «Управление божие простирается: на всю вселенную, на природу и ее стихии, на животных, на судьбы народов и людей, на предметы или события, кажущиеся незначительными, на судьбы праведных, на молитвы людей, на судьбу нечестивых» [2].

Баптисты признают троичность бога, который выступает как бог-отец, бог-сын и бог — дух святой. Дух святой, по представлению христиан, действует на земле как начало, принципиально отличающееся от человеческого. Баптизм придает большое значение святому духу, поскольку воздействие святого духа рассматривается как непременное условие возникновения личной веры человека.

Таков бог, небесный самодержец. В каком же отношении к нему стоит человек? Создание человека, говорят баптисты, было венцом творения и исходной точкой человеческой истории. В описании последней центральным моментом баптистской картины является рассказ о грехопадении «первых человеков».

Первоначально, говорят баптистские проповедники, человек был рожден «правым, светлым и невинным» существом. Он был наделен свободной волей и воз-

[1] «Братский вестник», 1963, № 4, стр. 26.
[2] «Братский вестник», 1948, № 3, стр. 38.

можностью выбора между добром и злом. Это состояние, однако, длилось недолго. Вскоре он «через коварство сатаны согрешил». Что же означало грехопадение? Ответ на этот вопрос имеет первостепенное значение для понимания каждой религиозной концепции, поскольку грехопадение «первых человеков» расценивается богословами как некое катастрофическое событие, когда и были предопределены образ жизни людей и законы развития общества. Отсюда понимание человека, его способности к преобразованию условий жизни, его роли в обществе восходит к определенной концепции первородного греха. Вокруг этой проблемы всегда шел острый спор, в ходе которого постоянно переосмыслялся данный рассказ Библии. Суть спора обычно формулировалась так: либо в результате грехопадения человек полностью утратил «образ божий», а следовательно, и всякое влечение к добру, либо же «образ» этот утрачен частично («поврежден», «испуган») и наклонности к добру у человека сохранились.

По этому поводу уже в V в. шла острая полемика между Августином Аврелием и Пелагием [1]. В утверждении Пелагия, что человек своими силами способен добиваться добра, Августин — и в общем справедливо — усмотрел подкоп под самые устои христианства и четко сформулировал идею о том, что и спасение, и само стремление к нему могут быть лишь результатом воздействия святого духа, а вовсе не собственных усилий «тварного» человека, отравленного грехом [2].

---

[1] Об этой полемике см. *В. Герье.* Блаженный Августин. М., 1910, гл. X.

[2] «...Да и самая праведная жизнь для нас не по нашим силам, если по нашей вере и молитвам не поможет нам тот, кто дал нам самую веру, в силу которой мы веруем, что он должен помочь нам» («Творения блаженного Августина». Киев, 1910, кн. 19, гл. IV, стр. 108).

Какой же вариант избирает протестантизм?

Казалось бы, идеология ранней буржуазии, поскольку она подчеркивает творческие силы человека, должна единогласно принять пелагианскую позицию. И напротив, феодальной системе, освященной католической церковью, ближе понимание человека как слепого орудия провидения, как существа, безгласного перед лицом всемогущего бога. Однако реальные пути развития протестантизма оказываются значительно сложнее. С одной стороны, возникают протестантские течения, отражающие идеи раннего буржуазного гуманизма, развивающие концепцию деятельной человеческой личности. В рамках христианской концепции эти идеи выступили в форме признания за человеком способности к моральному самоусовершенствованию на основе внутренне присущих ему задатков высшей нравственности. Таково, например, учение квакеров о «внутреннем свете» и об «имманентном» присутствии бога в каждом человеке, таковы представления о «самоспасаемости» человека у духоборов и молокан.

С другой стороны, развитие капитализма все более выявляло зависимость людей от частнособственнической стихии, превращение их в объект действия слепых законов, показывало социальную обусловленность не только «внешней» судьбы человека, но и его «внутреннего» мира, манипулируемого в соответствии с ходячими общественными иллюзиями и предрассудками. А поэтому представление о деятельном человеке все более вытесняется религиозными концепциями, подчеркивающими полную зависимость и судьбы человека, и его «внутреннего» духовного мира от бога, концепциями, рассматривающими человека как «ничто», как игрушку в руках провидения. И именно эта линия с самого начала составила основное русло протестантизма.

В этом плане формировалась и догматика баптизма. Чтобы четче выявить ее особенности, сравним баптистское понимание с точкой зрения православной церкви. По вероучению православия, человек грехом только «помрачил в себе образ божий, исказил его и дал превратное направление своей воле и своей духовности». Несмотря на факт «преслушания» господней воли, бог «все же оставил человеку надежду на избавление, а до исполнения этого обетования дал средства ему и помощь для борьбы со злом и победы над ним». Человек и после грехопадения стремится к добру, но в силу своей «немощи» не способен сам достичь праведности. Отсюда православные богословы и выводят спасительную миссию церкви: «немощный» человек сам спастись не может, ему нужна помощь, нужны посредники, нужна «дополнительная» благодать. На эту роль претендует церковь со всем набором таинств, обрядов, заупокойных молитв и т. д. От самого человека, говорит она, во многом зависит, по какому пути он пойдет. Поэтому его никогда не должна оставлять надежда на спасение. «Как бы низко ни пал человек, всякий грех ему может быть прощен, если только грешник искренне покается» [1]. Идея о том, что человек должен прибегать к помощи священников до конца дней своих, отражала интересы церкви. Здесь способность верующего к спасению как бы отождествлялась с его готовностью идти в церковь, и в этой форме склонность к добрым делам «признавалась» православными авторитетами за всеми людьми.

Баптизм отвергает церковь как непременную посредницу между богом и людьми. Следовательно, отвергается и необходимость помощи человеку в деле

---

[1] *М. Менстров.* Уроки по христианскому православному нравоучению, изд. 2. Спб., 1914, стр. 75.

спасения, а следовательно, и способность пользоваться этой помощью. Отсюда вся схема спасения грешников, роль и место в ней бога и человека принимают иной вид.

По вероучению баптистов, грехопадение полностью исказило образ божий в человеке: отныне все люди оказываются наследниками «падшего и поврежденного естества». Отсюда и тот вывод, который четко сформулирован в баптистском «Исповедании». «Люди...— говорится там,— во грехах зачинаются и рождаются... совершенно не способны и не расположены ко всему доброму, но способны и склонны ко всему злому» [1].

Настойчивый мотив проповедей ЕХБ — доказательство, что человек сам по себе является существом порочным, греховным, грязным. Довольно образно такое представление запечатлено в одном из материалов, напечатанных в «Братском вестнике»: «С неба упала капелька дождя и, смешавшись с прахом, стала маленьким комочком грязи. Полежала она в таком виде несколько часов и незримо испарилась, ушла в родное небо, откуда упала. Случай с каплей — это образ моего появления и исчезновения в мире... На планете я — некрасивый, обычный «комок» праха, но в нем находится моя «капелька» — душа...» [2].

Примером самодеятельного исполнения той же темы может служить небольшая рукопись «От меня это было» (фраза из 3-й книги Царств, 12, 24), которая ныне имеет распространение в баптистских общинах. Она написана в форме назидательного обращения самого бога, объясняющего человеку его истинное место в земной жизни. Главным для мироощущения сектанта объявляется сознание своей полной зависи-

---

[1] «Исповедание веры христиан-баптистов». М., 1928, стр. 12.
[2] «Братский вестник», 1948, № 4, стр. 51.

мости от воли всевышнего. Наиболее четко эта идея передана в следующих словах: «Когда ты был занят и увлечен мыслью о делах земных, я не мог привлечь мысли твои ко мне, а я хочу научить тебя глубоким моим урокам. И хочу, чтобы ты научился петь:

То все прошло, и наконец
Я научился быть *ничто*».

Последнюю фразу можно расценить как квинтэссенцию баптистской житейской мудрости.

Нетрудно видеть, что баптистская концепция человека имеет свои определенные конкретно-исторические корни. Она отразила факт господства над людьми слепых, стихийных сил общественного развития, сил, которые выступали для индивида не как результат его сознательной творческой активности, а как некие внешние, неустранимые обстоятельства, заставлявшие человека положиться на случай и расценить его как намеренный результат высшей воли. Именно это фаталистическое сознание баптизм выдает за божественную мудрость, за венец приобщения к высшим тайнам человеческого бытия.

Утверждение «естественности», «неизменности» угнетенного состояния человека есть способ иллюзорного решения острых социальных проблем и фактически способ примирения с общественными пороками и несправедливостью. Такая концепция ненаучна, потому что фиксирует лишь поверхностные, непосредственные представления людей и в искаженном виде рисует их действительную роль и место в обществе. Вместе с тем это путь выхолащивания человеческого в человеке: его «заинтересованности» в общественных делах, его уверенности в своих силах и желания активно влиять на развитие общества.

Эта общая мировоззренческая установка конкретизируется в баптистском учении о личной вере, где дается ответ на вопрос о том, как же может спастись человек, безнадежно отравленный грехом и не склонный к добру. Вместе с тем это центральный пункт догматики баптизма.

ЛИЧНАЯ ВЕРА

Можно привести ряд соображений в пользу исключительной важности рассмотрения концепции личной веры для понимания современного баптизма.

Во-первых, в ней наиболее очевидно раскрывается историческая связь баптизма с традициями протестантизма и тем самым точно фиксируется его историческое место.

Во-вторых, эта концепция служит ключом к баптистскому пониманию морали, норм поведения верующего и т. д.

Наконец, именно в ней прежде всего раскрывается утонченный характер баптизма. Об этой стороне баптистской веры часто говорится в критических работах, однако все дело часто сводят к тому, что баптизм «упрощает» обрядность. Между тем именно анализ содержания концепции личной веры и спасения человека в наибольшей мере показывает, насколько изощренно, ловко баптизм воздействует на человека, как искусно он собирает в единый узел наиболее действенные аргументы христианства, умело выстраивает их в программу методичного и далеко рассчитанного воздействия на ум и сердце человека.

Суть баптистского вероучения составляет догмат о спасительной миссии Иисуса Христа, догмат, лежащий в основе религиозной жизни общины и каждого ее

члена в отдельности. В баптистской проповеди решительно и настойчиво проводится мысль о том, что человек сам по себе неспособен достичь праведности, добиться морального самоусовершенствования, а тем более спастись. Данный пункт рассматривается богословами как основное положение баптистского вероучения. В «Братском вестнике» по этому поводу говорится: «Какова же эта центральная истина всего Ветхого и Нового завета? Она заключается в том, что человек получает спасение и оправдание от бога не собственными делами, а через веру в жертву, принесенную Христом на Голгофском кресте. Это действительно центральная истина всей Библии» [1].

«Когда человек начинает приготовление к встрече с господом?» — ставит вопрос баптистский проповедник. И отвечает: «Очевидно,— «земной», «плотский» и «душевный» человек, «мертвый по грехам и преступлениям»,— как таковой не может заботиться о небесном царстве — жительство его только на земле — и следовательно, неспособен ни о горнем помышлять, «где Христос сидит одесную бога», ни ожидать пришествия его с небес» [2]. Даже в том случае, продолжает богослов, если человек станет поступать по слову божьему, творить милостыню, даже отдаст себя на муки за веру, его спасение никак не гарантировано. «Оправдывающую веру и спасительную любовь можно получить только от предмета веры и источника любви через действие Духа божьего» [3]. Эта идея проходит сквозь все рассуждения баптистских идеологов. «Духовное возрождение,— читаем мы в «Братском вестнике»,— есть рождение от кого-то, от бога... а, следова-

[1] «Братский вестник», 1962, № 2, стр. 44.
[2] «Баптист», 1907, № 3, стр. 2.
[3] Там же, стр. 4.

тельно, не самоусовершенствование» [1]. Спасает только бог, воздействие святого духа, который служит причиной «возрождения свыше» человека.

Всякая иная вера есть вера человеческая, вера «мирская», она оставляет человека «мертвым» и не может привести его к спасению. В связи с анализом личной веры обратимся к взглядам И. В. Каргеля — известного баптистского проповедника, который много писал о воздействии святого духа на человека. В статьях «Беседы о Духе Святом» он рассказывает о духовном возрождении Мартина Лютера [2]. Было время, говорит он, когда Лютер считал себя грешником, почитал Библию, верил в искупительную жертву Христа, в то, что он умер за грешников, и все же это была «мертвая вера», вера «не обновленного сердца», вера «рациональная». В чем же был ее главный порок, чего ей недоставало, чтобы превратиться в «живую веру»? Прежде всего, говорит Каргель, непонимание того, что «живая вера» своим источником может иметь только святого духа, без содействия которого «мы не можем ни обратиться, ни оправдаться, ни возродиться». Итак, источником веры может быть только святой дух, воздействующий на человека. Именно признание этого обстоятельства и намечает рубеж между «мертвой», «рациональной», и истинной, «живой», верой. Лютер перешел этот рубеж, когда по-иному взглянул на возрождение грешника, выразив свое понимание в известных словах «Малого катехизиса»: «Я верю, что не собственной силой и разумом могу верить в Иисуса Христа, моего господа, или придти к нему, но что дух святой призвал меня посредством евангелия, просветил своими дарами» [3].

---

[1] «Братский вестник», 1960, № 2, стр. 53.
[2] См. «Братский вестник», 1945, № 2, 3.
[3] «Братский вестник», 1945, № 2, стр. 14.

Итак, одна из особенностей истинной веры должна заключаться в том, что она выступает не как результат самостоятельного человеческого устремления, проявление его индивидуальной склонности и т. д., а как нечто от него не зависящее, возникшее в нем под влиянием бога: «Без помощи божьей не может зародиться вера в сердцах людей» [1].

Но если признать, что спасение не зависит от самого человека, от его поведения и нравственных качеств, то сразу встает масса вопросов. Почему одни люди оказываются грешниками, а другие — праведниками, чем обусловлено воздействие святого духа и т. д.? Баптистская позиция на этот счет раскрывается в учении об «избранности» к спасению.

Спасаются, говорят баптистские богословы, не все, а лишь некоторые люди, «избранные» богом. Подобная идея прочно укоренена в сознании баптистов и, как правило, высказывается ими, когда речь заходит о том, как они пришли к вере в бога. Приведем в качестве примера запись рассказа одного баптиста, отвечающего на вопрос, «как его отец уверовал»: «Однажды отец приходит в город, в сквер. В сквере никого нет, а только один человек сидит на скамейке и что-то читает, какие-то книги. Ну и отец подошел к нему. А человек-то этот был баптистским проповедником, который и привел отца в церковь. Вот видите,— добавил наш собеседник,— когда господь избирает человека, так он все сделает: ведь вот нужно было отцу подойти к этому человеку». Другой баптист на вопрос, как он пришел к вере, ответил просто: «Не я к Богу пришел, а он сам меня избрал».

Мы уже отмечали, что толкование учения об «избранности» людей, вытекающего из догмата о пред-

---

[1] «Братский вестник», 1963, № 5, стр. 40.

определении, давно стало предметом острой полемики между общими и частными баптистами. Поэтому интересно посмотреть, как современные идеологи ЕХБ решают этот вопрос. На наш взгляд, в последнее время здесь взяли верх сторонники евангельских христиан, все активнее выдвигающие концепцию общих баптистов [1]. Наиболее характерна в этом отношении статья «Что говорит Библия», опубликованная в «Братском вестнике» [2]. В ней автор указывает на две традиции в истолковании проблемы предопределения. Это частные баптисты, которые «считают спасение предназначенным богом не для всех людей, а только для предопределенных богом ко спасению», и универсалисты, по мнению которых «спасение предназначено богом для всех людей без исключения».

Какова же точка зрения самого автора?

По его мнению, понятие предопределения можно отнести лишь к «избранным»: «Мы, верующие во Христа, предопределены, предназначены богом к получению наследства нетленного, неувядающего» [3]. И далее, приведя некоторые выдержки из Библии, автор прямо склоняется в пользу мысли о том, что «спасение пред-

---

[1] Например: «Промысел божий, движимый любовью к человеку, предлагает ему могущественную помощь — благодать божию, которая есть благой дар божий, спасательная сила, производящая в человеке покаяние, обращение, рождение свыше и освящение. Благодать божия необходима для самого начала веры, покаяния, обращения и нового рождения, добрых дел и освящения. Благодать божия предлагается богом всем людям, а не только предопределенным к вечному спасению. Предопределение божие одних к вечному спасению, а других — к вечному осуждению основывается на «предузнании», на предведении того, примут ли они призыв или нет» («Братский вестник», 1948, № 3, стр. 41; см. также «Братский вестник», 1955, № 3-4, стр. 38).

[2] См. «Братский вестник», 1964, № 1.

[3] Там же, стр. 55.

назначено богом для всех грешников без исключения»[1]. В общем виде его вывод такой: «Бог хочет, чтобы все люди спаслись, а не все люди хотят прийти ко Христу, чтобы получить спасение. Но бог «предузнал», то есть знал наперед — кто захочет придти ко Христу и кто не захочет прийти к нему, и только в этом смысле есть предопределенные и избранные ко спасению. Но к погибели предопределенного богом человека нет ни одного и не может быть, ибо это противоречило бы воле бога, который хочет, чтобы все без исключения спаслись»[2]. Позиция общих баптистов, как мы видим, выражена совершенно четко.

Разумеется, приведенное рассуждение никак не разрешает спорных вопросов, которые здесь могут возникнуть. С ним, например, трудно примирить рассуждения о том, что спасение дается не по заслугам человека, а даром. Далее, если признавать «избранность» к спасению некоторых людей, то нужно признать и категорию «не избранных» людей. А чем это будет отличаться от предопределения к погибели? И т. д. В истории баптизма подобного рода аргументы неоднократно приводились. Но мы не станем сейчас заниматься богословскими тонкостями, а посмотрим на другие аспекты концепции личной веры.

Если личная вера возникает как дар «избранным» людям, то встает вопрос о том, как отличить человека, «избранного» богом.

«Избранность» того или иного человека, по мнению баптистов, обнаруживается не только в потустороннем мире, а находит свое выражение уже в земной жизни. Присутствие святого духа, говорит баптистский идеолог, узнается по действию, которое он произ-

---

[1] «Братский вестник», 1964, № 1, стр. 57.
[2] Там же.

водит в верующем. Самое главное при этом, говорят баптистские идеологи,— «строго различать духовное рождение от простого убеждения в истинах божиих» [1]. Таким образом, совершенно очевидно выявляется связь баптистских догматов с повседневной практической жизнью баптистской общины и поведением ее рядовых членов.

Приведем на этот счет развернутое рассуждение из «Братского вестника»: «Возрождение — это могущественная сила, действие которой в первую очередь ощущает тот, кто ее получает. Блаженное упование сердца, пребывающего в мире божием, есть *внутреннее свидетельство,* которым дух божий свидетельствует духу нашему, что мы дети божии. Человек не может быть возрожденным, если он не имеет этого внутреннего свидетельства — сознания своего усыновления богом, мира с ним... Христианская жизнь — *внешнее практическое свидетельство* возрожденной души. Это свидетельство так же безусловно необходимо, как и внутреннее» [2].

Таким образом, содержание баптистской личной веры раскрывается как определенное отношение человека с богом. Как мы видели, бог в баптизме описывается не как некая метафизическая субстанция, а прежде всего с точки зрения его отношения к человеку, последний же, в свою очередь, характеризуется преимущественно в плане его отношения к богу. Возникает вопрос: что же представляет собой эта концепция, какие реальные стороны человеческой жизни отражает она?

Можно указать на различные несообразности и внутренние противоречия баптистского учения о воз-

---

[1] «Баптист», 1907, № 2, стр. 2.
[2] «Братский вестник», 1948, № 1, стр. 40.

действии на человека святого духа. Но ему нельзя отказать в одном свойстве: оно «работает», «работает» в каждом конкретном случае обращения человека к богу. Это достаточно примечательная черта для того, чтобы попытаться понять ее причины.

В общем, они достаточно прозрачны. Баптистские рассуждения о личной вере не есть произвольная «теория», не есть выдумка богословов или плод их досужих размышлений. Это некая идеальная модель, концептуальная схема, обобщающая многократные случаи обращения людей в религиозную веру. Иными словами, дело обстоит так. Имеются объективные причины, существующие независимо от религии, которые порождают у людей отчаяние, неверие в собственные силы и т. д. Обстоятельства эти исторически конкретны и в каждой общественно-экономической формации проявляются по-разному. Но в них имеется нечто общее: разрыв индивида и общества, порабощение человека «внешними» силами. Нечто общее имеется и в сознании, отражающем данное положение людей: утрата веры в себя, склонность к иллюзиям и предрассудкам и т. д. Религия возводит подобное мироощущение в цельную мировоззренческую систему. Подобного рода обобщенную, суммарную модель воздействия на человека, удерживающую основные, характерные черты этого процесса, и представляет собой баптистская концепция личной веры.

Данная существенная черта баптистской идеологии выступит яснее, если мы рассмотрим ее в несколько ином аспекте — в плане характеристики последовательных этапов, фиксирующих переход человека на позиции религиозной веры. Это вместе с тем поможет понять внутренний механизм воздействия баптизма на человека, уловить психологическую сторону данного процесса.

На этот счет в баптизме имеется четкая схема. Первая стадия «обращения», первый результат воздействия святого духа на человека — это осознание своей греховности и покаяния [1]. «Дух божий убедил ли тебя в твоей греховности, в том, что все существо твое, все деяния твои запятнаны так, что ты сам почувствовал в себе нечистоту, скверну?» [2].

Итак, первый этап — осознание собственной греховности. Здесь пока нет ничего специфически баптистского: осознание греховности — исходный пункт благочестия всякой христианской церкви. Но здесь есть одна тонкость: просто осознать себя грешником слишком мало с точки зрения баптистской догматики. «Мы знаем,— пишет Каргель,— что люди ведь грешники, и большинство из них признает это, но не все видят, что они *погибшие* грешники» [3]. Таким образом, приходя к человеку, дух святой прежде всего заставляет его осознать себя «погибшим грешником» [4].

Этим подчеркивается специфика баптистского взгляда на человека, отличающегося от соответствующих идей православия и католицизма. Суть воззрения «погибшего грешника» такова: «ужаснувшись своим порокам», человек приходит к выводу, что сам уже

---

[1] Баптисты не всегда однозначно характеризуют этапы спасения, по-разному толкуя термины «обращение», «возрождение» и т. д. Порой они выделяют «веру», «покаяние», «обращение», «рождение свыше», «добрые дела», «освящение» (см. «Братский вестник», 1948, № 3, стр. 40). Иногда — «покаяние», «веру», «возрождение», «оправдание», «усыновление», «освящение» (см. «Братский вестник», 1962, № 4, стр. 25). Иногда они отождествляют «обращение» и «возрождение» и т. д. Так что дело не в формальных рубриках, а в содержании этого процесса. А оно строго определенно.

[2] «Баптисты, их учение и задачи». Ростов-на-Дону, 1909, стр. 38.

[3] «Братский вестник», 1945, № 2, стр. 15.

[4] Там же.

никакими способами покончить с грехом не может, что сам по себе, без божьей помощи, он погиб, погиб безвозвратно. В свое время в одной из брошюр, изданных евангельскими христианами, говорилось: «Не полагайся на твои заслуги, на твое доброе сердце, на твои добродетели, на твою благотворительность... Ни восприятие святых таинств, ни соблюдение наружных обрядов, ни символ веры, прочитанный устами, а не сердцем, ничто, даже сама церковь, не может спасти тебя! Иные еще полагаются на своего духовника, разрешающего им грехи в таинстве покаяния. О, заблуждение из заблуждений!» [1].

Это стадия смертельного страха и испуга, сознания своей обреченности к вечным мукам и полной неспособности изменить свою судьбу. Началом обращения человека может быть лишь мысль о погибели, состояние раскаяния, покаяния в прежней греховной жизни. «...Так будет во веки веков, да иначе и быть не может, ибо какая может быть речь о спасении и вере, если человек не испытывает горечи страха и ужаса погибели!» [2]. Человек видит, что вся его прежняя жизнь, поведение, интересы, идеалы неминуемо влекут его к воротам ада.

И он отказывается от мысли спастись собственными силами. «Пытаться спастись одним усилием — все равно, что рассчитывать подвинуть лодку напором на мачту. Это значило бы походить на утопающего, который старается подняться из воды, таща сам себя за волосы» [3].

Каков же выход? Неужели утеряна всякая надежда на спасение? Нет, у смертельно запуганного и от-

---

[1] См. *Амвросий.* О религиозном сектантстве в нашем образованном обществе. Спб., 1891, стр. 20.

[2] «Баптист», 1907, № 1, стр. 7.

[3] «Братский вестник», 1948, № 5, стр. 5.

чаявшегося человека появляется мысль о том, что единственный путь, который может избавить его от зловещей участи, заключается в обращении к богу. Эта идея ярко выражена в стихотворении «Богатый юноша», которое в рукописном виде распространяется в некоторых баптистских общинах. В нем говорится:

Никто, никто от человека
Без божьей помощи не может
Сам по себе себя спасти.
И бог во всем тебе поможет,
Но сердце к богу обрати.
Один лишь он, один все может.

И тогда дух святой входит в «сердце, полюбившее Христа, то есть открывшееся перед ним» [1].

Осознание себя погибшим грешником есть вместе с тем воспитание в себе мысли о незаменимости божественной благодати. При этом бог в пробуждающемся сознании верующего воспринимается уже не просто как творец вселенной, но и как его единственный спаситель.

Итак, человек «обращается» к богу. «Обращение» — это акт самовручения себя богу, когда человек начинает жить для Иисуса. «Но жить всецело для господа,— говорит баптистский проповедник,— означает не иметь больше себя в виду, другими словами, почитать себя умершим со Христом, погребенным» [2]. При этом поскольку на грешника воздействует «божественное» начало, принципиально отличное от «человеческого», то он порывает со всеми своими прежними настроениями, идеалами, чувствами и надеждами.

Иными словами, та непреодолимая пропасть, которая существовала между греховным человеческим на-

---

[1] «Братский вестник», 1964, № 2, стр. 45.

[2] «Первый всероссийский съезд кружков баптистской молодежи...», стр. 52.

чалом и спасающей божественной благодатью, должна находить соответствующий эквивалент в поведении верующего, а именно в той решительности и бескомпромиссности, с которой он отрекается от своего греховного бытия, от своей человеческой сущности. Обращение, таким образом, рисуется как некий принципиальный рубеж, некий прыжок через пропасть, который, как известно, нельзя совершить в несколько приемов.

Отсюда, кстати сказать, прямо вытекает вывод о том, что без бога нет истинной духовности, нет истинной моральности. А поэтому — и с этим сталкивается каждый исследователь, который знакомится со взглядами баптистов — верующие единодушно и изобретательно чернят свою жизнь до обращения, изображая ее как воплощение нечестия и мирских похотей. Отныне человек должен на все смотреть «небесным взором» и дело спасения почитать выше всего на свете. По тому, всем ли человек жертвует ради спасения, ради Христа, и узнается истинный верующий.

Здесь следует особо выделить баптистскую интерпретацию искупительной жертвы Иисуса Христа. «Мы почитаем Христа распятого» — таков лозунг, который часто служит официальным девизом этой церкви. «Братский вестник» подчеркивает: «Проповедники должны подражать апостолу Павлу и не знать никого, кроме Христа распятого. Поэтому всякая проповедь должна заключать в себе указание на Христа распятого в том или другом виде» [1]. Такой акцент далеко не случаен и вводит нас в сокровенную суть баптистской догматики. Если осознание человеком своих грехов, покаяние — это, так сказать, исходный импульс баптистского механизма спасения, то идея жертвы Христа — ее подлинный двигатель.

---

[1] «Братский вестник», 1947, № 1, стр. 68—69.

Дело в том, что из фундаментальной идеи протестантизма, согласно которой человек спасается не добрыми делами, а личной верой, из мысли о человеке как «погибшем грешнике» необходимо следует, что спасение дается человеку даром, а вовсе не за его заслуги перед богом. Эта мысль постоянно присутствует в рассуждениях баптистских авторитетов. «Вера, как и покаяние, является даром божиим, то есть подарком неба» [1]. «Итак, мы получили оправдание даром, как и спасение,— через веру в Иисуса Христа, силою его крови,— не от дел, чтобы никто не хвалился» [2].

Грех человека беспределен, говорит баптист, и искупить его можно было лишь страшной ценой — муками невинного «единородного сына божия». И такая цена заплачена, заплачена без компенсации, даром. А потому «смерть господня, смерть Христа — это самое главное событие во всей земной жизни Христа. Смерть Христа на Голгофе — это центральное событие всей Библии; смерть Христа — это самая главная доктрина всего христианского богословия» [3].

Грешник должен видеть в голгофской жертве прежде всего цену собственного искупления. Он должен прежде всего знать, что Христос «заклан не только за всех грешников, но и лично за меня. Такая вера низводит кровь Христа в сердце верующего человека» [4]. Иными словами, каждый верующий должен осознать себя причиной, соучастником крестных страданий, видеть их смысл в том, чтобы именно ему обеспечить спасение, видеть в Христе своего личного спасителя, и тогда рассказ о муках Христа будет внушать человеку мысль о его неоплатном долге перед богом.

---

[1] «Братский вестник», 1962, № 4, стр. 28.
[2] Там же, стр. 32.
[3] «Братский вестник», 1962, № 2, стр. 18.
[4] Там же, стр. 47; см. также «Братский вестник», 1948, № 2, стр. 6.

Баптизм, говорили мы, носит «утонченный» характер, в процессе своего формирования он отбирает аргументы, которые способны сильнее всего воздействовать на сознание людей. Примером может служить изложенная схема воздействия на человека. Известно, что в христианстве имеются две идеи, в наибольшей мере способные оказать влияние на человека. Это запугивание карами адских мук и обещание райского блаженства. Оба этих аргумента баптизм выстраивает в тщательно отработанную и рассчитанную программу воздействия на психику человека. «Ты грешник,— говорит он человеку,— и уже ничто не спасет тебя». Если, например, в православии верующий может всегда сохранять надежду на получение воздаяния при помощи церковных таинств, добрых дел, заупокойных молитв и т. д., то баптизм отвергает такую возможность. Человек погиб безвозвратно, говорит баптизм. Это — реквием. Но в самый мрачный момент баптистского действа на сцену выступает искупительная жертва Иисуса Христа. Это — ода радости. Ты спасен, но не потому, что сам по себе способен к добру, а потому, что бог незаслуженно возлюбил тебя и осуществилось воздействие духа святого. Все человеческое предопределяло тебя к вечной погибели, и только божественное тебя спасло. Но сделать это можно было дорогой ценой — ценой принесения в жертву Иисуса Христа, безгрешного и совершенного сына божьего.

Следовательно, чем в более эмоциональных и трагических тонах баптистский проповедник рисует «страсти господни», чем более он нагнетает ужасы голгофских страданий, тем более он внедряет в голову человека мысль о его неоплатном долге перед богом и тем более мелкими, незначительными выглядят жертвы, которые верующий должен в этой связи принести. «Мы

искуплены, и дорогою ценою,— говорил Фетлер. — Если мы истинно верующие, то мы *не имеем права* не быть всецело посвятившими себя господу» [1]. Это право искупившей стороны, получившей товар в полную собственность. Отныне высшая мудрость должна для баптиста раскрываться в следующем призыве: «Боже, жизнь возьми — она вся тебе принадлежит!»

Выдвижение на первый план идеи бесконечной греховности человека, его полного бессилия ведет к определенным нравственным критериям и нормам поведения верующего. «После того,— писал Маркс,— как человек начал рассматривать свои заблуждения как *бесконечные* преступления против бога, он может быть уверен в своем *спасении* и *милосердии* бога лишь в том случае, если *совершенно* отдаст себя богу, *совершенно* умрет для мира и мирских интересов» [2].

Итак, круг замкнулся: «человек умер» для прежней жизни и «возродился» для новой. Таковы внутренняя структура, содержание и смысл баптистской личной веры.

Как же влияет «духовное возрождение» на человека, на его поведение и чувства? Чтобы исчерпывающе ответить на этот вопрос, нужно познакомиться с учением баптистов в целом. Пока же отметим лишь некоторые моменты.

Жизнь людей складывается по-разному. У одних она проходит легко, другие сталкиваются со многими трудностями — материальными, личными; порой человека настигает тяжелая болезнь, смерть уносит близких... Не всегда человек волен избежать такой судьбы. Но только от него самого зависит выстоять, сохранить человеческое достоинство, свои интересы в жизни.

---

[1] «Первый всероссийский съезд кружков баптистской молодежи...», стр. 52.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 192.

Интересы индивида, его потребности и склонности, знания и запросы — все то, что мы называем духовной жизнью, в основе своей имеет социальный характер. Лишь тогда, когда человек активно осваивает достижения общества, сам приумножает его богатство,— он не иждивенец эпохи, а «богатый человек». «*Богатый* человек,— писал Маркс,— это ...человек, *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*» [1].

Баптистское «возрождение» и направлено прежде всего против «богатого человека», против тех черт — смелости, мужества, уверенности в своих силах, — которые делают человека личностью, придают ему неповторимую индивидуальность. Баптизм выступает прежде всего против сознательного общественного человека. Верующий должен отречься от самого себя, от своих прежних надежд и потребностей. И пусть баптисты не утешают себя мыслью, что они порывают лишь со всем «греховным и грязным». Они отказываются от своей «богатой» человеческой сущности, стремятся превратиться в «ничто», в некие мертвые остовы для восприятия святого духа.

«Возрождение» как бы завершает определенный этап в жизни верующего. Вместе с тем, оно исходный момент для дальнейшего совершенствования в духе баптистской морали. Одно из главных требований, которое предъявляется к баптисту,— «возрастать в смирении», то есть «делаться все более маленьким и ничтожным в своих глазах». Конечный идеал баптистские проповедники формулируют совершенно от-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений. М., 1956, стр. 596.

четливо: «О, если бы мы так выросли в смирении, чтобы превратились в ноль или нуль, чтобы Христос был все и во всем в нашей жизни. Ноль — это отсутствие величины. Пусть у нас не будет ни малейшего величия, собственного величия» [1].

Конечно, баптизм не в состоянии до конца лишить человека прежних идей и мыслей, избавить его от мирских привычек и норм поведения. И он возвращает их. Он говорит верующему о любви к ближнему и моральной чистоте, о правилах поведения в общине, в «мире». Он возвращает человеку нравственный идеал, требует его неукоснительного исполнения. Только нет в нем теперь самого главного, нет стержня, который делал человека человеком, нет того, что заставляло его искать радости в земной жизни и утверждать в ней собственное достоинство. Именно свое, а не приобретенное по милости божьей. Теперь все, что он сделает,— даже действительно хорошее, доброе,— заслуга не его. Это плод благодати свыше.

Здесь сила расценивается как слабость, юродство — как достоинство, страдание — как блаженство, убожество — как богатство. Все человеческое рассматривается как ложное, греховное, и лишь чужое, божественное — как подлинное достояние человека. Победный человеческий дух, так страстно горевший в поколениях ученых и поэтов, борцов и революционеров, теперь угас.

Это уже иной мир — мир самодовольного, «спасенного» обывателя и «сознательного» мещанина. Здесь нет героев и нет людей, которые хотят ими стать, нет высоких гражданских чувств и потребности в этих чувствах. Нет борцов, а только покорные соискатели милосердия. Именно во внушении человеку мысли о том,

---

[1] «Братский вестник», 1956, № 3-4, стр. 127.

что он есть «ничто», что он должен отказаться от своего собственного духовного мира как проявления своей активной жизнедеятельности, и заключается суть баптистской концепции возрождения.

БАПТИЗМ И СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Мы уже отмечали, что единственным источником своего вероучения баптисты объявляют Библию. В ней, как известно, содержится немало рассуждений, объясняющих различные природные явления — астрономические, физические, биологические и т. д. Как современные баптисты относятся к этим легендам (например, о сотворении мира, человека и т. д.), каково их отношение к новейшим научным открытиям, которые несовместимы с библейскими представлениями о природе? [1].

Наука играет огромную роль в жизни современного общества. Баптизм, претендующий на универсальную науку жизни, выдвигает особое понимание роли науки в обществе, внушает верующему определенное отношение к ней. Эта сторона дела также заслуживает внимания.

В любом христианском течении наука оценивается прежде всего с точки зрения ее способности подтверждать истинность христианства и его главной идеи — идеи бога. В этом отношении баптизм наследует специфические черты протестантской теологии. Падший, «тварный» человек, утверждает он, своим ограниченным разумом не в силах проникнуть в тайны божественного промысла. Стремление сделать это равно-

[1] Подробнее об этом см. *Л. Н. Митрохин.* Баптизм и научное знание. М., 1969.

сильно попытке осветить солнце фонарем, говорил Лютер. Отсюда баптизм проводит четкую грань между сферой божественной мудрости, касающейся глубочайших «внутренних» законов вселенной, с одной стороны, и компетентностью несовершенных знаний человеческих, которым доступны лишь некоторые «внешние» законы, — с другой. Истинная вера выступает здесь в форме личного убеждения, возникающего у человека под воздействием святого духа, удостоверившего тем самым «избранность» этого человека. Чем руководствуется бог, предопределяя судьбы людей, человеку знать не дано. Единственным путем к вере оказывается индивидуальное откровение, озарение свыше, не познание, а переживание, чувство.

В этом пункте протестантизм заметно расходится с католицизмом, признающим возможность рационального доказательства бытия бога. Больше того, с точки зрения протестантизма разум даже мешает вере в бога. Процесс «возрождения» (т. е. познания высшей истины) мыслится как изменение отношений между богом и человеком, который приобретает потребность в спасителе и вручает ему свою судьбу. Если в этот процесс вклинивается «холодный» анализирующий ум и человек начинает размышлять о боге как о чем-то находящемся «вне» его, то единение с богом нарушается.

Личная вера протестантов — это чувственная, интуитивная вера, несовместимая с рациональным познанием. Эту черту протестантизма баптисты унаследовали в полной мере. В этой связи, кстати сказать, более ясными становятся и баптистские советы по изучению Библии. Как мы помним, суть их сводилась к тому, что живую веру нельзя познать одним лишь умом. «Ни человеку, ни ангелу не дано разумом познать бога в его величии и в полноте вечности... Бог открывает

себя только тем, кто чист сердцем, будь то сердце невежды или мудреца» [1].

Таким образом, с точки зрения протестантизма вера несовместима с разумом — «блудницей дьявола, только позорящей и оскверняющей то, что говорит и делает бог», как писал Лютер, призывая «закрыть глаза и уши и верить». И там, где протестанты получали власть (как, например, Кальвин в Женеве), они жестоко расправлялись со всякими проявлениями свободомыслия. «...Протестанты,— отмечает Энгельс,— перещеголяли католиков в преследовании свободного изучения природы» [2].

Противопоставление баптистскими богословами божественного знания и знания человеческого находит свое выражение в резком противопоставлении Библии всем прочим книгам. Как уже отмечалось, баптисты объявляют Библию «единственным откровением, данным роду человеческому». А поэтому все, что «говорит Библия о боге, о сотворении мира, об ангелах, о человеке и т. п., является драгоценными истинами». В баптистских проповедях мы находим утверждения о том, что «человек имеет независимое ни от кого, кроме Творца, происхождение», что «бог может в сновидениях открывать свою волю». Баптисты постоянно ссылаются на чудеса, которыми полна Библия, и т. д.

Вместе с тем в баптистских документах, в проповедях встречаются и высказывания по поводу современной науки, причем нередко подчеркнуто благожелательные и вежливые. «Мы должны,— пишет «Братский вестник»,— осваивать все современные достижения техники и науки, все, что может развить наш ум, расширить наши познания, сделать нас высокоразвитыми

---

[1] «Братский вестник», 1946, № 4, стр. 4.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 347.

и образованными людьми»[1]. Журнал приветствует прогресс науки — «замечательное открытие «звездных ассоциаций», расширяющее наши познания Вселенной, раскрытие структуры атома... создание баллистических ракет, способных забросить искусственных спутников в орбитное движение вокруг Земли»[2].

Подобные заявления нуждаются в комментариях.

Отметим прежде всего, что неправомерно ставить знак равенства между тем, что́ баптистский проповедник может сказать о науке, и тем, каково действительное отношение к ней баптизма. Баптистская идеология — это мировоззрение, имеющее свою определенную систему аргументов и выводов, свои принципы. Выделить отношение баптизма к науке — значит проанализировать содержание этих принципов в их отношении к научному знанию. Мнение же богословов на данный счет может служить более или менее полезной иллюстрацией к такому анализу.

Чтобы понять суть высказываний, подобных вышеприведенным, необходимо уяснить, какой смысл проповедники вкладывают в такие термины, как «культурный», «высокоразвитый», «образованный». Только тогда можно понять, почему и каким способом баптисты намерены «осваивать технику и науку».

В рукописной баптистской пьеске «Суд над Библией» сказано: «Наука идет своим путем, касаясь фактов природы, а Библия касается нравственного воспитания духа человека». Суть подобных рассуждений заключается в противопоставлении религии и науки, в том, чтобы науку безоговорочно подчинить религии. Об этом баптистские идеологи раньше говорили

---

[1] «Братский вестник», 1960, № 1, стр. 54—55.
[2] «Братский вестник», 1957, № 6, стр. 7.

совершенно определенно, теперь более застенчиво, Сути дела, однако, это не изменяет.

«Я лично не противник образования,— говорил один из ораторов на Первом съезде баптистской молодежи в 1909 г.,— я его высоко ценю и уважаю; будучи еще в высшем учебном заведении, я старался использовать каждую свободную минуту приобретением разных полезных знаний». Знакомый призыв — «осваивать науку». Но он примечателен тем, что оратор пояснил, как это освоение должно происходить. «Основой всякого образования,— продолжал он,— должно быть признание бога, страх божий и любовь к нему. Где этого нет, там образование для дальнейшей жизни не имеет значения» [1].

Эта позиция характерна для баптистов. Приведем рассуждение В. Г. Павлова, в прошлом одного из наиболее влиятельных деятелей русского баптизма. «Многие думают,— писал он в 1907 г.,— что Библия противоречит науке. Это неправда. Истинной науке Библия противоречить не может по той причине, что виновник происхождения Библии и вселенной один и тот же — Бог» [2]. Однако, как известно, между религией и наукой давно ведется острая полемика. Почему? По мнению баптистов, причина в том, что это не истинная наука. «Если ученые утверждают,— продолжает Павлов,— что Земля существует миллионы лет, а по Библии — не более 7—8 тысяч лет, то это лишь гипотезы (предположения), а не научные факты. Если Библия учит, что бог сотворил все виды, а Дарвин утверждает, что они происходят от одной первобытной клеточки, то учение его оспаривается учеными же и не

---

[1] «Первый всероссийский съезд кружков баптистской молодежи...», стр. 68.

[2] «Баптист», 1907, № 4, стр. 10.

установлено твердыми научными фактами, а покоится большей частью на гипотезах».

Не будем придираться к искажению взглядов Дарвина — он никогда не считал, что виды происходят из «одной первобытной клеточки». Чисто обывательское и вульгарное толкование смысла научных открытий для баптистов очень характерно[1]. Важнее выявить главную идею рассуждения баптистского идеолога: наука истинна лишь в той мере, в какой она соответствует содержанию «священного писания». В противном случае — перед нами лишь шаткие и произвольные гипотезы, истинность которых не доказана и доказана быть не может.

Для баптиста истинная наука — это результат воздействия божественной мудрости, а всякие «гипотезы» — продукт несовершенного ума человека, «отпавшего» от бога. Поэтому развитие истинной науки выступает как чисто божественное по своему характеру предприятие. В рукописном сочинении «Есть ли бог?» эта мысль выражена так: «Вы говорите, что... безбожники создали земные светила. Я замечу, что не вы создали земные светила, а мы, христиане, их создали, ибо американец Эдисон — изобретатель первой электрической лампочки — был глубоко верующим человеком». И далее формулируется общий принцип, окончательно проясняющий точку зрения баптистов: «Все

---

[1] В качестве примера приведу запись беседы с одной пожилой баптисткой. Она говорила: «Все совершается так, как сказано в Библии. Слышала я, правда, что некоторые ученые говорят, будто человек произошел от обезьяны. Да вот и по радио говорили об этом. А мы между собой так рассудили: если человек произошел от обезьяны, так почему же тогда в зоопарке обезьяны рождают сейчас обезьян, а не людей?» Наверное, этот нелепый довод придумал какой-нибудь баптистский просветитель и пустил его в обиход.

лучшее в науке, самые тонкие открытия были созданы людьми, имевшими страх божий».

В баптистских сочинениях постоянно мелькают имена крупных ученых, писателей, поэтов, которые «в величественном восторге, преклонялись перед Библией». Примером может послужить рукописное сочинение «Наследие и традиции наших классиков. Есть бог». Автор его пытается доказать, будто все крупнейшие русские писатели верили в бога: «Наш русский гений Ломоносов науку с верой совмещал». Пушкин «писал музе как подружке: «Послушна воле божьей будь»»; «Лермонтов был сам уверен, что есть и будет божий суд»; ««И сеять вечность» звал Некрасов» и т. д.

Не будем уточнять этот реестр верующих ученых и писателей — немало имен попало в него без всяких оснований. Факт остается фактом: многие крупнейшие ученые прошлого и настоящего — верующие люди. Защитники религии охотно напоминают об этом. Но такие факты способны смутить лишь человека, который полагает, будто религия коренится главным образом в невежестве людей. Это, разумеется, примитивное, вульгарное представление. Религия — общественное явление, она отражает, «восполняет», по выражению Маркса, определенный социальный опыт человека. Отношение ученого к идее бога зависит прежде всего от его общественно-политической позиции, от влияния различных социальных институтов, от условий и обстоятельств его личной жизни и т. д. При таком понимании религии — а лишь оно является научным — баптистские рассуждения теряют всякую силу.

Баптист берет из науки ее прикладную, утилитарную сторону: изобретения, технические новинки и т. д. Наука истолковывается лишь как средство усовершенствования быта, а не как могучее орудие познания мира. В этом плане наука осваивается без колебаний:

молитвенные дома радиофицируются, верующие охотно слушают зарубежные радиопередачи на религиозные темы и т. д. Но отвергаются глубоко мировоззренческие выводы, которые вытекают из науки, ее принципиальные методы, основанные на уверенности в способности познавать мир. Отвергается сам фундамент науки, сама ее живая душа. Наука оказывается чем-то вроде полезного технического справочника или поваренной книги.

Баптистский призыв «осваивать» науку означает требование использовать ее для укрепления религиозной веры. Разумеется, такая «наука» баптизму противоречить не может, и его защитники готовы на самый сердечный союз с ней.

Было бы наивно полагать, будто разобранная нами концепция науки есть плод досужих размышлений баптистских богословов и обусловлена каким-то злонамеренным религиозным мышлением. Она имеет вполне четкое социальное содержание и воплощает специфически буржуазный взгляд на роль науки, взгляд, который в превратной форме отражает ее противоречивое положение в условиях капитализма.

Ранние буржуазные гуманисты были глубоко убеждены в том, что человек способен строить счастье на земле, что он полон внутренних творческих сил. Важнейшим условием прогресса объявлялись развитие науки, просвещение.

Однако радужные надежды той поры не оправдались. По мере того как люди овладевали силами природы, они все больше оказывались во власти социальных противоречий. Люди искали мира, однако постоянно страдали от войн, надеялись на прогресс, а сталкивались с нищетой, жаждали справедливости, но не могли покончить с социальным злом. Эти противоречия особенно рельефно выступили в буржуазном

обществе сейчас, когда величайшие успехи науки соседствуют с бесчеловечностью, когда достижения человеческого гения грозят ядерной катастрофой.

Причины коренятся в специфических законах развития капитализма, в его частнособственнической основе, в неустранимом антагонизме классов, в том положении, которое в западном обществе занимает наука. Однако буржуазный мыслитель рассматривает капитализм как «вечный», «естественный» способ общежития. А поэтому в его сознании неизбежно возникает представление о науке как о некой зловещей силе, которая, словно джин, вырвавшийся из заточения, сеет страдания, горе, смерть. Такой взгляд весьма популярен среди современных философов и социологов Запада, доказывающих, что наука, разум враждебны человеку. Охотно на эту тему рассуждают и защитники религии. Социальные коллизии, по их мнению, возникли потому, что люди забыли бога, впали в иллюзию, будто научные лаборатории способны заменить алтари.

В различных вариациях эта концепция и воспроизводится в рассуждениях баптистов о науке.

Науку, не связанную с религией, они расценивают как чисто человеческое занятие — проявление «гордыни» людей, которую бог терпеть не может. Такая наука мертва, она не способна проникнуть в сокровенные тайны мироздания. Она прежде всего не способна понять «внутреннего» человека, а может описывать лишь грубого, «внешнего» человека.

Наука, таким образом, не в состоянии раскрыть человеку смысл существования, послужить надежным ориентиром в его поведении, стать, иными словами, наукой жизни.

А между тем — баптисты постоянно это подчеркивают — человек все время сталкивается с трудными

проблемами. «...Событиям человеческой жизни свойственны неясность, отсутствие последовательности... Мы живем в области противоречий и неясностей»[1]. Сам человек этих хитросплетений распутать не в состоянии. Ему необходим какой-то другой «светильник», нежели наука. Именно этот мотив составляет основу рукописной поэмы «Обращение», рассказывающей о поисках смысла жизни — покоя. «Но где же мне найти покой? Решил искать его в науке». Наука не смогла помочь герою поэмы, хотя он и «освоил» ее: «Узнал законы я вселенной, узнал движение светил, но не узнал... кто небо, землю сотворил». Следовательно, делает вывод баптист, наука ему не подходит.

Подобные идеи — лишь подступы к специфически баптистскому пониманию роли науки в обществе. Суть его заключается в том, что наука расценивается как символ роста безбожия, аморализма, как свидетельство грядущего конца света.

Апокалиптические пророчества, запугивание людей концом света явственно звучат в ряде баптистских документов. При этом один из доводов усматривается в развитии науки, отождествляемой с безнравственностью. Наиболее красочно, пожалуй, эти сюжеты выражены в рукописных виршах «20-й век». «А кругом так ужасно, грех царствует так властно, страха божьего совсем не стало...» — говорится здесь.

В чем же проявляется эта «ужасность»? Да в том, что «счастья хочет весь мир... Каждый хочет здесь быть властелином». Эта человеческая «гордыня» проявляется в том, что люди ставят под сомнение библейские мифы. «Вам расскажут они, что когда-то одни обезьяны в лесах обитали, а... по теории их, постепенно в людей превратились». «Да, наш век про-

---

[1] «Братский вестник», 1956, № 6, стр. 27—28.

свещен,— с издевкой пишет баптистский обскурант,— не нуждается он в благодати, любви и спасении». Тот же мотив мы находим и в рукописи «Потоп», где люди осуждаются за то, что «умами в творенье вникали».

Таков антинаучный пафос баптистской идеологии. И совершенно не случайно, что под ее влиянием некоторые баптисты с откровенной неприязнью и враждебностью воспринимают достижения современной науки, составляющие славу и гордость человечества. Именно это отношение запечатлено в сочиненьице «О Луне», написанном в связи с запуском искусственных спутников. Смысл его заключается в излюбленной баптистской идее: все, что от бога, прочно, устойчиво, а все, что от человека, хрупко, призрачно, ненадежно. Вначале выступает «всем известная» Луна, от имени которой и ведется повествование. Ее «бог словом сотворил и силой движущей снабдил». Поэтому она «точно обходит Землю». «Я миллиарды лет ношусь... я не снижалась ни на миг с высот космических своих». Совсем иная судьба ожидает «сестер моих земных, всех лун искусственных, людских». Они вышли из рук человека, а поэтому «недолго космос бороздят, потом сестреночки горят».

Можно, конечно, поражаться как воинствующему невежеству сочинителя, так и той неприязни, с которой он повествует о величайшем триумфе человеческого разума. Но таково следствие баптистской интерпретации науки.

Говоря о влиянии баптизма на своих последователей, нужно оттенить одну крайне важную деталь, связанную с особым положением религии в нашем обществе.

В капиталистических странах имеется немало ученых, которые используют новейшие данные естествознания для защиты религиозного мировоззрения.

С этими учеными религия, естественно, может безбоязненно вступать в союз. У нас господствующим является диалектико-материалистическое мировоззрение, и советская наука развивается на этой прочной философской основе.

Поэтому в глазах защитников баптизма весь объем научных знаний, сам метод научного познания оказывается безбожным. И занятие такой наукой проповедник не может выдвигать в качестве морального идеала для верующего. Напротив, он квалифицирует ее как проявление человеческой «гордыни». Речь, следовательно, идет не просто о том, что верующему навязываются те или иные антинаучные представления. Баптистский нравственный идеал полностью отгораживает человека от сферы научной деятельности, а содержание баптистской «духовности» оказывается равносильным требованию порвать с наукой. Едва ли стоит подробно говорить о том разрушающем влиянии, которое подобные призывы оказывают на человеческую личность, особенно если речь идет о молодом человеке.

Да, баптистские проповедники нередко призывают верующих поднимать свой культурный уровень. Но речь идет лишь о науке, которую они согласны считать «истинной». А что баптисту рекомендуется позаимствовать из современной науки? Разумеется, не существо ее теорий, не ее творческий пафос. Он должен «освоить» только отдельные выражения, образы, термины. Он вложит в них свою филистерскую премудрость, удостоверяя, что тоже живет в двадцатом веке, что тоже слыхал о прогрессе.

Отсюда довольно характерная черта баптистских проповедей — постоянное употребление «модных» слов. Здесь жизнь сравнивается с прессом, а страдания — с «драгоценным розовым маслом», которое получается «под большим давлением»; творение богом

света рисуется как превращение «мельчайших пылинок вселенной» в «волны света»; пресвитеров призывают давать «высококалорийные» проповеди, а небеса изображаются в виде образцовой канцелярии, где на каждую молитву можно ждать ответа; здесь говорят о «вольтах электричества», о горе как «духовных штангах». Христос объявляется самым «полезным витамином» для человека, а человека сравнивают с «радиостанцией, передающей в божественный эфир свои чувства», и т. д. и т. п.

В этом пристрастии к ярлычкам и словесной мишуре есть что-то детское... И есть что-то глубоко недостойное в этом балагурстве, в том, что строгие, серьезные термины и понятия превращаются в побрякушки обывательского всезнайства.

Глава III

МОРАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Мы начинаем анализ баптистской концепции морали. Тема эта в известной мере является центральной при рассмотрении этого религиозного течения. Рассуждения о нравственности занимают преобладающее место в современной баптистской проповеди. Баптизм привлекает внимание людей чаще всего своими моральными нормами, которые предлагаются верующим как единственно прочная основа нравственной жизни. Рассказ о закоренелом грешнике, под влиянием баптизма прозревшем и решительно порвавшем с прежними пороками,— желанный сюжет баптистских сочинений и проповедей. Вообще говоря, нет ничего нового в том, что проповедники преимущественно рассуждают о проблемах морали. Для верующих религия всегда выступала прежде всего как наука жизни, как толкование их повседневного опыта, как определенная концепция практической жизни и поведения людей. Верующие идут в церковь именно потому, что стремятся найти там ответы на те вопросы, с которыми они

столкнулись в своей жизни. В значительной мере это проблемы нравственности.

Если попытаться как-то классифицировать рассуждения баптистов о морали, то условно их можно разделить на три группы. К первой отойдут предписания, непосредственно связанные с основными христианскими догматами,— о смысле земной жизни, о всеобщей любви, об отношении к страданиям и т. п. Другую группу составят простейшие нормы нравственности, которые встречаются на страницах Библии. Таковы, например, некоторые заповеди Моисея («не убивай», «не укради», «не прелюбодействуй»), осуждение лицемерия, войн и т. д. В их формулировках самих по себе ничего религиозного нет. Однако они выступают как элемент, частица религиозного миропонимания и обосновываются ссылками на волю бога. Наконец, можно выделить некоторые правила поведения, по своему происхождению непосредственно не связанные с христианством и включенные в его моральный кодекс позже. Это различные нормы общежития, возникшие на том или ином уровне развития общества. Стремясь поставить под свой контроль всю сферу повседневной жизни человека, баптистские проповедники формулируют специальную программу «Бытовое воспитание наших церквей»: не курить, не употреблять спиртного, проветривать помещение, ходить в душ и т. д.

Приведенная классификация, повторяем, в значительной мере условна. Попытка различить собственно христианские нормы и нормы, «присвоенные» христианством, на наш взгляд, неосновательна, поскольку она воспроизводит примитивную схему формирования религиозной морали — сначала появилась чистая идея бога, а потом она «присвоила» некоторые «земные» нормы. Все элементы христианства имеют земное

происхождение, и формирование догматики и моральных норм есть в принципе процесс одновременный.

В дальнейшем мы рассмотрим основные моменты баптистской морали. Пока же остановимся на некоторых методологических принципах, которые, на наш взгляд, должны быть положены в основу такого рассмотрения.

Порой можно встретить мнение, будто заявления верующих о высоком достоинстве христианской морали есть, в сущности, лицемерие и служат лишь для маскировки особых, большей частью неблаговидных, целей. При таком подходе центр критики баптистской морали переносится на описание антиобщественных деяний тех или иных последователей этой церкви. При этом обычно верующие оцениваются как люди «невежественные» и «отсталые», а их взгляды — как «нелепые», «примитивные». Подобные рассуждения при всей их внешней непримиримости к религии по своему научному уровню оказываются весьма поверхностными и наследуют представления атеистов домарксового периода.

До Маркса, как известно, атеисты не могли понять социальную природу религии, которая изображалась ими как некая внеобщественная, злонамеренная сила, созданная с целью обмана людей и везде сеющая жестокость, фанатизм, мракобесие. Сами того не замечая, они наделяли ее прямо-таки фантастическими способностями: религия «портила» нравы, меняла политику, вызывала войны и т. д. Во всем этом сказывалось непонимание того, что религия есть продукт определенных социальных отношений, а вовсе не порождающая их основа, что религиозные чувства есть общественные чувства. Если религия не понята как естественный продукт антагонистического строя, то ее влияние на людей трактуется как внешнее «вторже-

ние» религиозных догм в сферу непорочных и чистых земных отношений, а ее содержание расценивается лишь как «нелепое», «примитивное» и т. д.

Разумеется, социалистические преобразования внесли коренное изменение в положение религии в обществе, ликвидировали классовые антагонизмы, неизбежно вызывавшие религиозные предрассудки. Но религия была и остается социальным явлением. Неизменным осталось и требование принципиального диалектико-материалистического подхода к ее анализу: влияние на людей баптистской морали может быть объяснено только анализом ее земных корней, соотношения ее норм с социальным опытом верующих, исследованием тех повседневных отношений, в которых они находятся с обществом.

Не следует упрощать реальные трудности атеистического воспитания: в силу определенных причин верующий воспринимает религиозную мораль как убедительное завершение своей жизненной практики и искренне верит в ее неоспоримые достоинства. В этом, собственно, и заключается тайна влияния религии на человека. А поэтому эффективность атеистического слова зависит прежде всего от того, насколько убедительно пропагандист способен подвергнуть критике баптистскую идеологию, ее коренные, существенные догмы и положения.

С учетом этих замечаний обратимся к баптистской концепции морали.

БАПТИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МОРАЛИ

Христианство, как известно, утверждает, что по самой своей сущности моральные принципы имеют божественное происхождение. «Нравственный закон

дан нам от бога»,— говорят его защитники. Больше того, по их мнению, только идея бога придает смысл нравственности, а мораль может существовать лишь на религиозной основе. В противном случае она становится бессодержательной, поскольку лишается главного надежного критерия различения морального и аморального [1].

Баптизм не просто наследует подобные идеи, он формулирует их в более категорической форме. Если, например, православные богословы еще признают в человеке остатки нравственности (стремление к добру), то баптизм такую склонность отвергает и все доброе, благородное в человеке приписывает исключительно воздействию святого духа. Поэтому идея богоданности морали и противопоставление моральности верующих аморальности безбожников приобретают в баптизме более решительный характер. Здесь моральным человеком может быть признан лишь верующий человек, а процесс «обращения» выступает как процесс морального «возрождения» индивида.

Представление о том, насколько существенное место в баптистской проповеди занимают рассуждения на темы морали, может дать рукописная пьеска «Суд над Библией». Намерение ее авторов выясняется с первых же строк: «Часто приходится слышать, что неверующие люди устраивают суд над Библией. Мы сегодня намерены описать показательный суд над Библией и таким образом показать истинность Библии». Эта цель

---

[1] «Без религии нравственность должна утратить самые существенные свойства свои, превратиться во что-нибудь иное, не возвышающееся над простой житейской расчетливостью... Неверие — могила нравственности... и религии и противно природе человека. Отделять религию от нравственности — значит разрушать единство человека» (*М. Менстров.* Уроки по христианскому православному нравоучению, изд. 2. Спб., 1914, стр. 26—29).

предопределяет спекулятивный и тенденциозный характер дальнейших рассуждений.

Сначала предлагается «акт обвинения Библии», т. е. формулируются аргументы «безбожников», которые будут опровергаться в дальнейшем. Здесь авторы в заведомо оглупленном виде излагают взгляды противников христианства: Библия — это «устарелая и отсталая (?) книга», которая «проповедует рабство, допускает эксплуатацию, унижает женщину», в ней «много безнравственных примеров», много нелепостей, она «противоречит науке и мешает умственному развитию человечества, требует слепой веры», а также «отвлекает от земного полезного труда, мешая тем самым развитию промышленности и сельского хозяйства», и т. д.

Авторы стремятся создать видимость беспристрастности. А поэтому на сцену выводятся «свидетели обвинения». На них не пожалели черной краски. Они представлены как косноязычные невежды, которые, оказывается, Библии не читали, в науке не разбираются и толком ничего сказать не могут, а лишь повторяют аргументы «безбожников».

Наконец, наступает наиболее интересный для нас момент: говорят «свидетели оправдания», иными словами, высказываются наиболее заветные, самые сильные, с точки зрения баптистов, доводы в пользу «священного писания», а следовательно, и всего вероучения в целом. Каковы же они? Приведем соответствующий текст рукописи:

«Первый свидетель: — Я могу сказать, что Библия служит просвещению человека и дает смысл жизни...

— Чем вы докажете, что Библия просвещает человека?

— Своим личным опытом. Я до обращения ко Христу, несмотря на все свои знания, не знал цели и смыс-

ла жизни и жил, как в тумане, до тех пор, пока не начал читать Библию, которая открыла мне глаза и осветила мне жизнь. Библия привела меня к познанию Великого Учителя — Христа, который указал мне путь служителя богу и ближнему. В нем я постиг цель и смысл жизни...

Второй свидетель: — Я могу кратко рассказать о том влиянии, которое произвела на мою жизнь Библия и вообще на меня... Возрастая, я не переставал читать Библию, которая все глубже уясняла мне вечность, нравственность и целомудрие. В то время, как мои сверстники, не зная Библии, пускались в разные плотские похоти и разврат, я в то время был охраняем истинами Библии, как крепкой стеной. И теперь, когда мои бывшие друзья сделались пьяницами и развратниками, утерявшими здоровье, заразившимися болезнями, я храним этой вечной книгой от всех зол».

«Библия указала мне Спасителя Иисуса,— говорил третий «свидетель». — Он избавил от рабства табака и сделал меня воистину свободным».

Вернула к жизни Библия и четвертого «свидетеля». «Я был страшный пьяница: погибший и падший человек. Но вот я услышал слово великой книги Библии... Я доверился Христу, и все сразу изменилось. Лохмотья сменились хорошей одеждой, появился хлеб на столе, порядок в моем жилище, и моя жизнь совершенно изменилась». И т. д.

Какими наивными ни казались бы нам данные рассуждения, они несомненно отражают обычные взгляды рядового баптиста на роль религиозной морали в его жизни и на практические последствия «возрождения». Они указывают и на другое существенное обстоятельство: в сознании верующих борьба научного и религиозного мировоззрения принимает прежде всего форму противоположности различных моральных систем.

Уже в приведенных отрывках четко высказывается мысль о том, что нравственными добродетелями обладают лишь верующие, а атеисты безнадежно погрязли в пороках. В другом месте рукописи говорится более категорически: «Безбожники пишут, что ни бога, ни совести, ни нравственности нет — все, что нравится, то и нравственно». Это одна из наиболее любимых идей баптистов, и она постоянно встречается в их рассуждениях. Вот как, например, «жизнь без бога» характеризовалась в журнале «Христианин»: «Это такая жизнь, при которой человек не стесняет себя никакими правилами, никакими нравственными понятиями, ни указаниями совести... Он живет по своим похотям и страстям в угоду своего «Я»... Такими людьми, в большинстве случаев, наполняются суды и тюрьмы» [1]. Фактически в том же духе рассуждают и современные авторы «Братского вестника». Представьте себе, говорил один из них, пассажира трамвая и пешехода, идущего по улице. «Пешеход сворачивает куда ему только хочется... едущий в трамвае не сам избирает путь, а идет путем трамвая... Так и плотский человек, человек без Христа, живет по своей плотской воле... а духовный человек... живет по воле Христа и идет его путем» [2].

По мнению баптистов, лишь вера в бога может избавить общество от порока, лишь она может быть фундаментом подлинного гуманизма и человеколюбия [3]. «Одна только религия может служить оплотом общественной нравственности»,— сказано в одной баптистской рукописи. И далее: «Только когда человек дойдет до сознания величия своей души, ее единения с Бо-

---

[1] «Христианин», 1924, № 1, стр. 6.

[2] «Братский вестник», 1955, № 3-4, стр. 37.

[3] Детальная критика такого рода претензий содержится в книге Э. Г. Филимонова «Баптизм и гуманизм». М., 1968.

гом,— только тогда он освободится от зла в своей душе, изменит свою деятельность и станет добродетельным существом».

Итак, точка зрения баптистов на значение религиозной морали выявлена достаточно полно. Возникает вопрос: в чем состоит задача исследователя баптистской морали, что значит научный взгляд на ее содержание и место в нашем обществе.

Может показаться, что главное здесь в том, чтобы баптистской морали противопоставить мораль коммунистическую и доказать, что «между ними нет ничего общего». Пожалуй, именно по этой модели обычно и ведется критика христианской морали. На наш взгляд, она совершенно недостаточна. В самом деле, итогом такого подхода обычно оказывается утверждение того, что христианская мораль «прямо противоположна» взглядам «подавляющего большинства советских людей». Открытие не столь уже глубокое: именно так рассуждает верующий, противопоставляя свои взгляды «миру». Серьезность анализа баптистской морали в первую очередь зависит от того, в какой мере ее нормы будут поняты как превратная форма воплощения земных норм, насколько глубоко будут раскрыты реальные истоки божественных заповедей. Речь, таким образом, идет не о том, чтобы обличать небесные идеалы, как «не имеющие ничего общего» с идеалами земными, а в том, чтобы выявить их земную основу, понять их как иллюзорное отражение реальных социальных отношений.

Кстати сказать, лишь тогда можно будет объяснить одну особенность рассуждений защитников баптизма. Как правило, они резко противопоставляют земным нормам нормы «божественные» и этим обосновывают возвышенный характер последних. Однако нередко их рассуждения развиваются по противо-

положной схеме. Доказывая «божественный» характер тех или иных норм, они апеллируют к здравому человеческому смыслу. Чем вам не нравятся заповеди «не укради», «не убивай»? — говорят они. Разве они не разумны? Здесь разумность как бы удостоверяет небесное происхождение моральных норм. Налицо противоположные способы защиты религиозных принципов. Этот факт не случаен и отражает противоречивый характер самого процесса формирования содержания христианской нравственности.

Христианские духовные ценности первоначально возникали как эрзац реальных земных ценностей, мирских удовольствий и радостей. Однако в конце концов реальные земные ценности стали расцениваться как греховные, а высшими были объявлены иллюзорные небесные идеалы. Постараемся в самой сжатой форме выяснить скрытый механизм этой парадоксальной метаморфозы.

Известно, что страдания «низших слоев» Римской империи вызвали к жизни идею небесного избавителя, которому предстояло сделать то, что до сих пор не удавалось людям: «сокрушить царства», разрушить Рим — «вавилонскую блудницу», источник человеческих горестей. Идеал первоначального христианства является земным, и водораздел проводится лишь между тем состоянием, которое лишает человека земных благ, и тем, которое их обеспечивает. Что же касается небесных сил, то они выступают лишь как орудие превращения первого во второе. Речь идет о самом скором пришествии спасителя. Это период Апокалипсиса Иоанна Богослова.

Спаситель не помог людям, жизнь их не стала лучше. В силу глубоких социальных причин облик спасителя начал претерпевать причудливые изменения. Это существо, с одной стороны, должно быть всемогу-

щим, а с другой — всеблагим. Ему надлежит и хотеть и мочь спасти людей. Но эти черты трудно признать за ним, если пришествие не осуществляется. Объяснить данную неувязку можно, лишь указав на причину задержки. Ее нельзя найти в боге — он мыслится всеблагим и всемогущим,— но только в человеке, в его греховности. Больше того, чем более внушительными чертами наделяется бог, тем более греховным должен выглядеть человек, чтобы давать всевышнему моральное право сохранять несправедливые земные порядки.

Постепенно, как известно, на первый план выдвинулось не требование изменения общественных отношений, а лозунг нравственного самоусовершенствования индивидов. Если раньше зло понималось как общественное зло, «внешнее» по отношению к человеку, то теперь оно мыслится как его неотъемлемое внутреннее свойство, ликвидация которого оказывается непременным предварительным условием пришествия Христа. Неудовлетворенность земной жизнью и неверие в возможность ее изменения оборачиваются отрицанием ее моральной ценности. И далее, отрицание ее моральной ценности выступает как условие принятия небесных ценностей и т. д. В ходе дальнейшего развития эти отчужденные от человека реальные ценности принимают превратный вид, противопоставляются своей изначальной земной основе.

Отсюда религиозные ценности выступают для верующего в довольно-таки любопытной роли. С одной стороны, они расцениваются как ценности «не от мира сего». Их божественная генеалогия проявляется в том, что они «противоположны» земным, «человеческим» идеалам. С другой стороны, христианские ценности выступают как превосходная степень земных ценностей — они несут «высшую» радость, «высшее» счастье, «высшую» мудрость и т. д. И в этом отблеск их земно-

го происхождения, проявление неистребимой тоски миросозерцания верующего по естественным полнокровным человеческим ценностям и радостям, тоски, которая проходит сквозь всю историю христианства.

Таковы некоторые общие принципы баптистской морали. Теперь нам предстоит разобраться в их конкретных проявлениях.

БАПТИЗМ И ТРУД

Труд — специфически человеческая форма деятельности, отец всякого богатства. Трудовая деятельность отделила человеческое общество от обезьяньего стада, обусловила проявление форм общественного сознания, и в том числе морали. Труд не просто социологическая абстракция, это реальная повседневная жизнь людей. Поэтому то или иное истолкование и оценка труда составляют один из центральных пунктов любой системы морали, в том числе христианской.

Факт, в общем, очевидный. Однако эта проблема в нашей литературе разработана недостаточно. Порой суть и вред религиозного отношения к труду усматривают в том, что христианство выступает против труда. Когда же обнаруживают, что в современной христианской проповеди настойчиво звучат призывы трудиться, то этот факт объясняют как пример приспособления церковников к современной обстановке, как свидетельство отхода от прежних догм.

Между тем церковь никогда не выступала против труда. Напротив, в трудовой деятельности она видела важнейшее назначение человека. При этом церковь не просто призывала трудиться, она объявляла труд моральным долгом человека, непременным условием его нравственного совершенствования, признаком рели-

гиозной благочестивости. «Надобно,— поучали православные законоучители,— чтобы в трудах наших светилось наше внутреннее чистое усердие и душевное расположение... Все, что творите, от души делайте как господу, а не человеку». В том-то и состояла реакционная социальная суть этих призывов, что «внешний» принудительный труд на эксплуататоров религия выдавала за труд на себя, труд по «внутренней» склонности.

Это тем более справедливо относительно протестантизма, который сломал перегородку между собственно церковной и мирской деятельностью, освятил повседневную жизнь человека во всех ее проявлениях — в труде, в быту и т. д.

Как правило, баптисты работают добросовестно, строго соблюдают трудовую дисциплину. У исследователей современной религии этот факт порой вызывает недоумение. Обычно ему дается следующее истолкование: верующий трудится добросовестно не под влиянием религии, а под влиянием «всей нашей действительности». Такое объяснение едва ли состоятельно. Ведь религия тоже выступает для верующего как фрагмент этой «действительности». Больше того, баптистская проповедь способна стимулировать труд верующего, делать его более интенсивным. Ничего неожиданного, шокирующего в этом нет. Главное в другом: каковы стимулы и содержание баптистской концепции труда, каково ее влияние на человека, в чем он видит для себя привлекательность труда и т. д.

Таким образом, различие коммунистической и баптистской морали вовсе не сводится к тому, что коммунистическая мораль призывает к труду, а баптистская — к праздности. Корень расхождения гораздо глубже — в оценке роли человеческого труда в обществе, в понимании его целей и содержания, в подчер-

кивании тех нравственных качеств, которые должны воспитываться в труде.

Было бы наивно полагать, будто христианское истолкование труда представляет собой плод богословского лукавства. Оно в превратном виде отражает реальные черты трудовой деятельности человека в условиях классово-антагонистического общества.

Труд — основа формирования человеческой личности. Вся история человеческой мысли, писал Маркс, есть не что иное, как образование человека человеческим трудом. В условиях классового гнета труд, однако, выступает для человека не как проявление его собственной активной жизнедеятельности, а как принуждение, как олицетворение классового закабаления. Общество заставляет раба и феодального крестьянина трудиться под угрозой насилия и голодной смерти. Это ненавистный труд, труд на других.

Мы не будем удаляться в далекое прошлое. Нас интересует баптизм, а он сформировался в условиях капиталистического общества. Поэтому для понимания его концепции труда наибольший интерес представляет знакомство со спецификой трудовой деятельности в условиях буржуазного строя.

Маркс показывает, что здесь труд выступает для рабочего как навязанная ему деятельность, в которой индивид оказывается жертвой им же самим созданных общественных отношений. Собственная деятельность наемного рабочего выступает для него как «чужая» деятельность, в которой он не развертывает свою активную, творческую природу, но, напротив, подавляет ее. Рабочий в «своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развертывает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух... Это не удовлетворение

потребности в труде, а только *средство* для удовлетворения других потребностей...» [1]. Далее Маркс отмечает органическую связь данного положения с религиозной концепцией: «И, наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому. Подобно тому как в религии самодеятельность человеческой фантазии, человеческого мозга и человеческого сердца воздействует на индивидуума независимо от него самого, т. е. в качестве какой-то чужой деятельности, божественной или дьявольской, так и деятельность рабочего не есть его самодеятельность. Она принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя» [2].

В этой характеристике — ключ к пониманию сути баптистской концепции труда, которая закрепляет, освящает отчуждение человека от общества, рассматривает это состояние как естественную, неизменную черту человеческого общежития. С одной стороны, баптизм улавливает неприязненное, враждебное отношение человека к такому труду, а с другой — примиряет его с ним. Здесь та же логика, как и в истолковании земных страданий: они порождают надежду на загробное воздаяние, но сами расцениваются как необходимый путь к нему. Так и труд рассматривается в баптизме как тяжкий крест, который человек должен нести всю жизнь и оставить на пороге небесного чертога.

Здесь, однако, возможно такое возражение. Мы говорим не о капитализме, а о положении баптизма в социалистическом обществе, где ликвидирована частная собственность, уничтожена эксплуатация человека че-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 563.
[2] Там же.

ловеком. Не значит ли это, что призыв к труду в этих условиях имеет положительный характер, а поэтому и упреки в адрес баптистов неосновательны? Чтобы ответить на это сомнение, следует подробно разобрать суть баптистского понимания труда.

Баптистские проповедники расценивают труд как долг человека перед богом, как выполнение божественной воли. «Бог смотрит на труд,— говорят они,— как на необходимое занятие, как на обязанность, не выполняя которой человек лишается права на получение хлеба». Они даже ссылаются на Христа — «сына плотника», «образец и в физическом труде и в духовном труде». Баптистские проповедники порой описывают Христа, держащего в руках плотницкие инструменты, а «часто ему некогда даже было есть — так он трудился» [1]. Оставим эти трогательные картинки на совести авторов — в евангелиях не говорится о плотницкой деятельности Христа. Лучше обратимся к содержанию баптистских призывов к труду. Типичным образцом может послужить следующее рассуждение из «Братского вестника»: «Библия признает достоинство всякого честного труда, а христианин должен быть самым верным, самым честным и прилежным работником. Везде, где он трудится: на фабрике или в магазине, на поле или в шахте, должен стоять за правду и справедливость; никогда он не должен искать личную выгоду или тем более допускать какую-либо нечестность» [2]. Порой баптистские проповедники ссылаются и на «требования правительства». «...Требования нашего правительства и предписания Библии не противоречат одно другому. Исходя из священного писания и указаний нашего правительства, и вы,

---

[1] «Братский вестник», 1955, № 3-4, стр. 64.
[2] «Братский вестник», 1963, № 1, стр. 51.

братья и сестры, должны честно трудиться, не жалея сил».

Подобные заявления нуждаются во внимательном анализе. Прежде всего возникает вопрос о баптистском понимании сущности и результатов труда.

В процессе труда человек переделывает природу, вмешивается в течение ее процессов, создает орудия и т. д. Именно в ходе трудовой деятельности возникает убеждение в способности переделывать внешний мир, уверенность в своих силах. В труде человек осознает свою активную, творческую роль, свое место в обществе, соотносит свои личные цели с общественным процессом в целом, практически «включает» свою индивидуальную деятельность в жизнь всего общества.

В соответствии со своими основными догматами баптизм отвергает мысль о человеке — преобразователе природы и социальных отношений. Все в природе, говорит он, зависит от бога, от его воли. Без божественной помощи человек сам бессилен что-либо сделать. Значит, и результаты труда зависят от бога, от его желания и помощи, от его промысла. Принцип этот формулируется в самой категорической форме: «...все аптеки мира, все санатории, все курорты — это все дары природы, в ее бесчисленных плодах... Вагоны, в которых мы едем, и рельсы, по которым скользят вагоны... наши дома и все удобства в них, наша одежда, наши книги, все, все, что ощущают руки наши,— все это получено от природы, вернее от Творца ее» [1]. Что обеспечивает урожай? — спрашивает баптистский проповедник и отвечает: — Бог. Кто взрастил злаки? — «...Бог взрастил их. Он посылал лучи солнечного света, он управлял ветрами и дождем, посылал

---

[1] «Братский вестник», 1955, № 3-4, стр. 28—29.

ранний и поздний дождь. Так бог приготовил пищу для человека»[1].

Идеи подобного рода в баптистской проповеди расцениваются как фундаментальный принцип, который должен непременно отличать сознание верующего. «Счастлив тот человек,— заявляют защитники баптизма,— который в каждом плоде природы видит проявление любви божией, а не только результат человеческого труда. Мы, верующие, являемся такими людьми...»[2].

Уже в этих высказываниях раскрывается то мировоззрение, которое, по мнению баптистских проповедников, должно воспитываться у верующего в ходе трудовой деятельности. Более прямо об этом идет речь в рассуждениях о целях труда. Как мы видели, баптисты приветствуют «труд для бога», труд как выражение благодарности богу и способ приобретения его «ответной любви». Эти положения носят далеко не формальный характер и выявляют специфически баптистские мотивы, которым должна подчиняться трудовая деятельность человека. С этим во многом связана и оценка баптистами воспитательной роли труда.

Здесь следует подчеркнуть одно существенное положение. Труд всегда оказывает влияние на убеждения и нравственные качества человека. Но влияние это далеко не однозначно. Труд может воспитывать черты гражданина, а может прививать психологию стяжателя, может сближать человека с обществом, а может его от общества отделять. Труд может рассматриваться и как наказание, и как поощрение; он может убеждать человека в собственной силе, а может

---

[1] «Братский вестник», 1947, № 6, стр. 20.
[2] «Братский вестник», 1955, № 5, стр. 3.

эту уверенность отнимать. Может быть проявлением общественной сущности человека, а может быть ее отрицанием.

Прежде всего это зависит от характера и содержания трудовой деятельности человека, от той реальной роли, которую она играет в общественном производстве, от тех требований, которые производство предъявляет к человеку. Чувство творца может возникнуть лишь в том случае, если человек или коллектив, в котором он работает, действительно «контролируют условия своего существования», действительно влияют на социальные отношения, находят сферу применения своей активной творческой индивидуальности.

Важна и другая, субъективная сторона дела, т. е. осознание человеком своего места в структуре общественного производства, те субъективные мотивы, которыми он руководствуется в труде. При этом возможно такое положение, когда внешние трудовые операции могут быть теми же самыми, но внутренние мотивы различными. В этом случае воздействие труда на психику и нравственность человека будет неодинаковым. Тунеядец, в виде наказания подметающий улицу, и люди, участвующие в воскреснике, разумеется, по-разному относятся к своему труду и черпают из него несхожие духовные ценности.

Никакая идеология — баптистская в том числе — не может изменить объективное содержание труда, степень его реального воздействия на развитие общества. Но она способна в значительной мере повлиять на сознание индивида, на мотивы его трудовой деятельности, она может выхолостить понимание общественного значения труда и подменить общественные гражданские мотивы чисто индивидуалистическими. В этом, собственно, и проявляется воздействие баптистской концепции труда.

Мы уже говорили, что отношения человека с богом в баптизме понимаются как чисто личные отношения между «спасенным» человеком и «избравшим» его богом. Так что «труд для бога» есть труд для «моего» бога и для меня самого. Иными словами, смысл труда верующего усматривается не в его общественных последствиях и не в его объективном содержании, а в характере его влияния на субъективные представления верующего, на его «внутреннего» человека. Важна, таким образом, не общественная значимость труда, а то значение, которое ему приписывает верующий. Трудовая деятельность расценивается как способ выражения индивидуального благочестия, как форма проявления тех позитивных религиозных добродетелей, которые рекламирует баптизм.

Баптистские проповедники охотно говорят о громадном нравственном значении труда. «Труд — это станок, на котором ткется душа человека» [1],— повторяют они. Иными словами, в труде верующий должен ставить перед собой определенные цели и, укрепляя в себе первоначальные стимулы, приобретать определенные нравственные качества и черты.

Нетрудно представить себе их характер. Это — убеждение в собственном бессилии, в зависимости от промысла божьего, неприязнь к общественным, мирским интересам, осознание себя послушным орудием, целиком порвавшим с «сокровищами земными».

Какой труд в наибольшей мере пригоден для этой цели?

Такой, который не выступает как реализация общественного идеала, т. е. труд, имеющий свое, от человека не зависящее объективное содержание, которое раскрывается в ходе трудовой деятельности.

[1] «Братский вестник», 1947, № 4, стр. 37.

Для баптизма наиболее ценным оказывается труд, выступающий для верующих в виде некоего «внешнего» требования — божественной заповеди или мирской обязанности. Отсюда в наибольшей мере баптистскому идеалу соответствует тяжелый, тупой труд, в котором надламывается самостоятельная человеческая сущность. «Работай, как муравей и как пчела, не зная ни дня, ни ночи...» [1] — призывают верующих баптистские проповедники и их пресвитеры.

Правда, порой они ссылаются также на интересы общества, на необходимость работать для процветания нашей Родины. «В сознании исполнения своего гражданского долга,— пишут они,— в труде для блага общества и наших ближних мы получим радость и глубокое внутреннее удовлетворение» [2].

Что это — «приспособление», отход от традиционной позиции?

Разумеется, в известной мере лексикон, избранный баптистскими авторами, продиктован желанием снять традиционные обвинения в отрицательном отношении к труду. Однако подлинный смысл этих рассуждений можно понять лишь с учетом всего контекста баптистского вероучения. Баптистские идеологи прежде всего озабочены тем, чтобы полезный общественный труд выступал для верующего как «внешнее» условие жизни человека, как требование, налагаемое на него земными обстоятельствами. А поэтому баптистские проповедники нередко призывают к труду, подчеркивая, что это необходимо для существования всего общества, и выражая эти призывы в форме, наиболее созвучной нашему времени.

Строго говоря, сокровенный пафос подобных ло-

---

[1] «Братский вестник», 1956, № 3-4, стр. 71.
[2] «Братский вестник», 1947, № 1, стр. 12.

зунгов не в том, чтобы верующие осознали общественную суть своего труда, а в подчеркивании мысли: труд необходим, неизбежен в земной жизни, а поэтому общество вправе предъявлять соответствующие требования к каждому человеку. При этом намек на общественное содержание труда, в котором человек раскрывает себя как творец своей судьбы, снимается идеей о том, что результат труда всегда зависит от бога и ради бога осуществляется. Так что речь идет об особой «радости и глубоком удовлетворении», которые воплощают в себе специфически баптистский нравственный идеал.

И здесь выявляется одна довольно существенная черта анализируемой концепции. С точки зрения баптизма, как мы говорили, важно не реальное содержание труда, а тот смысл, который в него вкладывает верующий. Важно не то, как твое поведение соотносится с общественными интересами; существенно, как оно согласуется с баптистской нравственностью. Труд может иметь совершенно различный общественный смысл, но если он имеет те же самые нравственные последствия для верующего, то он одинаково благословен с точки зрения баптизма. Далее, труд двух рабочих может быть одним и тем же, но баптист оценит его по-разному, если в одном случае человек трудится «с верой», а в другом упивается своей «гордыней», близко к сердцу принимает его объективные результаты.

Отсюда понятен баптистский лозунг о том, что всякая работа «не тщетна перед господом». Призыв этот как бы перекликается с нашим лозунгом о важности труда каждого человека. Но аналогия здесь чисто внешняя. Когда мы говорим о том, что любой труд важен, мы имеем в виду, что труд каждого человека имеет общественную ценность.

Иной смысл имеет баптистский лозунг. Поскольку главная ценность труда усматривается в его способности врачевать душу человека, то всякий труд, который, по мнению баптистских авторитетов, способствует этому, полезен для бога. Одним словом, исходное положение о ценности общественного труда в баптизме выступает как утверждение ценности всякого необщественного труда для бога.

Современное производство во все большей мере требует от человека инициативы, души, заинтересованности не только в результатах своего собственного труда, но и всего производства в целом. Такого рода отношение к труду нельзя создать никакими формальными нормами и регламентациями. Оно может сформироваться как результат осознания общественной значимости своего труда, как выражение желания содействовать общественному прогрессу. Т. е. в том случае, если в своей трудовой деятельности человек будет видеть не просто «внешнее» (пусть необходимое, обязательное) условие к существованию, а свой внутренний долг, основанный на уверенности в собственных силах, на реальной практике собственного влияния на ход и организацию производства.

Именно творческий, созидающий характер человеческой деятельности имел в виду В. И. Ленин, когда подчеркивал решающее значение свободного труда для воспитания коммунистической нравственности. «Мы должны всякий труд...— писал он,— построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок» [1].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 317—318.

Нельзя, разумеется, думать, будто в современных условиях реализация данной программы связана лишь с идеологической работой — с воспитанием коммунистического отношения к труду. Речь в первую очередь должна идти о совершенствовании организации труда, о повсеместном создании таких условий производственной деятельности, в которых человек выступал бы активным субъектом «формы общения людей» (Маркс), о дальнейшем развитии принципов демократизма, об улучшении условий труда и т. д. Здесь многое предстоит сделать, потому что еще сохранился тяжелый труд, труд неквалифицированный, не творческий по самой своей сути. В решении этих проблем огромную роль играет инициатива, творчество самих трудящихся.

В баптистской интерпретации, однако, трудовая деятельность утрачивает свой предметный характер и оценивается не с точки зрения ее социальных результатов, а лишь в плане субъективного отношения к ней человека. Такое понимание несомненно парализует общественные стимулы труда, мешает сделать его условием утверждения активной творческой личности.

«БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ»

В Новом завете описан эпизод, из которого следует, что любовь является центральным принципом христианской морали. На вопрос о том, какая наибольшая заповедь в законе, Христос ответил: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же, подобная ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». На сих

двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Матф., 22, 37—40).

Если познакомиться с различными христианскими течениями, то можно увидеть, что лозунг евангельской любви занимает почетное место в их моральных кодексах. Защитники христианства обычно расценивают такую любовь как символ и средоточие религиозной нравственности, а в провозглашении этого принципа видят главный вклад христианства в историю культуры, источник его облагораживающего влияния на развитие человеческого общества, на прогресс морали, нравов и т. д.

Лозунг любви рекламируется как важнейшее положение баптистской морали. Об этом говорит хотя бы тот факт, что свои молитвенные дома баптисты обычно украшают плакатом: «Бог есть любовь». Христианская любовь при этом обычно рассматривается в двух планах. Во-первых, как отличительная особенность взглядов и поведения члена церкви, следующего «живой» христианской вере. Во-вторых, как формула социальных отношений, на основе которой только и можно реформировать общество, избавиться от всех его пороков и в конце концов построить «царство божье на земле».

Принцип евангельской любви имеет много различных сторон и граней, на всех остановиться невозможно. Мы не будем анализировать роль этого принципа в эксплуататорском обществе; эта тема подробно разбиралась в нашей литературе. Гораздо важнее разобрать содержание данного требования и дать ему оценку применительно к социалистическому строю.

«Любовь» не относится к числу терминов, о значении которых принято справляться по словарю. Поэтому часто, когда речь заходит о религии, термин этот

понимается в обычном смысле, а специфика христианской концепции усматривается в том, что она призывает любить «всех» людей, а не только «некоторых». Но такой подход неправомерен — смысл «любви» в баптизме заметно отличается от общепринятого.

Это выясняется с первых же слов. Согласно баптистской догматике люди сами не склонны и не способны ни к чему доброму; будучи «чадами греха», они лишены черт высокой нравственности. Могут ли в таком случае люди следовать этому высшему требованию христианской морали — требованию любви? Нет, отвечает религиозный проповедник, сами по себе они на это не способны. Христианская любовь возникает и проявляется вовсе не как продолжение земных чувств и земного опыта человека. Своим происхождением она обязана исключительно воздействию святого духа. Таким образом, по мнению баптистов, это не обычное, «человеческое», а в корне отличное от него «божественное» свойство. Следовательно, нужно попытаться объяснить действительную природу и содержание принципа евангельской любви и на этой основе дать ему точную оценку.

Наивно полагать, будто лозунг христианской любви придуман богословами. Он обусловлен глубокими социальными корнями. Христианство сформировалось в эксплуататорском обществе, в котором социальные силы несли людям горе и страдания. В этих условиях все общественное воспринималось ими как враждебное, как средоточие зла и порока; спасения достоин лишь человек, очистившийся от влияния мира, от привязанности к «сокровищам земным» и противопоставивший им подлинные нравственные ценности. Эти идеи воплотились в христианской концепции общественного развития, согласно которой социальное зло

обусловлено не объективными законами, но определенным уровнем индивидуальной психики людей, а именно всеобщей и всепроникающей человеческой греховностью.

Поэтому, естественно, в качестве средства ликвидации социального зла, массовых страданий людей выдвигается требование переделки их индивидуальных нравственных качеств, избавления от порочного наследия Адама и Евы. Сам человек этого сделать не может. Человеческую греховность, возникшую по наущению дьявола, можно ликвидировать лишь путем божественной любви. А поэтому реформирование общества понимается как моральное совершенствование индивидов на основе принципа евангельской любви.

Таким образом, христианская любовь не есть непосредственное человеческое чувство. Это — выражение определенного мироощущения, определенной концепции способа реформирования общества. В основе своей это социологическая формула. Именно данная особенность и позволяет приписать ей «божественное» происхождение.

Каково же наше отношение к принципу евангельской любви? Разумеется, к оценке его следует подходить конкретно-исторически. В первоначальном христианстве идея равенства всех людей перед богом, лозунг любви к каждому имели определенное гуманное содержание, противостояли кастовости рабовладельческого общества. В прошлом, как мы знаем, идея мистического равенства людей во грехе нередко оказывалась оболочкой, скрывающей требование реального равенства.

В этом нет ничего удивительного.

«*Религиозное* убожество,— подчеркивал Маркс,— есть в одно и то же время *выражение* действительного убожества и *протест* против этого действительного

убожества» [1]. В определенных конкретных условиях лозунг евангельской любви может быть формой морального осуждения социального зла, выражением стремления найти опору для его ликвидации. В качестве примера сошлемся на воззрения Мартина Лютера Кинга, о котором мы уже говорили.

Но призыв к евангельской любви может выступить и в другой роли — как осуждение революционных преобразований, как призыв к примирению с социальным злом. Такова была действительная суть баптистской идеи «революции духа», которую они противопоставляли идеям научных социалистов. Так что всегда нужен конкретный анализ того содержания, которое этот лозунг имеет в данный момент, нужно понимание общественных явлений, в процессе развития которых он выдвигается.

С учетом всего сказанного мы должны оценить евангельский лозунг всеобщей любви в условиях социалистического общества. Часто можно услышать такое рассуждение: «Допустим, что в условиях общества, разделенного на антагонистические классы, требование всеобщей любви действительно на руку эксплуататорам. Но почему оно неприемлемо для социализма, где нет классовых антагонизмов и утверждается братство между людьми?» Вопрос этот далеко не простой.

Отметим прежде всего следующее. На наш взгляд, в религиозном призыве любить всех людей содержится определенный гуманный смысл. В самом деле, признавая социальную обусловленность жизни людей, зависимость их нравственных качеств от «преднаходимой» ими социальной обстановки, мы, естественно, подчеркиваем ответственность общества за судьбу любого

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 415.

человека. Жизнь человека мы признаем высшей ценностью, а создание условий для его действительного счастья, для всестороннего расцвета личности — первостепенной задачей общества. Наш идеал — сделать каждого человека счастливым и достойным любви. В мистифицированной, превратной форме эта идея содержится в анализируемом нами христианском лозунге. Но он существует не сам по себе, а выступает как фрагмент христианской идеологии, в которой его реальное «земное» содержание оказывается выхолощенным.

Разумеется, при оценке этого лозунга нельзя ограничиться количественной стороной дела: любить «всех» или только «некоторых». Главное, каково содержание этого лозунга. Что же должен любить баптист в своем ближнем?

Присмотримся повнимательней к самой структуре этого принципа, к механизму его воздействия на человека.

Любовь возрожденного верующего, говорят баптистские проповедники, отличается от низшей человеческой любви тем, что она совершенно бескорыстна и означает решительный отказ от эгоистических мыслей и чувств, отречение от «плотских интересов» и «животного блага». Весьма четкое разъяснение на этот счет мы находим в одной баптистской рукописи. «Отречься же от животного блага,— говорится в ней,— можно только ради блага духовного. А для этого надо признавать себя духовным существом. Самоотречение, стало быть, возможно только для человека религиозного, ибо любовь к себе, к своему животному «я» мешает любви к другим. Заставить себя любить другого, работать на него нельзя, ибо мы не властны в симпатии к другим. Можно только уменьшить любовь к себе. Человек же, не признающий себя духовным суще-

ством, не способен на самопожертвование ради другого».

Остановимся на этом высказывании.

Прежде всего отметим любопытную деталь. Баптисты претендуют на то, что раскрывают природу человека, не зависящую от общества, в котором он живет. На деле, оказывается, они описывают совершенно определенного человека — такого, для которого материальное преуспеяние выступает как стремление к «животному благу», как воинствующее эгоистическое чувство, несовместимое с «симпатией к другим» и заботой о них. Речь, таким образом, идет о характерных чертах буржуазной морали, о специфических буржуазных отношениях, которые и выдаются за естественные, извечно присущие людям. Это лишний раз показывает, что баптизм — буржуазная разновидность христианства.

Но, пожалуй, наиболее многозначительно описание процесса формирования в человеке качеств христианской любви. Он, естественно, совпадает с традиционной схемой «возрождения свыше», о которой уже говорилось: человек осознает себя погибшим грешником, «уменьшает любовь к себе», все отдает богу и в порядке компенсации за исчезнувшее чувство любви к себе приобретает любовь ко всем людям. Это пока лишь общая схема, не раскрывающая ни индивидуальной психологии христианской любви, ни ее «земной» социальной основы. Между тем эти проблемы достойны пристального внимания.

Решающим этапом «духовного возрождения» бывшего грешника в баптизме является тот момент, когда панический страх перед вечной погибелью сменяется уверенностью в личном спасении, следствием чего и оказывается чувство неизъяснимой любви и благодарности к богу. При этом, как мы уже знаем, баптизм

говорит, что единственным мотивом для избрания человека является беспредельная любовь бога, любовь, которая не может быть объяснена ни поведением, ни персональными добродетелями самого человека. Такое отношение бога, по мысли богослова, требует непременного взаимного чувства со стороны человека, ответной любви и благодарности.

Здесь отчетливо выступают два существенных момента христианской любви.

Во-первых, мотивы ее отчетливо индивидуалистичны. Любовь к людям, в сущности, оказывается порождением другой, более высокой любви — любви к богу, которая, в свою очередь, выступает как «ответное» чувство — благодарность за персональное спасение. Во-вторых, совершенно недвусмысленно выясняется взаимная зависимость двух видов любви. «Первым, основным видом любви» выступает любовь к богу, а «любовь к человеку, к ближнему, к брату своему — это второй, низший, вид любви» [1]. В утверждении этого баптизм совершенно категоричен: «Иногда наше сердце начинает привязываться к чему-то в этом мире — может быть, это какой-то человек, может быть, это какое-то сокровище,— тогда Дух святой опять указывает на Христа, в терновом венке, в ранах и кровию облитого, и говорит: «Ты хочешь полюбить кого-то или что-то больше, чем этого страдальца?!»» [2].

По мнению баптистских проповедников, лишь беспредельная любовь человека к богу создает возможность истинной любви ко всем людям, без чего подлинно нравственные отношения между людьми установиться не могут. Однако в провозглашении любви к богу «высшим» видом любви проявляется чисто эгоистический мотив. Проследим это подробнее.

[1] «Братский вестник», 1962, № 4, стр. 64.
[2] «Братский вестник», 1958, № 2, стр. 21.

Любовь к ближнему в баптизме выступает как чувство особого рода: оно «очищено» от социальной и индивидуальной обусловленности, является для ее владельца не собственным чувством, а результатом осознания в себе божественного духовного начала. Это не продолжение духовной жизни человека, а лишь «дар духа». Такая любовь не связана с духовным миром, симпатиями, потребностями, интересами самого человека, не несет отпечатка его индивидуальности.

Больше того, чувство любви оказывается независящим и от того объекта, на который направлено: ведь оно не зависит от оценки качеств того или иного человека. Моральный облик человека никакой роли для чувства любви играть не должен потому, что она оказывается лишь отблеском другой, «высшей» любви — любви к богу. В сущности говоря, это определенное состояние самого верующего — его ответная реакция на уведомление о личном спасении. Такова совершенно четкая индивидуально-психологическая подоплека евангельской любви ко всем людям. Фактически последняя оказывается оболочкой, скрывающей самодовольное ликование спасенного человека, в сущности глубоко безразличного к другим людям (во всяком случае, к их нравственным качествам).

Откуда же проистекает это внутреннее противоречие баптистской любви к ближнему?

Лозунг евангельской любви возник как требование гуманных отношений в обществе. Однако убеждение в том, что человек своими силами не может добиться торжества настоящей любви, привело к мысли, что она может существовать лишь как «божественный дар», как результат «избранничества», которое необходимо предполагает отказ от человеческих чувств, в том числе и от любви. В реальной же жизни лозунг любви к ближнему возник на основе личной заинтересован-

ности в получении божьих даров. В результате складывается своеобразная ситуация: эгоистическое по своим мотивам чувство (благодарность за личное спасение) принимает форму высшего гуманизма, продиктованного любовью ко всем людям.

Подлинная любовь к человеку должна проявляться в заботе о его действительном счастье, в создании условий для развития человеческой личности, для приобщения к культурным ценностям, в развитии интересов, потребностей и т. д. Личность человека, его духовный мир, интересы, склонности, нравственный облик и т. д. формируются лишь в общении с другими людьми. Совершенство личности человека прежде всего определяется тем, насколько активно он выступает как деятельное общественное существо, в какой мере глубоко усваивает и перерабатывает, делает «своими» достижения культуры. Не будем останавливаться на этих положениях — они достаточно известны. Подчеркнем лишь, что богатство человеческой личности зависит в значительной мере от богатства связей индивида с обществом, степени его причастности к общественным делам и духовным ценностям.

Баптистское вероучение, напротив, отстаивает представление об обществе как враждебной человеку силе, несущей ему лишь страдания. Условием возникновения в человеке чувства любви к другим оно ставит его отказ от общественных интересов, от уверенности в своих силах, от чувства творца и т. д. Он любит в человеке не его силу, не свободное проявление его индивидуальности, а его слабость, его отказ от самого себя. И он любит, собственно, лишь такого человека, осуждая, даже ненавидя человека, уверенного в своих силах. Какова роль принципа любви в социалистическом обществе, в какой мере он способствует нравственному воспитанию людей?

В нашей жизни еще немало трудностей, немало остатков старого быта, традиций. Существуют еще и преступники, и люди нечестные, бездушные. Они, естественно, сопротивляются всему новому, передовому, справедливому. Поэтому нужна решительная борьба, непримиримость к недостаткам.

Баптизм учит другому. Все, что выходит за рамки религиозной общины, все общественные интересы он объявляет проявлением «внешнего» человека. Он фактически зовет к примирению со всем косным, отживающим, со всем, что несет горе людям,— таков промысел божий. Тихий баптист, замкнувшийся в своей внутренней келье, объективно — т. е. независимо от своих намерений — оказывается союзником людей, нарушающих нашу мораль. Это, в общем, типичная философия обывателя, «обеспечившего» свои интересы. В реальной жизни лозунг любви ко всем выступает как выражение равнодушия к судьбам других людей и судьбам общества.

Вместе с тем, говоря о евангельской любви, нельзя забывать о том, что христианство категорически осуждает греховность и ее проявления в жизни. В современной баптистской проповеди мы найдем сколько угодно самых резких, злобных обличений мира и мирских радостей, примером которых для баптиста может служить любое благородное чувство, привязанность, поступок, если они несовместимы с идеалом человека «нищего духом». Это характерная черта христианской любви: по-настоящему верующий может любить или христианина или человека как потенциального верующего. Укажем в этой связи на следующий красноречивый факт. Как бы баптист ни любил другого человека, ему не разрешат вступить в брак, если речь идет не о единоверце. Так что, строго говоря, евангельская любовь носит далеко не всеобщий характер.

Таково содержание данного баптистского принципа. Разумеется, верующие, разделяя этот принцип, выделяют в нем отдельные стороны, по-своему истолковывают его содержание, находят свои основания для веры в него. В основе их веры лежат добрые чувства, искреннее желание добиться таких отношений в обществе, где все люди относились бы друг к другу с уважением и любовью и где каждый был бы достоин такой любви. Но есть объективное содержание этого принципа, которое не зависит от добрых или злых намерений. Речь, как мы видели, идет не о человеческой, а об особой, «божественной», любви, которая должна заменить первую. А это далеко не формальная процедура — она связана с отказом от представления о человеке как уверенном в своих силах, активном, деятельном существе. Баптист, правда, может сказать, что лозунг всеобщей человеческой любви ныне неосуществим, потому что в обществе немало людей, недостойных такого отношения. В этом он, разумеется, прав. Но тогда тем более нужно ставить вопрос о борьбе со всем косным, отживающим, со всякими проявлениями человеческой грубости и аморализма. Требования гуманизма и человеколюбия должны быть сформулированы как программа развития каждой человеческой личности, создания условий для приобщения к нравственной и духовной культуре всякого человека, как требование непримиримого отношения к тем, кто мешает этому. Но все это несовместимо с баптистской проповедью отказа от общественных ценностей и идеалов.

О БАПТИСТСКОМ УТЕШЕНИИ

«Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас» (Матф., 11, 28) — для многих поколений верующих эта бесхитростная фраза воплощала самую суть христианства. Не изнурительная богословская казуистика, не видимая стройность теологических доводов, а эта способность утешать, успокаивать, выражение сострадания к повседневному человеческому горю — вот что влекло верующих к религии. И они несли в церковь свои душевные недуги, призывали милостивого бога. Именно эта утешительная роль религии, созвучность ее идей настроениям «труждающихся и обремененных» прежде всего и объясняют живучесть религии в условиях превратного мира.

Рекламируя свою веру, современные защитники баптизма усиленно подчеркивают ее способность врачевать душевные раны, играть роль бальзама, облегчающего человеческие страдания. Претензии эти далеко не беспочвенны. Факты показывают, что состояние горя, несчастья, чувство страдания оказываются теми моментами в жизни человека, когда баптистские идеи способны сильнее всего повлиять на него. Здесь наиболее четко выступает суть, природа баптистской морали, сам механизм и причины ее влияния на людей. И дело, разумеется, не в «лицемерных» претензиях идеологов баптизма — дело в содержании христианского учения, которое позволяет такие претензии выдвигать.

Нередко бывает так, что доводы атеиста, казалось бы, неопровержимо удостоверяющие ненаучность баптистских идей, не производят на верующего особого впечатления. «Может быть, так оно и есть,— скажет он в ответ на рассказ о космосе,— но лишь баптизм

утешил меня в горе, помог преодолеть страдания. Я верю в христианство, потому что нахожу в нем отзвук моим чувствам и настроениям». И эта сторона религиозной веры, связанная с эмоциональным миром человека, порой ускользает от внимания атеиста, порождая у него представление о «фанатичной», «слепой» привязанности верующего к идеям, которые, казалось бы, не могут выдержать единоборства с безупречными научными истинами. Но такова особенность религии: она влияет на человека даже в том случае, если он и не осознает истинных причин своей религиозности. Вот почему наше представление о баптизме будет неполным, если мы не разберем суть, механизм предлагаемого им утешения.

Можно привести сколько угодно примеров, когда тяжелые физические страдания не приводят человека в отчаяние, не меняют его настроения, вызывают желание еще более упорно добиваться своих целей, даже ценой новых страданий. И напротив, нередко незначительные факты служат поводом для самых трагических переживаний.

В чем же дело? Оказывается, в довольно простом факте: отношение к любому внешнему событию зависит от внутреннего мира человека.

Человек сознательно определяет свои цели, свой круг жизни. Чувство страдания возникает тогда, когда есть конфликт, противоречие между этими намерениями и обстоятельствами, им препятствующими. При этом чувство отчаяния, горя (в отличие от чисто физического страдания) становится особенно острым, когда обстоятельства вторгаются в жизнь неожиданно, грубо, когда они не вытекают из прошлого поведения человека. Давно известно, что тяжело не столько страдание само по себе, сколько сознание его бессмысленности, несправедливости, незаслуженности.

Очевидно и другое. Если отношение к тому или иному неблагоприятному факту зависит от убеждений, от взглядов человека, то можно оказать воздействие на это отношение, хотя сам факт не изменится. На Западе мы находим разветвленную систему социальных наркотиков, призванных примирить людей с социальным злом. Этим занимаются радио, пресса, реклама, ссылаясь на неизбежность жертв во имя «интересов нации», спекулируя на понятии престижа, воспитывая ненависть к другим народам и т. д.

Приведенные соображения о природе страданий, разумеется, схематичны и улавливают лишь самые общие черты этого явления. Но они помогут нам лучше понять суть баптистского утешительства.

Каковы, вообще говоря, способы преодоления человеческих страданий?

В течение долгих веков общество регулировалось законами, которые неотвратимо порождали массовые страдания, обрекали миллионы людей на нищету и духовное рабство. В том случае, когда речь идет о страданиях, вызванных социальными причинами — классовой эксплуатацией, — всякая попытка подменить революционную борьбу утешительством, объявить горе естественным, неизбежным состоянием равнозначна предательству интересов трудящихся. Из этого исходили основоположники научного коммунизма, поставившие вопрос о ликвидации социального горя и беспощадно разоблачавшие всякие попытки примирить людей со злом.

Проблема, стоящая перед нами, имеет иной вид. В нашем обществе ликвидированы объективные причины, неизбежно вызывавшие страдания людей. Но нельзя сказать, что страдания и горе остались целиком в прошлом. В жизни встречается немало трудностей, и человек не всегда может их избежать.

Пора, однако, обратиться к конкретному анализу идей баптизма на этот счет.

Может показаться, что они достаточно известны и сводятся к призывам терпеть страдания, приветствовать горе как непременное условие грядущего райского блаженства. Подобного рода заявлений много в современной баптистской проповеди. «Скорби и испытания, — говорят богословы, — посылаются нам для блага наших душ» [1]. Жизнь человека на земле — это «непрестанное несение креста», а крест — это «самоотречение для Христа и его дел». Жизнь в мире всегда связана со страданиями, и они, следовательно, «безусловно необходимые страдания». Отсюда «извилистый путь скорбей — прямой путь к любящему сердцу бога».

Все эти рассуждения могут быть поняты, если мы учтем и другую христианскую идею, согласно которой земные страдания выступают как необходимая компенсация за небесное спасение. Баптистские проповедники энергично прививают верующим мысль о безусловной выгодности такой сделки: «Если бы мы знали, что нас ожидает, какое служение там в небесах, то мы поняли бы благословенность и пользу всех наших «темниц», то есть всех наших темных ночей, темных путей, темных событий в жизни» [2].

Подобные высказывания уже позволяют сделать вывод о том, что баптизм освящает и увековечивает человеческие страдания, объявляет их «естественным» состоянием земного бытия. Но это общее суждение еще не отражает специфики баптистского подхода к страданиям. Как мы увидим позже, баптисты выступают не за всякое страдание. Кроме того,— и это

---

[1] «Братский вестник», 1954, № 2, стр. 23.
[2] «Братский вестник», 1956, № 2, стр. 8.

наиболее существенно — они не призывают просто терпеть страдания как нечто внешнее, давящее на душу человека. Верующий должен страдания «преобразовывать в радость», чтобы баптизм стал для него не «религией слез и печали», а «жизнерадостным христианством». Жизнерадостность эта довольно своеобразна. Чтобы понять ее, надо выявить ту психологическую перестройку, которую баптистское утешительство производит в сознании человека, в его душе.

Христианство настаивает на мысли о неискоренимой трагичности, ненадежности человеческого бытия. Богословы подчеркивают, что земная жизнь неизбежно полна переживаний, горя, страданий, всякого рода бедствий, тревог и недугов. «Мы живем в такое время,— говорится в одной баптистской рукописи,— когда померкло если не солнце, то человеческое лицо: как много скорби отражает его чело, его преждевременные морщины и седина. Страдают все люди, и плохие и хорошие, и чем лучше человек, тем глубже его скорбь». Разумеется, такого рода идеи нас удивлять не должны — это испытанная реклама спасающей христианской веры. Важнее подчеркнуть другое: состояние скорби и горя расценивается как фундаментальная черта человеческого бытия, как синоним жизни в обществе.

В особенности много внимания уделяют проповеди страдания, воспеванию крестных мук идеологи Совета церквей ЕХБ. Приведем несколько выдержек из их проповедей. «Ничто так не доказывает искренность веры и любви божией в сердцах детей его к Отцу, как наша верность, стойкость, безропотность и благодарность в огне страданий»,— пишут они. Беззаветная преданность богу — вот причина страданий, говорят баптистские идеологи, «ибо без духа самоотречения и самопожертвования нет и не может быть успеха не

только в деле свидетельства о спасении, но и вообще христианской жизни». Более того, оказывается, «не страдать — это значит не участвовать в жизни, и ее страде, быть лишним и никчемным, обреченным на безработицу в самом жестоком смысле этого слова».

Речь идет не о «терпении страданий», к чему обычно призывает религиозная литература, а об их «преобразовании» в радость, в твердую опору религиозной жизни. «Ужасы войны, когда мы стояли лицом к лицу со смертью и лишены были всех привычных опор, многих из нас привели к богу». Именно в этом, в том, что человек утрачивает «все привычные опоры», приобретает «вражду к миру», без которой нет «любви к богу», и заключается, с точки зрения баптистов, «польза страданий». Специально выделяя «страдания за веру», баптистские идеологи объявляют их святыми, неизбежными, радостными для христианина. «Со стороны людей, не признающих Христа, я неизбежно должен терпеть гонения, насмешки, неодобрения всякой бескорыстной правды... В этом мире, где распят наш Господь, мы должны быть гонимы, если мы не в дружбе с этим миром».

Корни всех человеческих страданий богословы усматривают в факте изгнания из рая, «вызванного грехом неповиновения». Это довольно известный миф о грехопадении «первых человеков». Уже он позволяет выявить некоторые существенные черты баптистского утешения.

С одной стороны, все страдания (кроме «страданий за неправду» — о них позже) идут от бога. Т. е. причины их «внешни» по отношению к судьбе каждого человека, они не зависят от него самого и могут проявиться в самых различных обстоятельствах его жизни. Эта идея четко выражена в уже упоминавшейся

нами рукописи «От меня это было». В ней говорится: «Находишься ли ты в трудных обстоятельствах среди людей, которые тебя не понимают, не обращают внимания на то, что им приятно, а тебе неприятно, и тебя не замечают,— от меня это было. Я бог твой, руководящий обстоятельствами. Ты не случайно оказался на своем месте. Это то самое место, которое бог предназначил для тебя. Не просил ли ты, чтобы я научил тебя смирению. Так вот, знай: я поставил тебя как раз в ту школу, где этот урок преподается... Находишься ли ты в денежных затруднениях, трудно ли тебе сводить концы с концами,— от меня это было.

Я бог, руководящий тобою. Ибо я распоряжаюсь твоим состоянием, я хочу чтобы ты прибегал ко мне и был в зависимости от меня... Муж скорбей, изведавший болезни, я допустил то, чтобы ты остался лишенным земных утешений. Обманул ли тебя друг твой, которому ты открывал тайны сердца своего,— от меня это было. Я допустил это разочарование, коснулся тебя, чтобы ты познал, что лучший друг твой есть господь твой. Я хочу, чтобы ты все приносил мне и доверял. Наклеветал ли кто на тебя, предоставь то дело мне и прильни ближе ко мне — убежищу твоему... Разрушили ли твои планы, скорбишь ли ты душою, утомился ли,— от меня это было».

С другой стороны, оказывается, необходимость и неотвратимость страданий коренится все же не в боге, а в самом человеке. Баптистские богословы настойчиво подчеркивают, что грех произошел не по воле бога и не бог является причиной страданий. Грех совершил человек, и именно он (пусть даже как далекий потомок Адама и Евы) прежде всего ответствен за собственные страдания. Бог же, напротив, выступает в этой истории как лицо, оскорбленное в своих лучших чувствах и намерениях.

Получается весьма хитроумная схема. Тяготы жизни и страдания одновременно оказываются для человека и неизбежными, и необходимыми; они и зло, поскольку отражают влияние сатаны, и благо, так как являются залогом победы над ним. Они достаточно «внешни» для того, чтобы человек во всем видел промысл божий и покорялся всякой судьбе, и достаточно «внутренни», чтобы человек был в них заинтересован лично. Это план спасения, предложенный богом, но добровольно принятый к исполнению человеком. Они идут от бога, но выступают как реализация человеческих, внутренних, религиозных настроений и интересов. В результате складывается парадоксальное положение: человек заинтересован в собственных страданиях.

Такова причудливая метаморфоза угнетенного духа.

Силы, которые выступали для человека как бессмысленные, враждебные, христианство превращает в сознании человека в силы, служащие ему на пользу; «внешние» обстоятельства оно делает «внутренними», явления, которые воспринимались как случайные, оказываются закономерными, «естественными», а поэтому справедливыми. За горем, которое выступает как непосредственное человеческое чувство, оно открывает особую сферу высшей, божественной радости. Это, таким образом, не просто фатализм. «Мы принимаем страдание не как удары судьбы,— пишут проповедники СЦЕХБ, — ибо верим не в слепую судьбу, а в судью, в того, который праведно судит и изрекает судьбу, и даже не в судью, а в любящего отца, из рук которого мы принимаем испытания».

Баптисты называют этот процесс «преобразованием страданий», противопоставляемым простому терпению: «Можно терпеть, стиснув зубы, а можно прео-

долевать и преобразовывать страдание. Оно (страдание.— *Л. М.*) может быть камнем, давящим душу, а может сделаться скалою, на которую мы станем, как на твердую опору». Превращение страдания в «твердую опору» и есть проявление сокровенной тайны баптистского утешительства.

Теперь мы можем вернуться к традиционным фразам баптистов о пользе страданий и проследить логику их рассуждений. «Братский вестник» говорит совершенно определенно: «Миссия болезни... О, она великая и очень полезная!.. Она показывает нам наше человеческое бессилие!.. Появляется нужда в Утешителе, лучшем, чем люди» [1]. Здесь выявляется довольно любопытная логика: страдание полезно верующему в той мере, в какой оно демонстрирует ему собственное бессилие.

Разумеется, христианство само по себе не может стать ведущей причиной такой сложной и мучительной перестройки человеческого мировоззрения и психики, которой сопровождается «возрождение свыше». Религия может воздействовать на человека лишь в том случае, если ее идеи в чем-то окажутся созвучными собственному жизненному опыту человека, если для данного индивида они могут выступить как приемлемое «объяснение» этого опыта и вывод из него.

Что это за условия?

Религиозному мироощущению в наибольшей мере соответствует такая жизненная ситуация, в которой индивид ощущает себя во власти чужих и враждебных сил, которые ломают и разрушают его планы и желания, в обстоятельствах, которые не выступают как следствие его собственной активности. Это — состояние одиночества, ухода от общественных интере-

---

[1] «Братский вестник», 1955, № 5, стр. 69.

сов, от чувства соучастия в общественных успехах и намерениях. Такое мироощущение появляется у человека прежде всего в тяжелые минуты горя, несчастий, осознания краха надежд и т. д., когда подрывается чувство собственной независимости и достоинства. Именно такой человек, если он не ощущает поддержки общества, теряет к нему интерес, воспринимает его как нечто ему враждебное, оказывается легкой добычей христианских идей, оформляющих его настроение в цельную мировоззренческую систему.

Одним словом, дело не в том, что баптизм приветствует страдания — они возникают независимо от него. Баптизм возвеличивает их определенное воздействие на душу человека, объявляет их «полезными» в той мере, в какой они истязают, калечат, уродуют внутренний мир человека. Отсюда, естественно, наиболее «полезным» оказывается незаслуженное страдание — именно оно сильнее всего демонстрирует человеку уязвимость и призрачность самостоятельного человеческого благополучия, подрывает уверенность в своих силах. Эта идея четко формулируется «Братским вестником»: «Если христианина постиг незаслуженный удар, то этот удар он может расценить как желание господа увенчать его особой наградой на судилище Христовом» [1].

Баптизм не признает различия между радостью и горем, как таковыми. Сами по себе, в отрыве от баптистской идеологии и веры, они не существуют. Полезны или нет страдания, баптист сказать сможет лишь тогда, когда он узнает, каковы те мотивы, которые к нему привели, каков их нравственный результат. Какой вывод, так сказать, сделал из них человек. Неважно, радость это или горе, важно, чтобы и то и

---

[1] «Братский вестник», 1962, № 4, стр. 50.

другое приводило к Христу, возвеличивало в человеке божественное и унижало собственно человеческое. Баптизм за радость, но радость во Христе, он и за горесть, но горесть «внешнего» человека. В этой связи многозначительно то четкое различие, которое богословы проводят между «страданиями за неправду» и «страданиями за правду».

Приведем некоторые высказывания баптистов, намечающие своеобразную классификацию страданий в зависимости от характера намерений человека и от окружающей его обстановки. «Страдания за неправду,— говорит баптистский проповедник,— возникают тогда, когда человек попадает под власть греховных желаний», которые «нарушают смысл жизни, законы природы и чистоты». Это, поясняет он, страдания, связанные с «борьбой против Христа, во имя греха». Можно ли терпеть их? Ни в коем случае, говорит баптистский проповедник. «Эти страдания мы не должны терпеть, но устранять их, удалить их причину — грех». Святы лишь «страдания за веру», именно они мостят дорогу в райское царство и украшают христианина, как шрамы украшают воина.

Теперь можно поставить вопрос о механизме баптистского утешения. О том, что оно действует, спорить не приходится.

В чем же дело?

Подчеркнем прежде всего одно существенное обстоятельство. Невосприимчивым к страданиям оказывается не тот человек, который прежде ощущал их. Это способность «возрожденного» человека, способность, выступившая как побочный продукт этого «возрождения». А поэтому ключ к оценке вновь полученной способности лежит в понимании той глубокой мировоззренческой и психологической перестройки, которая произошла в «новом» человеке. О содержании

ее мы говорили раньше. Сейчас оттеним лишь некоторые принципиальные моменты.

Ощущение человеческого страдания, горя, говорили мы, возникает в условиях, когда налицо конфликт, противоречие между собственными планами, намерениями, идеалами человека и возможностью, ходом их осуществления. Эти желания, потребности выступают для человека, естественно, как личные индивидуальные желания, как проявление его персональных склонностей и потребностей. Но в основе своей, по самому своему происхождению, разумеется, они носят общественный характер. Страдания, как человеческие страдания, есть переживания человека как общественного существа, определяющего свое эмоциональное отношение к широкому кругу окружающих его явлений и событий.

Что ж, горе есть горе — от него не застрахован никто. Но к нему можно отнестись по-разному. Можно выстоять, сохранить прежние ценности и идеалы, настойчиво добиваясь их осуществления. Это путь признания трудностей и борьбы с ними. Можно поступить иначе: отказаться от того, что обусловило конфликт, от широких устремлений и интересов. Можно расценить их как несущественный момент жизни, как черту «неподлинного» существования, как нечто «внешнее», недостойное серьезных чувств и переживаний. Тогда конфликт исчезнет, потому что человек заранее принимает и оправдывает все, что с ним может случиться. Он получает свободу в суждениях о жизни, свободу, цена которой — равнодушие. Это безмятежность духовного убожества, бесстрастность мертвой мечты.

Невосприимчивость к страданиям достигается в баптизме ценой отказа от собственного духовного мира, от осознания себя активным общественным существом, имеющим свои интересы в мире Человеку,

«возрожденному» баптизмом, нечего искать в этом мире, не за что бороться, нечего переживать. Здесь у него нет проблем, удач и неудач.

Так что, строго говоря, в баптизме речь идет не об утешении в горе. Механизм баптистской морали ликвидирует само понятие горя. Это состояние духовного оцепенения, когда человек отключается от общественных интересов, страстей, переживаний. Здесь нет героев и нет потребностей в них, нет больших чувств и нет трагедий, нет настоящей жизни, с ее противоречиями, порывами, страстями. Истинная цена подобного рода утешения великолепно раскрыта в следующем высказывании молодого Гегеля: «Люди, купавшиеся с раннего возраста в мертвом море моральных пошлостей, выходят оттуда неуязвимыми, как Ахиллес, но нравственная сила их смывается в этом процессе».

БАПТИЗМ О «СМЫСЛЕ ЖИЗНИ»

В последнее время «проблема смысла жизни» стала желанной темой полемики с христианской, в том числе и с баптистской, моралью. На эту тему проводятся дискуссии, организуются опросы. При этом взгляды спорящих сторон известны заранее.

С баптистской точкой зрения на этот счет мы уже познакомились, когда цитировали высказывания «свидетелей оправдания» из рукописи «Суд над Библией». Они, вообще говоря, типичны. Только вера в Христа, говорят баптистские богословы, способна дать ответ на вопрос о смысле жизни, раскрыть конечную тайну бытия. Характерным примером такого рода рассуждений является статья И. С. Проханова «Что такое

жизнь ваша?», помещенная в журнале «Христианин» [1].

Обычно, говорится в ней, человек живет механически, не задумываясь о смысле совершающегося вокруг него. Но «человек — существо разумное, и потому ему надлежит отдавать себе отчет в том, что происходит с ним и вокруг него». Далее автор многозначительно кивает на данные современной астрономии, показывающие необъятность вселенной, перед которой жизнь отдельного человека кажется песчинкой. Людям, живущим без бога, продолжает И. С. Проханов, «невозможно ответить на вопрос: какая цель вашей жизни». А поэтому все, что они делают, не имеет для них определенного смысла. Для них нет смысла в том, чтобы быть нравственными и честными, нет смысла заботиться о других и т. п. Иное дело человек верующий: у него имеется определенная цель — «отдать жизнь тому, кто ее дал, то есть Творцу» и т. п.

Атеисты, разумеется, не согласны с таким решением вопроса и квалифицируют его как ложное, противопоставляют ему «научное решение вопроса о смысле жизни».

По нашему мнению, совершенно недостаточно сказать, что баптизм дает «ложное» решение проблемы «смысла жизни». С самого начала она стоит здесь в превратной, иллюзорной форме и сводится к поискам провиденциального «смысла», лежащего вне самого процесса жизни. Нужна не просто оценка религиозного решения этой проблемы, но и анализ самой ее постановки. В таком случае довольно скоро выясняется, что вопрос о «смысле жизни» сложнее, чем это может показаться на первый взгляд.

---

[1] См. «Христианин», 1924, № 1.

Прежде всего отметим, что в религии эта проблема стоит совсем не так, как это пытаются представить ее профессиональные защитники. И исторически и логически на уровне религиозного сознания она существует не как проблема смысла жизни, а как проблема жизни. Когда богослов выводит христианскую концепцию из противоречивости конечного существования человека и бесконечности существования человечества, из теоретического недоумения по поводу скоротечности земного пути, то он излагает не реальное содержание собственно религиозной точки зрения, а ту форму, в которой она выступает на уровне теологического мышления.

Как мы уже знаем, идея загробного воздаяния появляется не как ответ на некоторые острые умозрительные проблемы, а как результат отношения к определенному типу земной жизни — образу существования «низших слоев» Римской империи. Глубокие социальные причины обусловили саму мысль о божественном промысле, о смысле жизни, лежащем за пределами земного бытия. Причины эти известны, и нет необходимости останавливаться на них. Поскольку они сохранились и в последующие эпохи, христианские идеи оказались весьма живучими, и представление о провиденциальной цели бытия постоянно воспроизводилось в массовом сознании. В этой связи напомним мысль Маркса о том, что при капитализме труд, производственная деятельность оказываются для рабочего лишь средством сохранения своего физического существования. И тогда «сама жизнь оказывается лишь *средством к жизни*» [1].

Баптистская позиция раскрывается в характеристике тех процессов, которыми сопровождается «воз-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 565.

рождение свыше». Осознание себя «погибшим грешником», по мысли богословов, непременно предполагает отрицание человеком смысла земного существования самого по себе. Баптист отвергает свое прежнее существование как греховное, перенося эту оценку и на образ жизни всех людей, не являющихся верующими.

Осуждение «жизни без бога» довольно приглушенно звучит в официальной баптистской периодике. Обратимся поэтому к рукописной литературе. Вот, например, нравоучительная драма «Блудный сын», написанная евангелистским автором 20-х годов Н. Казаковым.

...Сын ушел от отца. С чем же он столкнулся в мире?

Форма бездушно пустая,
Радость бессильная нам принести,
Знай: вся красивость земная —
Танцы, театры, искусство и спорт —
Нет в них различья по сути:
Все лишь подкраска на собственный сорт
Жизненной грязи и мути.

И сын возвращается, потому что нет в мире якобы ни дружбы, ни любви, ни чести, ни чистоты, а есть только греховные животные порывы.

Нет меж вами
Смотрящих честными глазами.
Вся ваша жизнь — одни обманы,
Не люди вам нужны — карманы
Их привлекают вас к себе!

И здесь мы должны указать на одну характерную черту современной баптистской проповеди — все больший акцент на идее близкого конца света.

В качестве примера можно привести распространяемое в рукописных списках сочинение «2-е пришествие сына божьего Иисуса Христа». Упомянув о пред-

сказании второго пришествия, автор пишет: «В наше время это предсказание Христа Спасителя можно считать уже исполнившимся». Автора смущает лишь неисполнение пророчества о том, что «в состав церкви христовой... войдет Израиль». Но он настроен оптимистически: «Этого пророчества мы ожидаем в будущем». Тот же мотив мы находим в рукописи «XX век», где, например, говорится:

Когда глянешь кругом,
Не опишешь пером,
Все к погибели вечной готово.

Почему же эсхатологические идеи, вообще говоря для баптистов нехарактерные, вдруг зазвучали столь явственно? На наш взгляд, к этому имеются вполне определенные причины.

В условиях нашего общества происходит процесс все большего расхождения между религиозной идеологией и господствующей коммунистической идеологией. При этом социальная база баптизма все более сужается, его влияние сохраняется преимущественно среди тех социальных групп, которые слабее связаны со специфически социалистическими отношениями, производством, культурой. Т. е. разрыв между общинами и обществом, между религиозной идеологией и идеологией коммунистической все более углубляется, а церковь все более обнаруживает свой пережиточный в условиях социализма характер. Эти тенденции могут преломляться в религиозном сознании как симптомы конца света. К апокалиптическим мотивам религиозных проповедников толкает и стремление противопоставить мир баптистской праведности миру «человеческой» греховности. Если когда-то баптизм был формой буржуазного освоения мира, то теперь он стал формой ухода из мира, изоляции от него, а поэтому на место проповеди позитивных моральных добродетелей все

более выдвигается антиобщественная проповедь, когда все земное выступает для баптиста как нечто не имеющее смысла, как внешний фон их жизни, которого нельзя избежать.

Но вернемся к общей концепции баптистов.

Если земная жизнь без веры в бога греховна, безнравственна, то она бессмысленна и может вызвать в человеке лишь ощущение трагизма, крушения всего дорогого. Это настроение красноречиво передано в нехитрых «Стихах Светланы», которые в рукописном виде имеют хождение среди баптистов:

Делу — время, потехе — час!
А там, глядишь, — и нет уж нас.
Любви тепло и упование
На миг согреют — и до свиданья!

Подобные мотивы очень характерны для баптистской рукописной литературы, для настроений самих верующих.

Осуждение мира в баптистском учении выступает и как исходный момент баптистского «обращения» и как стимул к постоянному «духовному возрастанию», когда человек все более удаляется от «греховного мира». Это своеобразная реклама баптистских общин.

Если главное для верующего — достичь райского блаженства, то земная жизнь приобретает в глазах человека особый вид. «Все мы путешественники в небесный Ханаан...— пишет «Братский вестник».— На нашем поезде указан маршрут Земля — Небо, или, еще точнее: Земля — Христос» [1]. Человек должен чувствовать себя странником в земной жизни, потому что «истинный христианин — это странник в небесную отчизну» [2]. Эта отчизна и есть «наша настоящая истин-

---

[1] «Братский вестник», 1947, № 1, стр. 37.
[2] «Братский вестник», 1961, № 5-6, стр. 111.

ная жизнь, жизнь, полная радостей и счастья», что же касается земной жизни, то это лишь «подготовка к вступлению в вечную жизнь»[1]. А поэтому человек должен всего себя посвятить Христу — это «жемчужина, которая дороже всех сокровищ в мире... Мы поместили эту жемчужину на престоле нашего сердца и сделали ее целью и смыслом нашей жизни»[2].

Такова в общих чертах баптистская концепция «смысла жизни». Суть ее, как мы видели, заключается в том, что земное существование человека расценивается как этап достижения «небесного Ханаана». Т. е. цель жизни, «смысл» ее отыскиваются не в ней самой, а вне ее. Лишь учение Христа, говорят баптисты, «придает великий смысл и ценность всему земному существованию человека».

Здесь мы сталкиваемся с довольно тонкой и принципиальной проблемой.

Религиозный идеал не есть нечто «извне» навязанное человеку — это выраженный в мистифицированной форме реальный социальный опыт индивида. Баптизм — это не теория неба, это прежде всего определенный способ истолкования земной жизни. Так что действительная зависимость носит обратный характер: определенного рода земная жизнь придает смысл и значение небесному идеалу, который, в свою очередь, не «отвлекает» человека от реальности, а, напротив, «привлекает» к особому образу жизни, выдвигая перед человеком свои нравственные нормы. Баптистская концепция не потому оказывает воздействие на людей, что она содержит «отрицательные» рекомендации, указывает, что человек не должен делать, чем не должен заниматься. Иными словами, противопостав-

---

[1] «Братский вестник», 1962, № 3, стр. 44.
[2] «Братский вестник», 1961, № 5-6, стр. 112.

ление «небесного» и «земного» идеалов есть форма противопоставления разных типов социального опыта, а призыв к «небесному Ханаану» есть способ утверждения определенной земной жизнедеятельности. Баптистский идеал воздействует на человека потому, что формулирует перед ним «позитивную» программу, играет роль формы приспособления к жизни.

А поэтому, когда мы читаем заявление баптиста о том, что учение Христа придало смысл всей земной жизни, то слово «всей» нужно понимать не в смысле «в целом», но главным образом в смысле «всей повседневной жизни, жизни во всех ее проявлениях». Центр тяжести баптистской концепции «избранности» вовсе не в том, что верующему отныне гарантировано вечное спасение, а в определенной концепции земной жизни. Таким образом, идеал небесной жизни и земной, как это ни парадоксально, меняется местами. И это нередко находит прямое отражение в рассуждениях баптистов.

Сошлемся на «Братский вестник». «В тех областях,— говорится в нем,— где мы движемся, зрением необходимо твердо установить цель, прежде чем назначить направление; в области, где нами руководит вера, самым главным является путь, а конечная цель — вопросом второстепенным» [1]. И далее совсем неожиданное заявление: «Что представляет небо, где оно находится, как в нем вкушается счастье — являются вопросами совершенно излишними для души, открывшей путь к божеству» [2]. Баптистские проповедники часто осуждают презрение к земной жизни, уход от активного к ней отношения. Они говорят: «Мы должны любить и ценить нашу земную жизнь» [3].

[1] «Братский вестник», 1949, № 2, стр. 67.
[2] Там же.
[3] «Братский вестник», 1963, № 1, стр. 50.

Подобного рода заявления порой расцениваются как проявление «приспособления религии к нашей современной обстановке». Это иллюзия. В данном случае перед нами лишь раскрытие внутреннего смысла учения баптизма о месте и содержании земной жизни.

Здесь логично рассмотреть отношение баптистов к добрым делам, т. е. к строгому соблюдению норм христианской морали. Как мы уже отмечали, по мнению баптистских идеологов, добрыми делами человек не может заслужить спасения — это прерогатива личной веры. Но это вовсе не значит, что баптизм отвергает добрые дела — он настойчиво рекомендует программу нравственного поведения людей, причем программу весьма жесткую. Нововведение протестантов заключалось только в том, что на место церковных добрых дел были поставлены индивидуальные добрые дела. Такая замена необходимо связана и с другой особенностью: в концепции спасения добрые дела и уверенность в обретении царства небесного меняются местами.

Для католицизма и православия добрые дела, творимые при бдительном и небескорыстном пастырском руководстве, предшествуют спасению, служат его залогом. В баптизме добрые дела выступают как плод «избрания», как непременный результат воздействия святого духа. Кстати сказать, такой подход, кажется, лучше гармонирует с культом страдающего и всемилостивого бога: Христос уже спас людей, и они должны вернуть ему долг. Компенсация за творимую праведность выступает не в виде проблематичного спасения, а в виде уже приобретенного векселя на небесное блаженство. Его нужно «только» погасить.

В этой связи следует сказать несколько слов о той апологии смерти, которая явственно звучит в современной баптистской проповеди. «Мы живем одной

светлой надеждой,— говорит на этот счет «Братский вестник»,— что наступит благословенный час, когда, избавившись от бренного тела, мы будем облечены в новое небесное, бессмертное тело, без всяких недостатков и влечений ко греху» [1]. Всю жизнь, говорят баптистские авторитеты, человек ищет «свет Христа». Но, оказывается, «на одрах смерти детей господних является с особой силой этот чудный свет Христа» [2].

Не стоит в этих высказываниях усматривать призыв к добровольной смерти. Их сокровенный смысл в ином. Не в том, чтобы доказать, что настоящей является лишь небесная жизнь, а в том, чтобы объявить «ненастоящей» земную.

О БАПТИСТСКОМ НРАВСТВЕННОМ ИДЕАЛЕ

До сих пор мы касались отдельных проблем баптистской морали. Теперь настало время подвести некоторые итоги и поставить вопрос о баптистском нравственном идеале в целом, о том типе человека, который, по мнению идеологов баптизма, наиболее соответствует нормам христианской морали. В какой-то мере нам придется суммировать многое из того, что уже говорилось прежде.

Как известно, православие в качестве высшего идеала расценивает святых угодников. Образная картина их подвигов дается «Журналом Московской патриархии»: «Мужчины и женщины, томимые жаждой общения с богом, оставляют свои дома и семьи, идут в леса, взбираются на камни и столпы с тем, чтобы в подвигах молитвы, поста и изнурения плоти служить

---

[1] «Братский вестник», 1956, № 1, стр. 47.
[2] «Братский вестник», 1957, № 2, стр. 72.

господу». Подобный физический аскетизм баптисты безоговорочно отрицают, выдвигая идеал деятельного и жизнерадостного христианства. «История христианства знает немало примеров, когда люди изнуряли свое тело, уединялись в пустыни и в леса. Но это неверный путь. Христос не зовет своих последователей убегать от мира, а призывает их, живя среди людей этого мира, светить светом Христа» [1]. По мнению баптистов, нет особой сферы проявления религиозной жизни, отличной от сферы повседневной деятельности человека. Жизнь человека и есть его религиозная жизнь. «У нас привычка как-то отделять христианскую жизнь от жизни вообще, работу на ниве божией — от нашей работы обыденной. Это — ошибка. Если мы живем так, как нам жить и следует,— все что мы делаем, есть дело Христово» [2]. Отсюда и общий принцип: «Чада божии должны не уходить из мира, но будучи в мире, быть «не от мира»» [3].

Баптизм как бы вбирает в себя всю эмпирически находимую сферу человеческих взаимоотношений и «осваивает» ее как нормы поведения религиозного человека. В «Братском вестнике» по этому поводу сказано: «Будем с покорностью и уважением относиться к своей власти. Прежде всего государственной! Затем к начальнику на работе, к начальству в школе, к руководителям наших церквей, к родителям, как к власти в семье. Жены к своим мужьям, как к своим главам, домашние работницы к своим хозяевам... Мы все призываемся к повиновению им не только из страха наказания, но и по совести. Это значит — повиноваться радостно, с удовольствием, с улыбкой на лице! Платить подати, налоги, все, что с нас причитается

[1] «Братский вестник», 1961, № 2, стр. 28.
[2] «Братский вестник», 1948, № 1, стр. 16.
[3] «Братский вестник», 1948, № 2, стр. 41.

(квартирная плата, электричество, газ, займы), охотно, во-время, и тоже радостно, с улыбкой!» [1].

Эта точка зрения полностью разделяется рядовыми верующими. «Мы должны жить с миром,— как-то сказала нам пожилая баптистка,— не так как раньше отшельники — уходили в пустыню. Зачем это? И когда нас готовили к крещению, я спрашивала: можно ли смотреть телевизор? Мне сказали, что можно и нужно знать, что вокруг тебя делается, но чтобы это не отвлекало от бога, чтобы все виденное понимать как следует». О том, что значит баптистское «как следует», мы уже говорили.

По мнению баптистов, первым следствием обращения является разрыв со всевозможными грехами, с безнравственным поведением. Рассказывая о своей жизни, они обычно подчеркивают, что раньше были пьяницами, а после вступления в общину бросили пить и курить, перестали ругаться, стали бережливыми и т. д. Т. е. проводится мысль о том, что различение греховности и праведности в баптизме совпадает с общепринятым различением морального и аморального поведения. При этом на первый план выдвигаются нормы повседневного, бытового поведения. Иными словами, за наиболее бесспорные и убедительные свидетельства разумности и возвышенности баптистской морали выдаются все те же факты отказа от пьянства, курения, сквернословия. Подобные рассуждения не следует принимать всерьез: суть баптистской морали составляет особое истолкование места человека в обществе, характера его потребностей, интересов, его общественного долга и т. д. А бытовые нормы — это внешняя и далеко не главная сторона баптистской морали.

---

[1] «Братский вестник», 1955, № 3-4, стр. 47.

В баптизме отношения бога и человека носят, так сказать, персональный характер. Бог относится к данному человеку как к особому, «избранному» индивиду. В свою очередь, для человека бог выступает прежде всего как его спаситель, иными словами, как личный бог.

Для верующего главными, основоположными должны стать не его отношения в обществе — с другими людьми, а отношение с богом. «Наш господь бог — ревнитель. Он требует от нас все сердце, всю жизнь, все наши таланты и способности должны быть употреблены для его славы. В нашем сердце не должно быть других богов, не должно быть идеалов, которым мы бы отдавали часть нашего существа, не должно быть привязанностей, которым мы воздавали бы божескую славу и которые препятствовали бы нам идти вслед за ним в небесную отчизну». Смысл «духовного возрождения» заключается не в отказе от радостей и интересов вообще, а в отказе от радостей и интересов человека как активного, деятельного существа, уверенного в своих силах. Для баптиста можно порвать не фактические связи с обществом, а парализовать духовные связи с ним, отказаться от признания их существенности и важности для «человеческого сердца».

Требование баптистской «духовности» есть требование выхолащивания реального содержания из социальной жизни. Это в равной мере относится как к связям человека с обществом, типу деятельности человека, так и к идеологии, культуре, общественным интересам и привязанностям. Все они могут быть признаны верующим лишь как оболочка, как декорация. Отсюда и основоположная баптистская формула: «Чтобы приобрести царство божие, или царство небесное, надо иметь «нищее духом» сердце, то есть

сердце опустошенное, свободное от всех сокровищ земли»[1].

Продолжим параллель с православным идеалом благочестия. Если мы рассмотрим смысл и содержание различных форм иночества, то увидим, что подвиги оцениваются тем выше, чем полнее удается человеку отгородиться от того, что собственно и делает его человеком: общения с людьми, речи, разума и т. д. И в той мере, в которой его поведение выступает как неестественное (даже противоестественное) человеческое поведение, он считается приблизившимся к жизни «ангелоподобной»[2]. В своих существенных пунктах баптизм воспроизводит этот идеал. Для него главное также заключается в том, чтобы вытравить сознание общественного человека. Человек не должен бежать

---

[1] «Братский вестник», 1957, № 1, стр. 42.

[2] Напомним эту иерархию. «Частные виды иноческого жития:

Отшельничество — совершенное уединение и удаление того или иного подвижника в пустыню, чтобы не иметь никакого общения с людьми.

Затворничество — заключение в тесную келью или пещеру ищущего нравственного усовершенствования и безвыходное там пребывание...

Столпничество — обет непрестанного стояния на столпе.

Постничество — жизнь в особом воздержании от пищи и питья, по которому некоторые святые подвижники имели обыкновение вкушать пищу через два, пять, семь и более дней, и притом самую простую, скудную.

Молчальничество, или безмолвие,— обет молчания и как бы отречение от дара слова...

Юродство ради Христа — это самый труднейший подвиг христианской жизни. Юродивые ради Христа — это такие люди, которые при полных умственных способностях и при высоком нравственном совершенстве притворялись лишенными разума, дурачками. Слыть за полоумного — это тяжелый подвиг, а подвергаться насмешкам и обидам со стороны людей — это высокое самопожертвование» (*М. Менстров.* Уроки по христианскому православному нравоучению, стр. 268—271).

от мира, говорят идеологи баптизма, он должен удалиться в самого себя. Он не должен бежать в пустыню, он должен создать ее внутри себя. «Пустыня — это прекрасная школа для нашего внутреннего человека. Наедине с господом! — вот сущность пустыни. Нам она особенно необходима: мы живем в век машин»[1]. Человек не должен переселяться в монастырскую келью, эта келья должна быть внутри его. Духовность человека должна представлять собой «комнату с затворенной дверью».

Весьма образно эта мысль была передана одним баптистским проповедником из Воронежа. «Один человек,— говорил он,— стоял в телефонной будке, переговариваясь с кем-то, но никак не мог понять слов человека, с ним говорившего. Он все время повторял: «Не слышу. Плохо работает телефон». Стоявший рядом человек сказал ему: «Если вы не закроете дверь, то и не услышите ничего». Закрыв дверь, он ясно услышал голос говорившего с ним по телефону. Некоторые люди плохо слышат Христа потому, что не закрывают свою дверь. Голос человеческий и голос божий смешиваются в ушах их. Часто в этом виновата дверь — закройте ее, и вы ясно услышите, что говорит господь». Словом, суть «внутреннего», «духовного» аскетизма баптистов заключается в том, что происходит «отделение человека от чувственного внешнего мира, насильственное погружение его в его абстрактный внутренний мир», в «монастырь бездеятельной совести и сознания своей греховности»[2]. Отсюда постоянная проповедь неприязни к «миру», отсюда характерные баптистские призывы: «Мир полюбишь — тебя он сгубит», «От мира отвратитесь», «Не отдавайте дружбы миру» и т. д.

---

[1] «Братский вестник», 1955, № 6, стр. 8.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 196.

Содержание тех чувств и настроений, которые религиозным идеологом расцениваются как «мирские», «плотские», носит конкретно-исторический характер. Например, в странах Запада сохраняются и всячески поощряются научные исследования, обосновывающие религиозное миросозерцание, произведения литературы и искусства, защищающие религию, и т. д. Поэтому занятия такого рода наукой, литературой, искусством вполне совместимы с религиозным идеалом.

Принципиально иное положение существует в условиях социализма. Наше общество отвергает религию по самой своей природе, по реальным социальным отношениям, по господствующим в нем идеям. Общественная деятельность и общественная психология, нравственные стимулы и моральные нормы, искусство и культура в целом — все это носит открыто атеистический характер, а поэтому, естественно, выглядит плотским, безбожным, неприемлемым с точки зрения христианского миросозерцания и зачисляется в мир греха. Поэтому противопоставление религиозного и мирского человека, сферы религиозного благочестия и плотской греховности касается не просто противопоставления определенного рода духовных ценностей, интересов и т. д. Речь идет — и это, пожалуй, главное обстоятельство при оценке баптистской этики — о том, что баптистский идеал относит в разряд греховной важнейшие сферы человеческой общественной деятельности — занятия наукой, культурой, искусством и т. д.

И это обстоятельство особенно рельефно оттеняет отрицательное воздействие баптизма на развитие человеческой личности.

Глава IV

ЦЕРКОВЬ

До сих пор баптизм выступал перед нами преимущественно как совокупность определенных догм и принципов, как особая идеологическая система. Конечно, идеи, о которых мы говорили, фигурируют не только в религиозных изданиях и речах проповедников. Это взгляды, убеждения, настроения тысяч и тысяч людей, содержание их духовной жизни. Именно эта непосредственная реальная форма существования баптизма нас больше всего интересует. Но при этом следует учитывать весьма существенное обстоятельство. Верующий человек не существует изолированно, как некий автономный носитель религиозных взглядов. Он включен в коллектив верующих — в религиозную общину, которая образует своеобразную первичную ячейку баптистской церкви. Именно здесь непосредственно, в действии выступают те религиозные идеи, о которых мы говорили, здесь находят свое практическое воплощение общие догматические и моральные принципы баптизма.

Специфические особенности баптизма в значительной мере связаны с его организацией, культом, характером миссионерской деятельности. Это естественно. Исторически протестантизм формировался прежде всего как реакция на социальную деятельность католической церкви, на ее церковную практику, которая выступала в виде определенного церковного культа: системы праздников, обрядов, таинств и т. д. Реформация католической церкви коснулась всех ее сторон: догматики, моральных принципов, церкви, культа. Но наиболее заметно, осязательно она выступила именно в последнем. Эта сторона баптизма заслуживает специального анализа.

Знакомство с организацией баптистской церкви вместе с тем дает нам возможность представить себе баптизм как реальный социальный институт, его место в нашем обществе, взаимоотношение религиозных коллективов с другими социальными группами и т. д. На этой основе можно будет поставить и такие существенные вопросы, как вопрос о причинах живучести баптизма в условиях социализма, о степени его влияния среди различных категорий населения и т. д.

БАПТИСТСКАЯ ОБЩИНА

Практическая деятельность баптистов осуществляется в рамках определенной организации — церкви.

Баптистская концепция церкви опирается на идею «избранности» истинных «детей божьих» к спасению. Генеалогию этого учения можно вести от идеи «града божьего» Августина Аврелия. Непосредственным же источником баптистского учения послужили рассуждения Лютера о так называемых невидимой и видимой церквах.

Баптисты различают три вида церкви: вселенскую, поместную и домашнюю. Все люди, «призванные» богом для спасения, образуют невидимую вселенскую церковь, которая представляет собой «собрание искупленных (покаявшихся, обращенных и возрожденных) душ всех веков, из всех народов, из всех поместных церквей (общин) или домашних церквей (христианских семейств) на земле, как и на небе, то есть во всей вселенной» [1].

Верующие, находящиеся в одной местности, образуют поместную церковь — общину. Кроме того, баптисты специально выделяют домашнюю церковь — «собрание возрожденных душ, принадлежащих к одному дому или семье».

Таким образом, для баптистов церковь — это не особое здание — храм, не носительница особой божественной благодати, не посредница и т. д., а прежде всего коллектив верующих, «собрание возрожденных душ»:

Не храм, не золотое зданье,
Не круг отобранных друзей,
Христова церковь есть собранье
Христом искупленных людей [2].

Баптисты обычно подчеркивают демократизм своей организации, противопоставляя его иерархической структуре католической (православной) церкви. Эта черта действительно была присуща баптизму на ранних этапах. Но превращение баптистской церкви в социальный институт капиталистического общества неизбежно привело к образованию бюрократически-иерархической системы.

---

[1] «Братский вестник», 1948, № 4, стр. 25.
[2] «Братский вестник», 1947, № 1, стр. 14.

Во главе общины стоит пресвитер, который «поставляется на служение» при помощи рукоположения. Последнее — особый акт благословения, утверждение в ранге профессионального служителя и руководителя общины. При этом баптисты, в отличие от евангельских христиан, всегда подчеркивали важность рукоположения и лишь за рукоположенными пресвитерами признавали право совершать обряды. Они подчеркивали не момент избрания пресвитера религиозной общины и зависимость его от последней, а практику назначения. «Хотя пресвитеры избираются из церкви,— писал известный баптистский идеолог В. В. Иванов,— но от церкви не зависят, ибо церковь в сем случае является лишь служебным орудием святого духа, который... делает свое дело, так что пресвитеры происходят не от церкви, а от триединого бога» [1]. В настоящее время под влиянием традиции евангельских христиан такое противопоставление не проводится [2], но руководство церкви стремится иметь во всех общинах рукоположенных пресвитеров, чтобы лучше контролировать деятельность церкви.

Руководителем общин определенной местности является старший пресвитер, назначаемый руководством церкви. Он имеет право рукополагать пресвитеров и наблюдает за деятельностью общин. Это баптистский вариант православного епископа. Наконец, во главе церкви стоит Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов, «избираемый на съезде и осуществляющий текущее руководство церковью».

Как отмечалось, факт «избранности», по учению баптистов, проявляется в «возрождении свыше», в особом душевном состоянии и поведении человека. По-

[1] «Баптист», 1907, № 5, стр. 14.
[2] См., например, «Братский вестник», 1948, № 4, стр. 27—28.

этому в общину принимаются лишь люди, прошедшие этот этап, что символизируется фактом специального крещения по вере. Мы уже отмечали, что этапы воздействия святого духа на человека отражают смену состояний «обращающегося» в религию человека. Баптистское учение о церкви как бы практически закрепляет и организационно оформляет эти этапы.

Верующий вступает в общину лишь на основе «сознательной веры» и собственного желания. При этом баптисты придают огромное значение различению истинного, божественного «обращения» и «обращения» неистинного, человеческого. Первое, с их точки зрения, непременно связано с определенными изменениями в психологии, взглядах и поведении человека. Именно поэтому приему каждого человека в общину предшествует своеобразный испытательный срок, который обычно длится один-два года. Эта процедура имеет четкое догматическое обоснование. Как указывалось, воздействие на человека святого духа проводит верующего через три этапа: «покаяние», «обращение» и «возрождение свыше». Лишь последний акт делает верующего членом церкви. Кандидаты в общину — это люди, прошедшие два первых этапа, т. е. «обратившиеся» к богу. Отсюда и их обычное наименование — «обращенные».

В течение всего этого периода за кандидатом тщательно «надзирают» и, лишь придя к выводу, что он испытал воздействие святого духа, допускают к крещению. Самому акту крещения порой предшествует религиозное собеседование, на котором проверяются как серьезность намерений кандидата, так и степень его знания Библии. Нередко устраивается настоящий экзамен. В качестве пособия к нему в баптистских общинах можно встретить рукописные «вопросы и от-

веты», своеобразные экзаменационные билеты и шпаргалки к ним [1].

Лишь человек, крещенный по вере, признается полноправным членом церкви.

Противопоставление церковной и мирской деятельности в баптизме выступает как противопоставление жизни общины и всего остального общества. При этом повседневная жизнь в рамках общины выступает как олицетворение религиозной жизни, как функционирование «колонии небожителей». Таким образом, идеологическое противопоставление мира «горнего» и мира «дольнего» получает свое организационное оформление, а в общине верующий находит тот реальный коллектив, который он противопоставляет всякому иному коллективу и всякой иной организации.

Объединение в общину осуществляется на основе общей для всех веры в Иисуса Христа. Это призма, через которую рассматриваются и оцениваются отношения и внутри общины и вне ее. Поэтому в деятельности общин ощутима тенденция подчинить поступки и интересы людей принципам баптизма. Конкретно это проявляется в том, что руководители общины стремятся распространить свое влияние на все стороны жизни и поведения человека, полностью замкнуть его переживания и интересы рамками общины. Отсюда целый ряд характерных явлений в деятельности современной баптистской церкви.

---

[1] Одна баптистка, живущая в Подмосковье, говорила нам: «Как проходит крещение? Испытание нужно обязательно. Как кто скажет, что он желает,— с ним начинают заниматься. Вот часто у меня в комнате собирались, изучали Библию, нашу веру. В это время следили за поведением. А как же иначе? А потом устраивали испытания». Кстати сказать, встречались баптисты, которые смогли сдать «экзамен на веру» лишь со второго, а то и с третьего раза.

Пресвитеры многих общин не ограничивают совместную деятельность верующих лишь молитвенными собраниями, но проводят мероприятия, выходящие за рамки религиозного культа. Это кружки рукоделия, кройки и шитья, репетиции музыкальных коллективов, спевки хора, обучение музыке и т. д. Одним словом, организуется целая система мероприятий, в которых участвуют лишь члены общины, мероприятий, в той или иной форме направленных на укрепление религиозной веры. На этот счет у баптистских руководителей есть свое объяснение. Они постоянно говорят о необходимости укрепления «тела Христова», т. е. своей церкви, и принимают все меры, чтобы наряду с внешней организацией — общиной — выработать внутреннюю баптистскую организацию.

В каждой общине за верующими закрепляются определенные участки работы. Одни посещают больных, другие следят за помещением, третьи держат связь с соседними общинами и т. п. Особое внимание уделяется укреплению позиций баптизма в семье. Руководители многих общин всячески поощряют собрания и встречи верующих на частных квартирах, проводят разного рода «библейские часы», совместные прогулки, экскурсии, беседы на религиозные темы и т. д. Эта тенденция особенно заметно проявляется в больших общинах, религиозная жизнь которых не ограничивается общими молитвенными собраниями. Обычно община распадается на несколько групп, каждая из которых тяготеет к определенной территории. Верующие, живущие по соседству, устанавливают формы совместной деятельности, организуют «подсобные» молитвенные собрания.

Внутренняя организация играет огромную роль в деятельности общины, оказывает решающее влияние на взгляды верующих, формируя их отношения к теку-

щим событиям, закрепляя личные связи, общие убеждения и т. д. Во время одной из научных экспедиций мы записали такие слова баптистки: «У проповедников и пресвитеров собираются верующие, читают и обсуждают отрывки из Библии. Проповедники и старшие братья часто бывают у верующих. Да и верующие собираются сами. Вот у меня часто собираются. Если кто болен, проповедник идет к нему домой: у нас есть братья и сестры, которые следят за этим. Как только кто заболеет, мы навещаем их, ободряем».

Тот факт, что пресвитер знает всех верующих и те также (за исключением лишь нескольких крупных общин) знают друг друга, позволяет общине и руководителю знать жизнь и поведение каждого человека, быстро реагировать на малейшие его отклонения от норм баптистской жизни. Именно это требование руководители церкви предъявляют к пресвитерам: «Каждый пастырь должен знать свое стадо. Знать и здоровых, и больных, и кротких, и буйных овец, имея к каждой соответствующий пастырский подход и надзирая за жизнью их» [1].

Одним из ярких примеров стремления баптистских руководителей пронизать религиозной верой всю жизнь баптиста и строго регламентировать его поведение может послужить отношение баптистов к браку.

Надо сказать, что среди идей, рекламирующих достоинства баптистской веры, часто выступают рассуждения о «святости» христианской семьи в противоположность «разврату» и круговращению «похоти», которые, по мнению баптистских проповедников, составляют неустранимую и характерную черту жизни «мира». Такой упор на проблемы брака и семьи для баптистов характерен. Они рассматривают семью как

[1] «Братский вестник», 1947, № 2, стр. 29.

домашнюю церковь, как важное поприще проявления повседневного христианского благочестия, как сокровенный оплот веры. Поэтому они стремятся пронизать семейные отношения религиозными идеями, подчинить человеческие чувства христианизированным эмоциям.

Анализ воззрений на этот счет позволяет выявить новые стороны баптистского нравственного идеала. Наиболее поучительной оказывается рукопись «Братский совет молодым христианам», которая ныне имеет хождение среди баптистов, в особенности среди сторонников СЦЕХБ. Во второй части этого документа разбирается вопрос «О чистоте пути своего в личной, семейной и церковной жизни». Здесь, собственно, раскрываются различные аспекты проблемы взаимоотношения юношей и девушек в баптистской общине.

«Одно из губительных действий похоти плоти,— говорится в рукописи,— производится в брачном возрасте. Часто христианская молодежь не способна различать тонкие действия обольщения похоти плоти и впадает в такой грех, как брак верующих с невозрожденными или даже не членами Церкви». Далее совершенно категорически формулируется запрещение брака последователя баптистской церкви с неверующей или инаковерующей стороной. «Бракосочетание члена церкви с представителем любого другого вероучения, не состоящего из духовно возрожденных лиц или утративших таковое, следует считать также неистинным и являющимся не чем иным, как фактом духовного блуда». Данное правило является общепринятым среди баптистских общин, и аналогичные запреты часто высказываются на страницах «Братского вестника» [1]. Они закономерно вытекают из общих принципов баптистской морали. Здесь брак и супружеская

[1] См., например, «Братский вестник», 1947, № 1, стр. 66.

жизнь рассматриваются не как результат непосредственных человеческих чувств, а как побочная форма проявления верности христианским заветам. Таким образом, происходит явное столкновение живого человеческого чувства и аскетической баптистской морали. Причем это довольно реальная проблема, поскольку, как сказано в данном послании, даже «лучшие дочери и сыны народа божия» вступают в «несчастные браки». С этой целью блюстители баптистской нравственности разрабатывают сложную систему регламентации поведения молодежи, куда более детальную и ханжескую, чем кодекс пансиона благородных девиц. В этом своде правил, казалось, предусмотрены все возможные жизненные ситуации. Например: «Христианской девушке отнюдь не может возбраняться полюбить юношу-христианина. И, наоборот, если этот выбор при участии воли Божьей. Но возбраняется прикасаться друг к другу, к телу девицы и телу юноши, ибо это возбуждает плоть... Поэтому христианская молодежь в общении друг с другом должна строго держать себя на расстоянии друг от друга при любом духовном расположении».

Особенно выразительна последняя часть рукописи «Ложе непорочно». Рекомендации насчет баптистского ложа разработаны с четкостью и скрупулезностью строевого устава.

Во всех этих наставлениях есть одна стержневая идея, исходная предпосылка и завершающий итог, а именно мысль о том, чтобы ложе тоже стало алтарем служения господу. Данное пожелание выражается в требовании, чтобы в своих «делах семейных» супруги не избегали «кипящей деятельности на ниве Божьей», не «замыкались в свой чувственный плотский мирок», чтобы муж был «пресвитером домашней церкви», а жена — «дьякониссой». Сокровенный смысл и назна-

чение ложа для баптистов в демонстрации своей «божественной духовности», в том, чтобы «соучаствовать» на этом поприще вместе с богом, не иметь от него ни тайных дел, ни тайных помыслов. А поэтому, призывает послание, «откроем пред Господом все наши тайники, чтобы лучи Божественного солнца правды любовью проникли за наши интимные занавески и освящали незатейно нашу брачную горницу». Примерно в таком же духе автор обрушивается и на «похоть очей».

Это не откровения графоманства. Это обобщение, отражение совершенно реальной логики чувств, логики, которая проявляется в судьбах многих юношей и девушек. Конечно, такие идеи оказывают воздействие не сами по себе, а выступают побочным продуктом других, более существенных процессов, собственно, объясняющих факт обращения данного человека к богу. Но поскольку такое обращение состоялось и поскольку приведен в действие весь арсенал идеологического воздействия баптизма на индивида, воздействия, смысл которого заключается в том, чтобы заставить человека отказаться от своих непосредственных чувств и земных привязанностей, данные идеи выступают как фрагмент этого воздействия и «достраивают» облик человека, «угодного» богу.

Внутренняя жизнь общины, повседневная деятельность ее членов (посещение молитвенных собраний, выполнение отдельных поручений общины и т. д.) образуют реальное поприще выявления тех религиозных добродетелей, которые восполнили изгнанные «мирские» ценности.

Анализ «внутренней» жизни общины, выявление складывающихся в ней отношений между людьми — один из центральных моментов в изучении современного баптизма. Мы уже отмечали, что религия «вос-

полняет» связи с обществом, утраченные человеком. Но дело не сводится лишь к идеям. В общине человек приобретает особую сферу общественной деятельности, становится членом нового коллектива. Обстановка, с которой верующий сталкивается в общине, в значительной мере закрепляет и углубляет его религиозные убеждения. Об этом много говорят баптистские проповедники, уверяя, что лишь в общине господствует подлинный гуманизм и человеколюбие.

Приведем яркий образ, предложенный в современной баптистской проповеди. Однажды путешественник, посетивший незнакомую страну, увидел мальчика, который бросал камни. Когда путешественник поднял один из них, то оказалось, что это были драгоценные камни. Но здесь никто этого не знал и швырялся ими [1]. Это аллегория, и назначение ее очевидно — доказать простую мысль: мир швыряется людьми, как тот мальчик камнями, и не видит, что это драгоценные камни. И только религия шлифует их, возвращает людям изначальную ценность, строит из них прочное здание церкви христовой.

В данном рассуждении проповедника нашла свое отражение одна действительная черта баптистской церкви. Приняв крещение, верующий оказывается членом определенного коллектива, в котором установлены свои особые связи и отношения между людьми. Отныне деятельность человека протекает в этом коллективе. И это, естественно, оказывает определенное влияние на человека, на его склонности и интересы.

Такова, собственно, общая закономерность формирования человеческой личности. Характер связей человека с обществом, с другими людьми, содержание его повседневного опыта играют решающую роль в

---

[1] См. «Братский вестник», 1947, № 1, стр. 28.

развитии личности, в становлении ее мировоззрения, идеалов, в развитии способностей, потребностей. Напомним, что задачу воспитания «богатой» личности Маркс понимал прежде всего как создание таких общественных отношений, в которых человек является и осознает себя их творцом. Становление личности происходит лишь в ходе ее активной жизнедеятельности, под влиянием той реальной повседневной обстановки, в которой находится человек.

Анализируя отношения, в которых «индивиды как физически, так и духовно творят *друг друга*» [1], мы сталкиваемся с одной важной чертой современной жизни. Включение человека в жизнь общества всегда происходит в форме приобщения к деятельности определенного коллектива, который и образует форму, сферу, условие, предпосылку индивидуальной жизнедеятельности. Коллективы могут быть самыми различными, неодинаково и воздействие их на индивида. Дело при этом не просто в степени их «сплоченности», «дружности» и т. д. Главное — общественное содержание их деятельности, их место в социальной структуре, их способность влиять на условия своего существования.

Коллектив может и выявлять человеческую индивидуальность, и, напротив, ее стирать, может воспитывать в человеке широкий кругозор, общественные интересы, тягу к культуре, а может подавлять личные склонности, превращать людей в бездумных автоматов, в «жизнерадостных роботов». Поэтому когда мы говорим, что богатство личности зависит от богатства ее общественных отношений, нужно подчеркивать не количественную, а именно качественную сторону дела.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 36.

В этой связи крайне важно напомнить о том различении, которое Маркс и Энгельс проводили между «суррогатами коллективности» и «коллективностью революционных пролетариев». «Только в коллективе,— писали Маркс и Энгельс,— индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода» [1]. И далее они характеризовали «суррогаты коллективности», в которых «личная свобода существовала только для индивидов, развившихся в рамках господствующего класса, и лишь постольку, поскольку они были индивидами этого класса». Эта мнимая коллективность для подчиненного класса «представляла собой не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы». Это такая «коллективность, к которой индивиды принадлежали лишь как средние индивиды». Т. е. они вступали в отношения «не как индивиды, а как члены класса».

Такому типу отношений Маркс и Энгельс противопоставляют «коллективность революционных пролетариев, ставящих под свой контроль как условия своего существования, так и условия существования всех членов общества: в этой коллективности индивиды участвуют как индивиды» [2].

Какова же природа коллективности баптистской общины, какие требования она предъявляет к человеку, какие нравственные качества воспитывает в нем?

Маркс и Энгельс не случайно подчеркивают способность коллектива «ставить под контроль условия свое-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 75.
[2] Там же, стр. 76.

го существования». Если труд индивида органически «включается» в процесс общественного производства, если человек действительно влияет на общество и выступает как творец условий своей жизни, то он закономерно формирует активное отношение к обществу, интерес к общественным духовным ценностям. Сфера приложения труда, предмет деятельности у различных людей не одинаковы, и на этой основе происходит выявление и закрепление индивидуальных черт людей, их «саморазличение» в процессе творческой деятельности. Именно осознание своей способности влиять на жизнь общества, активное отношение к нему и формируют человека как общественное существо, как личность.

Эти условия отсутствуют в баптистской общине. Здесь индивидуальные черты человека оцениваются не в связи с его отношением к общественно-историческому процессу и культурным ценностям, а в зависимости от соблюдения норм баптистской нравственности. Поэтому отношения людей между собой здесь приобретают особый вид.

Отношение человека к себе самому, отмечал Маркс, реализуется лишь в отношениях к другим людям. Как мы знаем, непременным условием вступления в общину является «духовное возрождение». Чтобы стать «драгоценным камнем» в «доме Христа», человек должен порвать со своими общественными идеалами и интересами, должен осознать, что он «ничто», что у него нет и быть не может склонностей, не идущих от святого духа. Именно эта вновь приобретенная «духовность» человека рассматривается как суть «подлинного», «живого» человека, в противоположность «внешним» отношениям, царящим вне церкви. Т. е. отношение к богу оказывается универсальной формой отношений между людьми, а процесс совершенствования

отношений в общине идет к тому, чтобы «превратить все человеческие и естественные отношения в потусторонние *отношения к богу*» [1], отношения реальных личностей в общине — в отношения единоутробных «братьев и сестер во Христе», анонимных носителей божественной благодати.

Здесь следует напомнить о специфике индивидуалистической концепции бога в протестантизме. Баптист считает, что его спасение не связано с земными отношениями, с отношениями его с другими людьми. Это дар именно ему, именно его избрание, в результате чего устанавливаются особые, персональные отношения со своим спасителем. А поэтому — здесь мы сталкиваемся со своеобразным парадоксом — сфера общественных отношений в баптистской церкви оказывается побочным продуктом установления с богом личных отношений персонально спасенных людей. Другой человек для верующего должен выступать как зеркало, в котором должен отразиться «внутренний» человек, удостоверяющий факт его избрания.

Поведение верующего, его деятельность в общине, его активность расцениваются баптистом не как проявление его самостоятельной сущности и способностей, а как результат воздействия святого духа. Сталкиваясь с добрым отношением к себе другого верующего, баптист должен усматривать в этом не проявление его человеческой сущности, а лишь способ выражения оказанного ему божественного милосердия. Поэтому отношение к другому человеку в значительной мере выступает как отношение к абстрактному индивиду.

Разумеется, деятельность в общине имеет определенное предметное содержание, в рамках которого могут найти свое отражение индивидуальные черты

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 190.

верующих. Это различные поручения по обслуживанию молитвенных собраний, уборка помещения, посещение больных и т. д. Занимаясь всем этим, члены общины, конечно, проявляют свои неодинаковые вкусы, привычки, склонности и т. д. Но это все различия — в рамках общей концепции «нищего духом» человека, человека, отказавшегося от активной созидательной роли в обществе. А поэтому такая деятельность не может служить основой формирования «богатой» личности.

Больше того, неоднократно повторяемый баптистскими проповедниками лозунг «в бога богатеть» предусматривает все большую изоляцию человека от интересов общества, от содержания его духовной жизни, от всего, что выходит за рамки общины. По мнению пресвитеров, богатство духовной жизни заложено в самом человеке — в его «возрожденной» душе и единственное, что требуется «для богатой и полной жизни,— это постоянная связь с богом, каждодневная молитва». Притом «внутренняя» сущность человека расцветает тем ярче и многоцветнее, чем решительнее человек заточает себя в «духовный монастырь». Именно это состояние и закрепляет организация баптизма, порождая целую сеть духовных суррогатов.

Порой обсуждают вопрос: имеются или нет прямые запреты баптистам посещать кино, театры, лекции. Вообще говоря, такие запреты встречаются нередко.

Сошлемся на документ под названием «Духовный термометр». Он публиковался еще в дореволюционное время [1], а сейчас в рукописном виде имеет хождение в баптистских общинах. В нем приводятся две шкалы:

---

[1] «Термометр, указывающий духовное состояние верующих и отпавших от бога людей» («Баптист», 1907, № 6).

«Температура смерти» и «Температура жизни». В первой указаны такие «градусы греха»: «...5. Посещение увеселительных мест. 6. Влечение к испорченному (безбожному.— *Л. М.*) обществу. 7. Посещение кино, театров. 8. Начало насмешек над благочестием и религией. 9. Удовольствие (!) в обществе неверующих». И т. д. Таков путь, который ведет к «осуждению и вечному мучению вместе с князем тьмы — сатаной».

Этому противопоставлена «Температура жизни»: «1. Посещение собраний, самоосуждение, покаяние. 2. Сознание духовной нищеты и жажда духовного мира... 5. Радость в Господе и служение ему. 6. Смирение для мира и полная отдача самого себя богу». И т. п.

Но главное не в формальных запретах. Как говорится, было бы полбеды, если бы изоляция от общественных интересов у баптистов была следствием лишь внешнего давления, идущего вразрез с их собственными устремлениями. На деле положение складывается иначе. Сами верующие обычно подчеркивают: «Нам ничего не запрещается, только выбирать нужно то, что для души полезно».

Вся обстановка в общине, характер религиозных проповедей постепенно притупляют интерес человека ко всему, что выходит за рамки баптистских идей. И это не просто теория, это реальные последствия воздействия религиозной общины, последствия, которые прослеживаются в судьбах тысяч людей.

...Однажды мне довелось беседовать с молодой баптисткой. Ей не было и 20 лет. Она закончила семилетку и теперь работает машинисткой. Я поинтересовался, читает ли она книги, ходит ли в кино, интересуется ли искусством. Сначала она еще пыталась вспомнить название каких-то книг, а потом сказала: «Книг я давно не читаю. В кино, на концерты не хожу. Не

потому вовсе, что мне кто-то запрещает. А просто мне это, знаете, неинтересно. Я Библию читаю, в ней такая полнота открывается, что ничто другое меня не влечет».

Не влечет — вот в чем суть!

Это в 20 лет. Пройдут годы, уйдет время учебы, развития интересов, способностей, и постепенно окончательно сформируется человек определенного типа. Самые разнообразные проявления общественной жизни, успехи науки, техники, интеллектуальная жизнь и т. д.— все это окажется вне сферы его интересов. Останется Библия, работа, молитвенные собрания.

Баптизм — это идеология, возвеличивающая и закрепляющая духовный мир обывателя, человека, «сознательно» отгородившегося от мира заботами о личном спасении. «И в газовых печах с надоевшими на них кастрюлями не узрят ли наши сестры-священники прекрасные жертвенники для служения своему господу?» [1] — говорит баптистский проповедник.

Внутренний мир баптизма — это мир, в котором нет ни высоких гражданских чувств, ни потребностей в этих чувствах, мир, целиком замкнувшийся в себялюбивых переживаниях и мещанских радостях. Баптизм защищает этот мир; он придает ему одухотворенность, наполняет его иллюзией человечности, по-своему старается возвеличить человека в собственных глазах. И не тем вовсе, что восстанавливает подлинную полнокровность человеческих чувств и потребностей, а тем, что духовное убожество возводит в ранг единственно истинной и высшей «духовности», пропитывает его филистерским самодовольством «уже спасенного» человека, расцвечивает отблеском небесного счастья.

---

[1] «Братский вестник», 1957, № 2, стр. 68.

ОБРЯДНОСТЬ

Когда речь заходит об особенностях христианских сект (в их число обычно включается и баптизм), то многие авторы прежде всего указывают на обрядность. По сравнению с католицизмом и православием, говорится в таком случае, сектантство упрощает свой культ, отказывается от «нелепых» и «малопонятных» обрядов, стремясь сильнее воздействовать на ум и чувства верующих. Получается, что отдельные наиболее ловкие проповедники, стремясь глубже замаскировать реакционную суть христианства, произвольно перекраивают и перетолковывают религиозный культ.

На деле же культ каждого религиозного течения органически связан с догматикой и моральными принципами, а причины их модификации имеют глубокие социально-исторические корни. Вводя те или иные изменения в обряды и праздники, религиозные реформаторы исходят не из абстрактного здравого смысла, не из оценки степени нелепости отдельных обрядов с точки зрения этого здравого смысла, а оформляют изменения религии, совершающиеся под влиянием изменения социально-политической основы. Мы уже отмечали, что религиозные доктрины формируются не по принципам абстрактного разума и абстрактной морали, а поэтому ставить вопрос, что более «нелепо» — церковные таинства или, например, «говорение на разных языках» у пятидесятников, — несерьезно.

Нельзя понять суть баптистской обрядности, если видеть в ней лишь некоторые чисто механические изменения по сравнению с культом православия — там кое-что убавлено, а там присовокуплено. Реформируя католицизм на началах буржуазного индивидуализма, баптизм соответственно в едином плане модифицировал и догматику, и моральные принципы, и культ.

В этом ключ к пониманию как негативной, так и конструктивной программы баптистских нововведений.

Отвергая церковь как посредницу в деле спасения и носительницу божественной благодати, баптисты отрицают церковную обрядность церковнослужителей, церковные молитвы и молитвенники, церковный ритуал, почитание изображения креста, икон, крестное знамение, заупокойные молитвы и службы, все церковные таинства, святых угодников, святоугоднические праздники, монашество, посты. Они также отвергают сложившийся в средние века культ девы Марии и особые праздники, с ним связанные. Таким образом, в общем баптисты отвергли те формы деятельности, которые характеризовали церковь как институт феодализма, отрицая или изменяя теоретические доводы, которые эту деятельность обосновывали.

Какова же позитивная программа баптистской церковной обрядности, какие обряды и праздники они признают?

Общая идея баптистов о единоспасающей личной вере и характере ее воздействия на человека находит свое отражение в определенной интерпретации смысла и роли обрядов. Сами по себе обряды, говорят баптисты, спасения человеку не дают, без личной веры они бессмысленны. Они имеют значение только для людей, «возрожденных свыше», и служат выражением этого факта. Иными словами, они не заменяют и не создают личной веры — это прерогатива святого духа,— но служат ее результатом и внешним свидетельством.

Первым обрядом, с которого, собственно, начинается жизнь верующего как полноправного члена церкви, является крещение.

Известно, что крещение является одним из церковных таинств и объясняется в соответствии с представ-

лением о церкви как непременной посреднице между богом и людьми.

По церковному учению, крещение — это мистическое очищение младенца от первородного греха, «сочленение бессмертного тела церкви». Епископ Феофан писал на этот счет: «...Во святом крещении к естественному составу нашему прилагается еще новая стихия сверхъестественная и остается в нас сокрытою и сокровенно действующею» [1]. Т. е. церковники считают, что в ходе крещения на человека, так сказать, автоматически, независимо от его сознания, воздействует благодать божья, без которой он не может унаследовать загробное воздаяние. Подразумевается также, что получить ее человек может лишь в церкви.

Отвергая посредничество церкви, баптисты, естественно, отвергают и догматическую основу таинства крещения.

Они крестят лишь людей, «сознательно пришедших к господу». Крещение же младенцев баптисты считают делом не только совершенно бесполезным, но и противоречащим учению Христа. По мнению баптистов, крещение не условие, предпосылка спасения, как в православии, а, напротив, завершение процесса «духовного возрождения», символ «вступления в послушание господу», знак принятия «новой жизни», «торжественный обет крещаемого следовать за господом и быть верным ему всегда». Это церемония, которая как бы фиксирует происшедшее в человеке обновление, организационно удостоверяет факт «избранности» человека.

Процедура крещения в баптистских общинах имеет свой в деталях отработанный ритуал, торжественно обставляющий день рождения «нового человека».

---

[1] «Журнал Московской патриархии», 1955, № 3, стр. 62.

Крещение младенцев в православной церкви — процесс в принципе конвейерный, механический. Вся ставка делается на воздействие непостижимой сверхъестественной стихии. В баптизме речь идет о закреплении «сознательной» веры взрослого человека. Здесь применяется совершенно иная процедура, рассчитанная на то, чтобы воздействовать и закрепить эту веру человека, торжественно и эмоционально отметить тот факт, что он «порвал с миром» и принял «господа в сердце». «Сам акт крещения,— пишет «Братский вестник»,— имеет такую внешнюю форму, которая дает возможность наиболее полно почувствовать сущность обращения человека ко Христу. Погружение крещаемого в воду символически изображает его смерть для греха, погребение всего греховного, что прежде владело душой, и воскресение души к новой, праведной жизни во Христе Иисусе» [1].

Одна из примечательных черт баптистского крещения, которое совершается в присутствии всей общины, заключается в том, что и проповедник, и хор, и все «братья» и «сестры» обращаются к совершенно конкретным людям. Именно крещаемым даются прочувствованные напутствия, для них поет хор и т. д. Они герои сегодняшнего торжества. Вся обстановка крещения способна оказать исключительно сильное воздействие на человека, запомниться ему навсегда, стать необратимым событием.

С момента крещения человек становится полноправным членом общины: он может принимать участие в голосовании, в решении внутренних проблем общины и т. д. В религиозном плане это выражается в том, что отныне он допускается к другому важному

---

[1] «Братский вестник», 1946, № 5, стр. 26.

обряду — хлебопреломлению, баптистскому варианту таинства причащения.

Как и церковное таинство причащения, обряд хлебопреломления восходит к библейской легенде о тайной вечере Христа. Отсюда некоторое сходство во внешней форме: разламывание и вкушение хлеба и т. д. Но по самой сути баптистское хлебопреломление существенно отличается от церковного таинства.

И католичество и православие рассматривают причащение как главное церковное таинство, как решающее средство в том процессе нисхождения на верующего спасающей божественной благодати, своевременно поставлять которую берется церковь. Смысл его в том, что «через вкушение тела и крови Христовых он (верующий.— *Л. М.*) теснейшим образом соединяется с самим господом и получает залог жизни вечной» [1]. В Православном исповедании Церкви восточной говорится, что таинство крещения «превосходит все другие и более других содействует к получению нашего спасения. Ибо в сем таинстве открывается и изъявляется верующим вся благодать и благость Господа Иисуса» [2].

Центральной идеей, которая предопределяет мистический, неземной характер церковного таинства, является учение о пресуществлении. Смысл его заключается в том, что хлеб и вино в момент произнесения молитвы особым путем превращаются в тело и кровь Иисуса Христа. По мнению же баптистов, хлебопреломление никакой мистической связи с богом не устанавливает и никакой благодати человеку не ниспосылает: благодать проявилась раньше, в факте «избранности» данного верующего. Что же касается хлебопре-

---

[1] «Журнал Московской патриархии», 1954, № 7, стр. 59.
[2] Там же.

ломления, то оно является «не средством к возбуждению веры, когда ее еще нет, а средством к укреплению ее, где она уже есть» [1]. Оно, таким образом, направлено не на создание религиозной праведности — это компетенция святого духа, а лишь на укрепление уже «возрожденной» личной веры.

Огромное значение в жизни баптиста играет молитва. Это, говорят баптистские идеологи, «путь приближения к богу, и христианин должен постоянно пользоваться им». Молитва, говорится в «Братском вестнике»,— это «канал, по которому изливаются все духовные благословения и нисходит сила свыше, и поэтому жизнь христианина должна быть жизнью непрестанной молитвы» [2].

Можно отметить два вида баптистской молитвы: молитвенные собрания и индивидуальная молитва. Как мы уже знаем, вступая в общину, человек принимает на себя целый ряд обязательств. Самым первым среди них считается периодическое участие в молитвенных собраниях, которые проводятся два-три раза в неделю.

Собрания эти значительно отличаются от церковных богослужений. Ими руководит пресвитер, который выступает с нравоучительными проповедями на библейские темы. Порой с проповедями выступают и рядовые верующие. Богослужение идет на родном языке (напомним, что в православной церкви оно до сих пор совершается в значительной своей части на церковнославянском языке). Проповедь носит нравоучительно-назидательный характер и обычно заключается в толковании тех или иных положений Библии. Баптисты придают огромное значение качеству проповеди и тре-

---

[1] «Баптисты, их учение и задачи», стр. 43.
[2] «Братский вестник», 1946, № 3, стр. 8.

буют, чтобы проповедник говорил ярко, образно, с «примерами из жизни». Проповедь сменяется общей молитвой, пением религиозных гимнов, которое обычно идет в сопровождении музыкальных инструментов. В крупных общинах молитвенные собрания сопровождает специальный хор, составленный из членов общины. Пению баптисты придают большое значение. Это, как они говорят, «непреходящий труд на ниве божией, отблеск будущей жизни в боге».

Поют баптисты специальные песни («Гимны») религиозного содержания. Многие из них напечатаны в различных баптистских сборниках. Кроме того, имеются песни, распространяемые в рукописном виде. При этом нередко они поются на мотивы популярных современных песен, разумеется с новым текстом. Например:

Мир душе своей я искал,
Но его найти не легко.
Долго я молился и страдал —
В поисках ушел далеко.

Мы рождены, чтоб гибнущему миру
Спасенье словом указать,
Чтобы разбить греховные кумиры
И к идеалу божьему призвать.

Религиозную деятельность баптизм не ограничивает стенами молитвенного дома. «...Храм там,— пишет «Братский вестник»,— где вы находитесь, и там же и алтарь» [1]. Поскольку баптизм утверждает необходимость на все смотреть «небесным взором» и черпать духовное богатство из постоянного общения с богом, то молитва рассматривается не как преходящее, отдельное действие, а как постоянное состояние верующего. «Непрестанно молитесь,— призывают бап-

[1] «Братский вестник», 1957, № 2, стр. 68.

тистские проповедники.— Христианин должен молиться втайне. Он должен бывать наедине с богом, и изливать свое сердце небесному отцу, если он хочет иметь хороший успех» [1].

По-видимому, нет необходимости характеризовать баптистские молитвы по содержанию — оно отражает основные идеи этого течения. «Молитва, — говорят баптистские проповедники,— есть биение пульса и дыхание внутренней жизни. Молитва есть озеро, в котором могут утонуть все наши заботы. Молитва есть крылья, на которых наша душа улетает к небу» [2]. И т. д. Отметим только, что озабоченность «хорошим успехом» не случайна в устах баптистов. Эта религия отразила мещанские представления и духовные ценности буржуазного мира, проникнутые делячеством и практицизмом. Поэтому в самых возвышенных рассуждениях мы встречаем такие, например, деловые советы: «Молитва должна быть определенной... Мы должны идти к богу с такой же определенной просьбой, с какой мы идем в магазин. Продавец готов нам все продать, но он нам ничего не продаст, пока мы не скажем ему, что нам нужно. Так и отец небесный хочет, чтобы мы обращались к нему с определенной просьбой» [3].

Баптисты отмечают следующие христианские праздники: рождество Христово (7 января), крещение (19 января), сретение господне (15 февраля), благовещение деве Марии о рождении спасителя (7 апреля), торжественный вход Иисуса Христа в Иерусалим (за неделю до пасхи), пасха, вознесение Иисуса Христа (на сороковой день после пасхи), день святой троицы (на пятидесятый день после пасхи) и преобра-

[1] «Братский вестник», 1946, № 3, стр. 8.
[2] Там же, стр. 11.
[3] Там же, стр. 8.

жение господне (19 августа). Помимо этого баптисты празднуют день Нового года (1 января). Имеются также два специфически баптистских праздника: день единства (27 октября) — дата объединения баптистов с евангельскими христианами — и осенний праздник жатвы. При этом «жатва» понимается как в прямом смысле — окончание сельскохозяйственных работ, так и в переносном — «жатва на ниве божией», т. е. итоги миссионерской деятельности.

В дни праздников баптисты проводят специальные молитвенные собрания, на которых произносятся проповеди на евангельские сюжеты, положенные в основу данного праздника. Какой бы то ни было специальный чин праздничного богослужения, принятый, например, в православной церкви, у баптистов отсутствует.

Имеются также два обряда, сохранивших внешнюю оболочку церковных таинств. Это бракосочетание и похороны. Они также проводятся в соответствии с общей баптистской процедурой: проповеди, молитвы, пение гимнов.

Какой общий вывод можно сделать из рассмотрения баптистского культа?

На первый взгляд может показаться, что баптизм, сокращая число обязательных обрядов, «упрощая» их, сворачивает свои средства практического воздействия на человека, делает его связь с церковью менее прочной. Однако, на наш взгляд, неправомерно оценивать суть обрядности с точки зрения ее формальной, внешней «сложности». Главное — как они воздействуют на верующего, какое место занимают в его жизни.

И здесь мы сталкиваемся с одной существенной особенностью баптизма.

Для верующего католической церкви церковные обряды представляют собой главные виды связи с церковью (не считая домашней молитвы). Церковь для

него предстает чем-то наподобие религиозного клуба, который он посещает время от времени, в зависимости от своего желания. Его жизнь вне церкви может оставаться в значительной мере нерелигиозной, а противопоставление жизни во Христе и жизни в мире выступает как преимущественно идейное противопоставление либо же как противопоставление церковной и светской жизни верующего.

Другое положение в баптизме. Здесь каждый верующий выступает не просто как зритель, а как непосредственный участник церковной деятельности. Он знает всех своих братьев и сестер по общине, может влиять на их образ мыслей и поведение. В случае нарушения церковной дисциплины, в случае охлаждения к вере община может наказать человека и даже отлучить его от церкви. Поэтому, во-первых, заметно возрастает возможность для пресвитера воздействовать на последователей церкви, ставить под строгий повседневный контроль жизнь верующего и удерживать его в рамках баптистской веры. Во-вторых, противопоставление жизни в Христе и жизни в мире получает организационное оформление. Община функционирует как коллектив единомышленников, противопоставляющий себя всякому иному коллективу, как не истинному. Она как бы замыкает круг каждодневных интересов человека, образует своеобразный суррогат общественной деятельности, приобщает человека к определенным связям и отношениям между людьми. Если к тому же мы вспомним, что непременным условием принятия в общину является «сознательная» вера и «сознательное» крещение, то станет понятно, что влияние баптистских идей оказывается весьма глубоким и прочным.

ВСЕОБЩЕЕ СВЯЩЕНСТВО

Рассматривая отношение баптистов к различным церковным таинствам, мы до сих пор не упоминали таинство священства. Между тем именно здесь выявляется довольно важная особенность баптизма. Отвергая необходимость посредничества церкви, баптисты отвергают также институт профессиональных священников, ломают традиционное деление на клир и мир. Вслед за основоположниками протестантизма они провозглашают принцип так называемого всеобщего священства, суть которого заключается в том, что всякий член церкви «должен нести свои священнические обязанности всегда и везде». «Каждый верующий — миссионер»,— заявлял в свое время Иоганн Онкен, и этот принцип в полной мере сохранен поныне: любой баптист рассматривается как служитель на ниве Христовой, ответственный за состояние церкви в целом. Проповедники постоянно требуют, чтобы каждый баптист «активно трудился на ниве божьей, разыскивал чужие души и стирал с них пятна» или, как они говорят, «распространял среди окружающих нас сильный аромат Христа» [1]. Такая активная деятельность объявляется одним из необходимых условий спасения. Вот что недавно говорил один баптистский проповедник: «Мы получим вечную жизнь только тогда, когда будем ежедневно и ежечасно думать о боге, спасать себя от грехов и грешные души наших близких и знакомых людей».

Напомним (об этом мы уже говорили в первой главе), что баптисты всегда уделяли громадное внимание миссионерской деятельности, рассматривая задачу распространения своей веры как одну из глав-

---

[1] «Братский вестник», 1948, № 5, стр. 31.

ных задач церкви. Эту традицию они сохранили и поныне.

Факты показывают, что баптисты весьма настойчиво пытаются навязывать другим людям свою веру. Здесь-то громадную роль играет внутренняя организация общины. Используя ее, баптисты быстро узнают о состоянии того или иного человека, о трудностях, с которыми он столкнулся, и т. д.

Формы миссионерства самые разнообразные. Порой баптисты долго присматриваются к человеку, находят общих знакомых, прежде чем решаются завести разговор о Христе или пригласить человека на молитвенное собрание. Иногда же они открыто, в расчете на первого попавшегося, ведут агитацию за религиозную веру в поездах, на базарах, по месту работы, рассылают людям письменные приглашения посетить «дом молитвы» и т. д. Их внимание прежде всего привлекают люди, так или иначе выбитые из привычной жизненной колеи, столкнувшиеся с несчастьем, с трудностями. «Христос любил хижины плача,— говорят баптисты,— и мы должны следовать за ним». Нередко члены общины не только окружают вниманием попавшего в беду человека, но и оказывают ему материальную помощь, помогают устроиться на работу, организуют уход за больными и т. д.

Среди особенностей, которые отличают миссионерскую деятельность современных баптистов, следует специально отметить то особое внимание, которое они уделяют религиозному воспитанию детей и вовлечению в общины молодежи.

Баптистская церковь всегда требовала от своих последователей, чтобы они воспитывали собственных детей в строгой религиозной вере. «Человек,— говорили баптистские лидеры еще до Октябрьской революции,— должен учиться всю жизнь, но фундамент свое-

го знания он ставит в молодости. Если жеребенок маленьким убежит в лес, то думаете ли, что его через 3—4 года можно будет взять и запрягать? О нет» [1]. Эту традицию они сохраняют и сейчас, требуя, чтобы верующие не упускали «случая ежедневно в своих молитвах просить о благословлении божием на детей. А лишь они сделаются настолько взрослыми, чтобы понимать слово божие, попытаемся привести их к спасителю». Религиозное воспитание детей расценивается как непременный долг верующего, как соблюдение заветов «священного писания». При этом порой баптисты применяют грубое насилие над детьми, запрещают им вступать в пионеры: пионерские галстуки, говорят они,— «это знак дьявола, в евангелии сказано о непризнании никаких знаков». В ряде общин устраиваются специальные собрания, рассчитанные на детей: детские утренники, елки, инсценировки религиозных пьес и т. д.

Борьба за юные души идет в двух направлениях.

Во-первых, стремление непосредственно воздействовать на детей и молодежь. С этой целью, например, распространяется специальная литература, где звучит один и тот же мотив:

О юноши и дети, вас бог особенно зовет
К труду его на ниве света.
Проснитесь, силы молодые!..
Пора давно пойти на нивы и жать усердною рукой.
Пора, о силы молодые, порывы сердца огневые
С любовью Богу посвятить.

Другим примером может послужить особая колыбельная, представляющая собой подделку под стихотворение Лермонтова.

---

[1] «Первый всероссийский съезд кружков баптистской молодежи...», стр. 64.

Спи, малютка, сном прекрасным, баюшки-баю.
Воспевают хором стройным ангелы в раю...
Иисус в венце терновом за тебя страдал,
Чтоб тебе в пути суровом вечный свет сиял.
Полюби его душою с самых юных лет.
Будет он всегда с тобою, защитит от бед.

Во-вторых, попытки воздействовать на верующих родителей, их праведность поставить в зависимость от того, обратятся ли к богу их дети. Особенно активны в этом направлении идеологи СЦЕХБ. Примером может служить проповедь «Плачьте о себе и о детях ваших» [1]. «Я не сомневаюсь,— говорит автор ее, обращаясь к верующим родителям,— что вы уже оплакали и плачете о грехах своих, но плачете ли вы о грехах дочерей и сыновей ваших?»

Если же вы не «сеете семя слова Божия в чистых безвинных маленьких сердечках», то вы «снова распинаете Христа». И далее он излагает совершенно четкую программу:

Детское сердце — нива безбрежная.
Сеять там нужно ранней весной.
Сеять заботливо, ласково, нежно,
Чтоб не осталось бороздки пустой.

С требованием религиозного воспитания детей тесно связана и миссионерская деятельность среди молодежи.

Еще до революции баптисты принимали энергичные меры к организации специальных кружков молодежи для изучения Библии, воскресных школ, «вечеров любви», кружков рукоделия, «собраний христианских девиц», «швейных вечеров», занятий по музыке и т. п.

Молодость,— говорил баптистский проповедник, — «остаток рая», «часть божественной святости», а «мо-

---

[1] «Вестник спасения», 1964, № 2(6), стр. 54.

лодежь, принадлежащая всецело Иисусу Христу, — венец всего творения и отблеск божьего величия» [1]. Уже после Октябрьской революции баптисты создали специальную молодежную организацию — бапсомол, которая в 20-е годы была довольно многочисленной. Особенно активны в работе с молодежью баптисты сейчас. Они, разумеется, понимают: от того, удается ли сектантским деятелям обеспечить себе постоянное пополнение из рядов подрастающего поколения, во многом зависит будущее баптизма. В целом по стране в зарегистрированных общинах баптистов молодежь (до 30 лет), по-видимому, составляет 10—15%.

Молодежь составляет особый предмет миссионерского интереса Совета церквей ЕХБ, который открыто провозглашает программу «омоложения» состава баптистской церкви. В этих целях проводится целая сеть мероприятий: организуются специальные молодежные кружки для изучения «священного писания», проводятся религиозные викторины, игры, вечера вопросов и ответов, нечто вроде воскресных детских школ и молодежных семинаров.

Сами руководители Союза церквей ЕХБ с похвалой отзываются о роли молодежи в их движении. «В первых рядах за возрождение церкви Христовой стала наша славная христианская молодежь». К сожалению, это нечто больше, чем корыстная лесть в адрес религиозного молодого поколения. Среди последователей СЦЕХБ молодежь представлена шире, чем в общинах ЕХБ; кое-где они прямо назывались «молодыми баптистами».

Идеологи этой группы энергично распространяют рукописные сочинения, специально рассчитанные на

---

[1] «Первый всероссийский съезд кружков баптистской молодежи...», стр. 62—64.

юношей и девушек: «Предписания для юношей», «Задачи христианской молодежи», «Я узник, гонимый за правду» и т. п. Мы остановимся на одном документе, который уже упоминали,— на «Братском совете молодым христианам». Он рекламируется как послание, «основанное на библейских и евангельских образцах, на священном писании, на божественных принципах, принятых нашим братством всего мира», а цель его усматривается в том, чтобы «христианская молодежь при воздействии силы святого духа смогла освободиться от губительного греховного влияния» и знала, как «содержать в чистоте путь свой».

Не будем подробно разбирать содержание этой довольно объемистой рукописи. Отметим лишь две ее главные идеи. Это, во-первых, проповедь активного миссионерства, предварительным условием которого ставится полная духовная изоляция от мира и «освящение» [1]. Во-вторых, проповедь духовного аскетизма, вытравляющая все общественно значимые, гражданские чувства и идеалы. Предварительным условием его ставится полное отделение «от мира сего с его пышностью и вавилонскими интересами», проведение «яркой границы между богом и миром сим» и отдача всего себя «служению Христу».

По мнению авторов, наилучшей формой осуществления данного идеала является создание специальной религиозной организации молодежи, параллельной обычной церковной организации: «Христианская молодежь в силу своего возраста и способностей, свойственных ей, создает в церкви необходимость отдельного сугубого объединения и отдельной заботы и наблюдения за нею со стороны церкви». Разумеется,

[1] В баптизме этот термин обозначает процесс все большего приближения человека к религиозному нравственному идеалу. Иногда он обозначается как «исполнение святым духом».

речь идет о создании организации, в которой «участие старших братьев в жизни и деятельности христианской молодежи должно быть непременным условием».

Какова же основная задача, которую авторы цитируемого документа ставят перед молодежью? Это «всячески вдохновлять молодежь на христианские подвиги, особенно в деле благотворительности или призыва грешников». Но этим дело не ограничивается. Выдвигается требование «участия в благовестии», т. е. посещения общин и групп верующих. И самое главное, ведение активной миссионерской деятельности: «Одно из ответственных дел, которое падает, главным образом на долю молодежи, — это распространение слова Божия, Библии и Евангелия, а также другой христианской литературы среди остро нуждающихся».

Авторы этого проекта стремятся к созданию строго дисциплинированного союза. А поэтому они настойчиво подчеркивают необходимость тщательного отбора его состава, объявляют нормой внутренних отношений практику неусыпного фискальства и тщательной слежки: «Для того, чтобы среди христианской молодежи царили мир и согласие, необходимо внимательно наблюдать друг за другом, с терпением и любовью увещевать малодушных, капризных, своенравных, самолюбивых и т. д. девиц и юношей, и если после всевозможных мер, принятых исправить таковых не удается, то устранить такового из общины...» Только при этом условии организация мыслится способной «вдохновлять молодежь на христианские подвиги».

Таким образом, разветвленная и хорошо организованная церковь ЕХБ ведет активную миссионерскую деятельность. Каковы ее результаты, каков баланс количества людей, вступающих и по разным причинам выбывающих из рядов баптистов?

Поскольку церковь у нас отделена от государства, то отсутствует официальная статистика, которая могла бы дать ответ на этот вопрос. Поэтому остается исходить лишь из отрывочных данных, характеризующих положение баптистских общин в той или иной местности. Эти данные, на наш взгляд, позволяют сделать такой общий вывод: за последнее десятилетие численность баптистской церкви сохраняется приблизительно на одном и том же уровне. Иными словами, число людей, вступающих в баптистские общины, уравновешивает число выбывающих из них (преимущественно за счет умерших). Таким образом, факт вступления наших соотечественников в баптистскую общину отнюдь не является исключительным, редкостным событием. Поэтому закономерно встает вопрос об условиях, в которых совершаются подобные факты, о причинах, которые приводят человека в церковь.

О ПРИЧИНАХ ЖИВУЧЕСТИ БАПТИЗМА

По-видимому, нет нужды говорить о громадном — и научном, и практическом — значении правильного решения этой проблемы. Между тем в нашей литературе она разработана крайне слабо. Пожалуй, наиболее очевидны следующие недостатки:

1. Как правило, речь идет о религии вообще. Между тем, как мы уже знаем, судьба различных религиозных течений в нашей стране была неодинаковой, и ответ на поставленную проблему должен учитывать, объяснять эти особенности, т. е. должен обобщать результат анализа конкретных религиозных течений.

2. Накопилось немало общих штампов и рассуждений, которые создают лишь видимость объяснения. Например, ссылка на отставание сознания от бытия.

Проблема, однако, в том и заключается, чтобы объяснить, почему данный вид, форма сознания отстают от бытия. Кроме того, понятие бытия в этих ссылках выступает в весьма неконкретном виде.

3. Проблема причины живучести рассматривается как некая самостоятельная тема, не связанная с анализом различных сторон данного религиозного течения. Между тем убедительно и всесторонне она может быть решена лишь на основе данного анализа.

Мы отметим лишь некоторые существенные моменты данной проблемы применительно к баптизму. При этом мы будем опираться на те характеристики баптизма, которые уже были даны раньше.

Прежде всего очевиден следующий факт. Верующий человек сам не создает заново религиозную веру. Он просто вступает в одну из существующих независимо от него религиозных организаций, переходит на позиции той или иной вероисповедной системы. Отсюда необходимым условием для возникновения веры в бога является наличие религиозных организаций и их миссионерской деятельности. Как мы видели, баптистские общины активно стремятся распространить свои взгляды, и объектами их внимания оказываются многие люди. Однако наличие религиозных идей, агитация в их пользу отнюдь не равнозначны вступлению в религиозную общину. Последнее — поступок «сознательный», добровольный, и он не может осуществиться помимо желания самого человека. Причем вступление в баптистскую общину — акт, далеко не формальный, он не исчерпывается отказом от курения и алкоголя. Человек фактически умирает для широких гражданских чувств, отходит от науки и культуры. Решиться на такой шаг может либо человек, который не знал других духовных интересов, либо тот, у кого появились серьезные основания порвать с ними. Поэтому

следует поставить вопрос о самом механизме и последствиях воздействия баптистской веры на человека.

Здесь встают две основные проблемы: во-первых, сбор как можно более обобщающих данных, характеризующих баптистские общины, и, во-вторых, правильная с научной точки зрения интерпретация этих данных. Вторая проблема заключается в выяснении тех явлений в жизни социалистического общества, которые все еще питают религиозные настроения.

За последние годы проведено немало конкретно-социологических исследований, которые зафиксировали более или менее единообразный социальный состав баптистских церквей на местах. Многие из них опубликованы в печати [1]. Они позволяют сделать некоторые общие выводы относительно состава современных баптистских общин.

1. Преобладающее большинство в баптистских общинах ныне составляют женщины, доля которых в общинах обычно составляет 70—80%.

2. Большинство баптистов являются людьми с низким образованием, малограмотными, либо вовсе неграмотными.

3. В общинах высок процент иждивенцев, домохозяек, пенсионеров. Что же касается трудящихся — а они нередко встречаются в религиозных общинах (особенно в сельской местности), — они, как правило, представлены рабочими-одиночками либо людьми малоквалифицированного труда: уборщицами, вахтерами, санитарками и т. д. Рабочих крупных предприятий в баптизме мало. То же самое справедливо и относительно служащих.

---

[1] См. «Современное сектантство и его преодоление». М., 1961, стр. 23, 24, 92—99; «Баптизм и баптисты». Минск, 1969 и др.

4. В основном членами баптистской церкви являются люди пожилого и престарелого возраста. Средний возраст баптистских общин значительно старше среднего возраста людей данной местности.

Разумеется, в зависимости от тех или иных местных условий баптистские общины могут отличаться друг от друга по своему составу. Но отличия эти находятся внутри отмеченных нами особенностей и в целом могут дать представление о том, на кого и почему баптизм еще оказывает влияние. Постараемся выявить некоторые общие черты, присущие представленным социальным группам, понять причину воздействия баптистской проповеди именно на них.

В этой связи отметим одно существенное обстоятельство.

Отношение человека к земной жизни, его интересы, склонности, потребности, содержание духовного мира, оценка своего места в обществе и т. д.— все это складывается под влиянием собственной житейской практики, реальных отношений с обществом, коллективом, с другими людьми,— одним словом, под влиянием социального опыта на том уровне и в той форме, как он выступает для данного человека. Социальный опыт — он, естественно, включает как непосредственное влияние жизни, так и опосредованное ее влияние через литературу, пропаганду и т. д.— суверенен в формировании характеристики личности; никакое идеологическое явление, никакая теория сама по себе не способна оказать влияние на человека, если она не выступит как часть, «разъяснение» его собственного опыта, если не опосредуется его личным отношением к окружающей обстановке. Все это в полной мере относится к религии.

Идея «небесного Ханаана» не способна изменить отношение к земной жизни, если она не выступит для

человека как идея, в чем-то созвучная его собственному опыту. Идея загробного воздаяния может отторгнуть земные привязанности лишь тогда, когда эти привязанности ослаблены нерелигиозным путем. Отношение к «миру горнему» всегда есть выступившее в мистифицированной форме отношение к «миру дольнему». Одним словом, религия не есть теория неба, она представляет собой — в этом причина и тайна ее влияния — определенную интерпретацию земной жизни.

А поэтому проблема «живучести религии» приобретает реальное содержание, если вместо выяснения связи абстракций — «религии» и «советского человека» — ставится задача проследить, как конкретные религиозные идеи возникают и усваиваются при определенных условиях, как возникают ситуации, в которых обращение к богу воспринимается человеком как единственный выход.

Победа социализма уничтожила эксплуатацию человека человеком, ликвидировала частнособственническую стихию, на практике осуществила плановое развитие народного хозяйства. Иными словами, постепенно сложились такие отношения, в которых люди контролируют социальные последствия своей деятельности. Перестройка общества, изменение объективных условий жизни людей, их места в общественной структуре и явились главной причиной отхода широких масс от религии.

Однако распространение и становление социалистических отношений совершились не в один день и час, не одинаково быстро и равномерно проникали в различные стороны жизни общества, не в равной мере преобразовывали условия производственной, бытовой жизни людей: «Религиозное отражение действительного мира,— писал Маркс,— может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повсе-

дневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем» [1].

Едва ли можно сказать, что данная программа целиком исчерпана. Отсюда можно сформулировать общее положение: пережитки баптизма в наибольшей мере сохраняются среди тех социальных слоев, в тех сферах жизни, которых в меньшей мере коснулись социалистические преобразования, где сохранилась зависимость людей от «внешних», им неподвластных сил, где имеются конфликты между планами и желаниями людей и условиями их осуществления, где в силу тех или иных причин человек не развивает свою активную творческую природу. Именно в таких условиях баптистский идеал человека-ничто, полного сознания собственной никчемности и т. д. может найти своих поклонников.

В наибольшей мере чувство одиночества, неуверенности в собственных силах, потребности в утешении и т. д. возникает в том случае, если человек сталкивается с горем, несчастьем, страданием, с проблемами и трудностями, которые он не может разрешить собственными силами. Факты показывают, что в баптистских общинах чаще всего оказываюся люди, так или иначе выбитые из привычных жизненных обстоятельств, из нормальной колеи жизни, люди, потерявшие веру в свои силы, в поддержку других. Конкретные причины таких состояний могут быть самыми раз-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 90.

личными: тяжелая болезнь, смерть родных и близких, неудачи в личной жизни, невозможность достичь личных целей, хронические материальные затруднения, грубое отношение со стороны руководителей на предприятиях и т. д. Красноречивы такие, например, данные. Из 259 человек, принявших крещение в московской общине (1959 г.), было 164 одиноких и 95 семейных. А среди 111 человек, подавших на крещение, семейных было лишь 38.

Разумеется, мера «созвучия» религиозной идеологии различным конфликтным ситуациям, в которые попадает человек, неодинакова и зависит, от его индивидуальных убеждений, кругозора, отношений с другими людьми и т. д. Но при наличии «мирской ограниченности» (Маркс), неразвитости социального мышления, внутренних потребностей и запросов, всякого рода трудности создают питательную почву для восприятия религиозной концепции мира.

...Случилось несчастье, и бывает так, что человек почувствовал себя одиноким, потому что никто ему не помог. «Как черствы люди,— думает он,— им нет дела до меня». Этому настроению оказываются полностью созвучны слова баптистов. «Ты прав,— говорят они,— в этом мире нет сердечного горения духа. Другой мир у нас — он основан на любви. В общине мы все братья. Лишь в ней ты найдешь утешение и любовь». Может быть, в другой обстановке человек и не обратил бы внимания на эти слова, наверное, если бы он ощутил чью-то поддержку, то не пошел бы «просто так» на молитвенное собрание. Но так случается не всегда, и нередко первое посещение молитвенного дома завершается в конце концов обращением.

Разумеется, было бы наивно полагать, будто приход в баптистскую общину должен быть непременно связан с каким-либо сильным потрясением или несча-

стьем. Напомним в этой связи слова Маркса: «...религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял»[1]. В определенных условиях переход на позиции баптистской веры совершается гладко. Именно так происходит дело с людьми, которые с детства воспитывались в религиозной семье и родителям которых удалось их изолировать от «мирских соблазнов», удержать их интересы и потребности в рамках баптистской общины.

Нельзя сбрасывать со счетов и особенность баптистской идеологии, весьма тонко использующей два самых сильно действующих на людей аргумента христианства: запугивание муками геенны огненной и обещание райского блаженства, посмертного воздаяния. Многое объясняет и особенность организации баптизма. Одинокий человек приобретает в лице баптистской общины сферу «общественной» деятельности, ощущение коллективизма, общности интересов с другими людьми и совместной деятельности на основе этих общих интересов. Ему обеспечено сочувствие и внимание, уважение его, как «брата во Христе». И хотя это внимание и уважение достигается ценой отказа от широких гражданских интересов, для человека, у которого они были неразвиты, жизнь в общине оказывается преимущественной формой проявления его духовной жизни, его человеческой сущности.

Каково же влияние баптизма на человека, проще говоря, в чем его вред?

Баптизм не повинен в том, что возникает угнетенное состояние духа, чувство одиночества, неверия в свои силы и т. д.— подобные состояния могут возникать вне баптизма, нерелигиозным путем. Суть его

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. I, стр. 414.

влияния в другом. Он предлагает систему взглядов, которая закрепляет, оправдывает такое состояние, превращает его в цельное мировоззрение, в детально разработанную идеологическую систему. Поэтому главное здесь — выяснить, в какой мере религия способна «развивать», «закреплять» иллюзорный социальный опыт. Переход на позиции религиозного миросозерцания нельзя понимать как процесс автоматический, когда мирские связи заменяются связями религиозными. Религия обладает относительной самостоятельностью по отношению к преднаходимому социальному опыту, она в определенной мере может усиливать, оформлять изоляцию человека от общества. Вред ее — вред огромный — заключается в том, что религия достраивает ощущение «отчужденного» человека до цельной идеологии, закрепляет его при помощи всего арсенала средств, выработанных веками для воздействия на человека подобного рода, и, включив его в систему определенных отношений в общине, закрепляет такое мироощущение, доводя его до мировоззренческого противопоставления земным ценностям и отношениям. То, что раньше было чисто эмпирическим преходящим фактом, теперь становится элементом цельной системы, и отказ от прежнего осмысления данного факта возможен лишь в том случае, если будет разрушено все здание религиозной догматики и нравственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таков баптизм.

Мы познакомились с его историей, существенными чертами и особенностями, разобрали его принципы, тот догматический и психологический инструментарий, который воздействует на чувства, мысли, поведение человека. Мы старались показать, что баптизм донес до наших дней отзвук судеб людей в условиях «превратного мира», зафиксировал поражение человеческого духа в борьбе за утверждение собственного величия и силы. Но дело не только в этом — баптизм не остался на том берегу истории. Это явление наших дней, это реальная сила, распоряжающаяся чувствами и думами наших современников. И к этому факту нельзя оставаться равнодушным.

Баптистские идеологи заявляют, что они предлагают людям высшую «божественную» истину и мораль, якобы полностью противоположные земным ценностям. Это, разумеется, заведомая мистификация. Процесс «очищения» человека от «мирской» морали

и наделения его чертами «божественной» морали есть освящение и универсализация особого земного социального опыта, предписывающего определенную ориентацию человека в обществе и особое содержание его духовной жизни. Баптизм закрепляет «отчужденное» состояние человека, возвеличивает момент подавленности человеческого духа, угнетенного состояния, сознания бессилия и собственного ничтожества.

Но дело не только в этих идеях самих по себе.

Они сочетаются с безусловным осуждением сферы гражданских идеалов и духовных ценностей, в которых проявляется величие человека, его творческий пафос, его роль сознательного творца социальных отношений, судеб общества.

В каждом обществе, разумеется, есть герои и обыватели, творцы культуры и духовные иждивенцы, носители гражданственности и внутренние эмигранты. Суть воздействия баптизма на человека в том и состоит, что он закрепляет состояние надломленности и ущербности. Баптизм наносит вред каждому человеку, попавшему под его влияние.

Имеется, правда, одна тонкость, о которой нельзя забывать: сам верующий почитает религию как самое дорогое, как то, что облегчает ему жизнь, дает ответ на загадки, которые она ему ставит. Но какой искренней ни была бы религиозная вера, каким закономерным ни было бы обращение человека к богу, нужно отдавать себе ясный отчет в том, что каждый такой шаг означает трагедию, поражение личности. И это обстоятельство определяет большой смысл и высокое гуманистическое значение научно-атеистической работы. Атеизм в наше время не должность, не узкопрофессиональная доктрина. Это то чувство ответственности, которое заставляет приходить на помощь другому, если он потерялся в своих жизненных бедах.

Но одного чувства, одного желания явно недостаточно.

Напомним слова В. И. Ленина: «Мы должны бороться с религией. Это — азбука *всего* материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо *уметь* бороться с религией, а для этого надо *материалистически* объяснить источник веры и религии у масс» [1].

Недостаточно просто «отрицательного» отношения к религии, в какие бы предельно эмоциональные формулы это отношение ни выливалось, вообще недостаточно лишь эмоционального отношения, подкрепленного случайными, поверхностными знаниями. Нужно глубокое, диалектико-материалистическое понимание религии как сложного социального явления, как формы общественного сознания.

Подлинный гуманизм несовместим с атеистической спесивостью и высокомерием, с оценкой верующего как человека, в чем-то неполноценного. И дело не в морализировании, не в показной филантропии, не в заигрывании, а в трезвом, внимательном понимании сути религии. Религиозные убеждения затрагивают глубокие чувства и настроения людей, связаны с мучительными поисками правильной науки жизни. Сам человек далеко не всегда может нести ответственность за свои иллюзии и ложные идеалы. Порой он жертва различных, от него не зависящих обстоятельств, в том числе и изощренной религиозной пропаганды. Религия — болезнь духа, болезнь социальная. Но если при лечении физических заболеваний необходимы знания, то они во сто крат нужнее для человека, имеющего дело с внутренним миром людей.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 418.

Коммунистическая партия неоднократно выступала против примитивного понимания содержания атеистической работы, против чисто бюрократической активности и грубого администрирования. Субъективизм, игнорирование объективных закономерностей недопустимы в воспитательной работе. Это особенно справедливо, когда речь заходит о баптизме.

Если человек является баптистом, значит, в его жизни был такой момент, когда он «сознательно» отрекся от своего прошлого, от гражданских идеалов и интересов, смиренно вручил свое сердце Христу. Отныне баптистское вероучение стало ширмой, которая отгородила его от остального мира и отфильтровала духовное воздействие этого мира. И пока человек почитает свою веру самой дорогой на свете (а именно таково требование баптистской морали), то никакая попытка высмеять его воззрения, а тем более административным нажимом заставить его порвать с ними не имеет шансов на успех. Вообще, наивно думать, что убеждения баптиста, сложившиеся не за один год, могут быть развенчаны в его глазах под влиянием двух-трех бесед.

...Так раскрывается история человеческого духа: от суеверий и иллюзий — к научным знаниям, к подлинным духовным ценностям. Для многих людей этот путь лежит через разрыв с баптистской верой. Преобразование социальных отношений, реальное воплощение в жизнь высоких норм коммунистической морали подведет историческую черту под этим идейным наследием превратного мира.

Оглавление

Митрохин Лев Николаевич

БАПТИЗМ

Заведующий редакцией *А. В. Белов*

Редактор *С. С. Никоненко*

Младший редактор *Г. И. Жарикова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Ю. А. Мухин*

Сдано в набор 28 ноября 1973 г. Подписано в печать 28 марта 1974 г. Формат $70 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 11,55. Учетно-изд. л. 11,06. Тираж 100 тыс. экз. А 00096. Заказ № 73. Цена 36 коп.

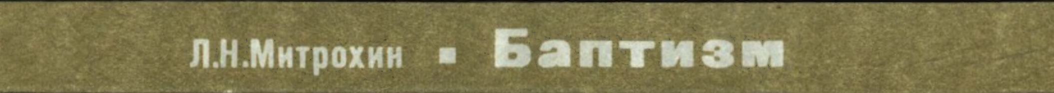
Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Набрано и сматрицировано
в тип. № 2 ордена Ленина комбината печати
издательства «Радянська Україна».
Киев, Анри Барбюса, 51/2.

Отпечатано с матриц в ордена Ленина
типографии «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.
Заказ № 3065

36 коп.

Л.Н.Митрохин · Баптизм